

Максим Эрштейн

Хааст Хаатааст

12+

Максим Борисович Эрштейн

Хааст Хаатааст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66437772

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта книга – о нелегком моральном выборе между совестью и протоколом, между духом и буквой, в ситуациях, когда человек решает судьбу зависящих от него людей. Книга раскрывает неизбежный конфликт между системой и человеком, который ею назначен, но пытается действовать, руководствуясь не столько ее требованиями, сколько человечностью и добротой. Действие романа происходит в недалеком будущем на острове в Охотском море. Присланный туда начальник экспедиции МЧС случайно знакомится с людьми, находящимися в тяжелых ситуациях – семиклассником Андреем и беглым преступником Антипом, и пытается разрешить их проблемы. Книга затрагивает вечные русские вопросы – диалектику духа и буквы, самостоятельности и фатализма. Умеренный футуризм, выраженный в технологиях, связанных с искусственным интеллектом, сочетается в книге с традиционной Российской жизненной проблематикой – коррупцией и воровством. Книга также отражает проблематику взаимодействия русского населения с коренным народом дальнего востока.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	83
Глава 7	107
Глава 8	120
Глава 9	145
Глава 10	164
Глава 11	183
Глава 12	202
Глава 13	220
Глава 14	233

Максим Эрштейн

Хааст Хаатааст

Глава 1

– Меня зовут Хааст Хаатааст, – громко, но несколько скомканно произнес вошедший посетитель, выглядывая из-под зонтика и поспешно закрывая за собою дверь. Вместе с ним в помещение ворвался мокрый ветер и все это произвело какое-то необычно болезненное нарушение происходившей в помещении оживленной беседы. Досада обитателей помещения, как заметил посетитель, была велика; по-видимому, он прервал какой-то важный разговор.

Однако и сами участники разговора не смогли бы объяснить себе причину, по которой внезапное появление этого человека настолько неприятно поразило их. Во время немой сцены, которая каждому из них показалась необыкновенно длинной, они пытались понять, что же так ошеломило их в этом человеке, в его таком сумбурном появлении, как будто слитом с порывом ветра, в его неуклюжем и громком приветствии. Грубое инородное тело вклинилось в их дискуссию в момент высочайшего умственного напряжения, когда многое держится в голове и нужны большие усилия, чтобы все это удержать. Видимо, их раздражение вызвано этим. Ведь

в такие моменты продуктивного размышления или обсуждения люди уединяются, запираются, и тем крепче, чем ценнее и уникальнее их занятие. А они никого не ожидали и не заперлись. «Но, с другой стороны», – так думал каждый из них, – «бывало такое и раньше, и не так уж невозможно восстановить потом всю картину и продолжить обсуждение. Так откуда же эта досада, почти злость, чем она вызвана?». Никто из них не мог припомнить в себе таких эмоций в подобных случаях и это удивляло и смущало их. Сам образ этого человека как-то слишком резко контрастировал с той атмосферой, которая была в их кружке. Каждый чувствовал это.

Не так остро, но чувствовал это и посетитель. Ошарашенно глядя на всю компанию, одной рукой он пытался закрыть неслушавшийся зонтик, а другой зачесывал назад сбитые ветром мокрые волосы. Был он высокого роста, брюнет, лет тридцати пяти или сорока, выглядел скорее молодо и бодро; одет был в черный плащ, подпоясанный ремнем, и, пожалуй, можно было сказать, что отличался он крупным телосложением и здоровьем. По всему видно было, что прибыл он издалека и в пути давно. Глядя на всеобщее замешательство, он застыл в полупозе и не решался ни на какие дальнейшие действия или слова.

Все эти мысли и неловкие движения длились не более нескольких секунд, после чего посетитель оправился и произнес:

– Прошу прощения за вторжение. Не имел намерения на-

рушить вашу беседу. Хааст Хаатааст, исполнительный директор северо-восточной группы экспедиций.

Члены нашего кружка, о которых мы подробнее расскажем чуть позже, изменились в лице. Елена привстала и с изумлением посмотрела на посетителя. Можно без всяких сомнений утверждать, что тонкая материя дискуссии, царившая здесь еще пять минут назад, испарилась мгновенно и безвозвратно.

– По-позвольте, милейший, здравствуйте, прошу садиться вот сюда, – сумел выдать из себя пораженный директор заведения, Леонард, протягивая руку к дивану, стоявшему у входной двери, наполовину закиданному книгами и журналами.

– Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение, – продолжил он уже немного более твердым голосом, подкрепленным интуитивной надеждой на то, что все это, может быть, окажется ошибкой.

Посетитель аккуратно присел на диван, расстегивая пуговицы на плаще, и, глядя вглубь комнаты, протянул Леонарду папку с бумагами. Пока Леонард жадно читал, посетитель недоверчиво оглядел помещение и бросил скользкий взгляд на двоих компаньонов Леонарда – Елену и Виктора Матвеевича, избегая смотреть им в глаза. Он продолжал излучать извинение за свое появление, в то время как члены команды смотрели на него с ужасом, постепенно сменяющимся недоумением и любопытством. Леонард подошел

к своим товарищам и протянул им бумаги. Все они втроем углубились в них, а посетитель, воспользовавшись передышкой, нашел в себе силы снять плащ и более внимательно осмотреть комнату, постепенно успокаиваясь и привыкая к обстановке.

– Но ведь это... – произнесла Елена и осеклась.

Троица, прочтя бумаги, ошеломленно посмотрела друг на друга; они медленно повернулись в сторону дивана и подавленно подняли глаза на посетителя. Теперь они видели уже умиротворенное, почти добродушное лицо, сильно утомленное, но явно выражающее состояние человека, достигшего цели. Посетитель смотрел в это время на кухонный стол, там были рассыпаны остатки печенья и грелся в чайнике кофе. В целом помещение концессии выглядело примерно так, как он и ожидал. Вид книг и кофе окончательно отогрел его и он дружелюбно посмотрел на нашу троицу. Увидев подавленное и обреченное выражение лиц, он опять похолодел.

– Что тут случилось у Вас, друзья? В чем дело? Что-то не так с документами? – оживленно и почти весело спросил он, вставая и подходя к ним. Еще одна немая сцена установилась в комнате, и пронизательные глаза отряда опять начали выражать недоумение.

– Да что же вы молчите, наконец? Что не так? Вы ведь двадцать седьмая экспедиция, четвертая команда, я ваши фотографии хорошо помню. Угостили бы кофе, что ли?

В этот момент Виктор Матвеевич, самый опытный и бы-

вадь в компании, собрал усилием воли весь свой опыт, и, видимо, придя к какому-то выводу на основании всех этих физиономических упражнений, наконец расслабился, улыбнулся, протянул незнакомцу руку, и как можно более задорно произнес:

– А, старина Хааст! Ну, приветствуем Вас! Как добрались? Извините, мы ждали вас только на следующей неделе, со связью здесь осенью сами знаете как. Вы нас простите, мы тут были в середине одного очень важного разговора.

Елена и Леонард с изумлением посмотрели на Виктора Матвеевича, что прошло незамеченным для незнакомца, так как он в этот момент опять глядел в сторону кухонного стола. Было им, однако, понятно, что у Виктора Матвеевича есть какой-то план, и они также овладели собой.

– Елена Старикова, – произнесла Елена, выступила вперед, выпрямила спину, протянула руку и улыбнулась. – Очень рада познакомиться. Я здесь специалист по отбору перспективных детей среди местного населения. Не хотите кофе?

– Леонард Бунс, директор экспедиции, – произнес Леонард и также поздоровался с незнакомцем, с трудом скрывая свое замешательство.

– Виктор Чагин, лингвист, – в свою очередь сказал Виктор Матвеевич. – Ну, давайте к столу. Ботинки не снимайте, холодно.

Все они вчетвером уселись за столом и разлили по чаш-

кам кофе; Елена достала из холодильника кусок вишневого пирога и положила на блюде перед Хаастом. Обстановка, казалось, налаживалась; сомнения посетителя рассеялись, а троица старалась изо всех сил не выдать своей озадаченности происходящим.

– Значит, ваше имя Хааст, – почти игриво сказала Елена. – Хааст Хохотааст! – добавила она и все рассмеялись; незнакомец отпил кофе и с удовольствием откусил от пирога.

– Мне ваше имя не сообщали, – добавила Елена.

– Пейте, старина, пейте, кофе у нас волшебный, как в старые времена, турецкий, – сказал Виктор Матвеевич. Он достал сигарету и вопросительно поднял брови, глядя на незнакомца.

– Не откажусь, спасибо, – ответил Хааст, и они вдвоем закурили.

– Мой дедушка был голландцем и меня назвали в его честь. Хааст на старо-фламандском означает тюльпан.

– Интересно, а ведь на многих языках по названиям цветов дают имена девочкам, а про мальчиков я как-то не слышала такого. Что скажет господин лингвист? – обратилась Елена к Виктору Матвеевичу.

– Господин лингвист не знает, – ответил Виктор Матвеевич. – Я узкий специалист. Тюльпан – это красиво. Здесь, к сожалению, они не растут – холодновато.

Так они сидели и как можно более мило говорили всякую

чепуху; незнакомец пил кофе и приходил в себя с дороги. К ним заглянул почтальон и бросил на диван пачку свежих газет; Хааст принялся листать одну из них. Наконец, однако, кофе был допит, газеты отодвинуты, и стало ясно, что долго откладывать деловой разговор больше не удастся. Экспедиционеры ждали, что отдохнувший гость первым начнет его, так должно было быть. Он не начинал. Все труднее было троице играть беззаботных болтунов, внутреннее напряжение сковывало их и вязало языки. Особенно тяжело приходилось Леонарду, который с детства был плохим актером и вообще предпочитал говорить все напрямую.

– Да, а мы тут работаем, в этом квартале результаты не очень... – произнесла наконец Елена и сделала паузу.

Уж теперь-то этот человек должен был приступить к делу. Троица сбросила с лиц шутовские маски и напряглась. Но ничего не начиналось. Хааст Хаатааст, исполнительный директор, который обязан был бы сразу же по прибытии решить их дальнейшую судьбу, молчал. Полномочный посланец такого ранга не сидит и не пьет запросто кофе с подчиненными. Должно происходить совсем другое. Но он молчал.

– Да говорите же наконец, черт побери, что это за цирк? – не выдержав, вскрикнул Леонард, и резко вскочил.

– Что же вам сказать? Что случилось? Почему вы кричите? – встревоженно ответил Хааст и растерянно посмотрел на них.

– Знаете, я с дороги как-то все обостренно воспринимаю, – добавил он. – Давайте-ка я пойду отосплюсь и завтра с утра введу вас в курс дел, и начнем вместе работать.

– Начнем работать? Мы начнем работать? – протяжно взвыл Леонард.

– Не обращайтесь на него внимания, – поспешно сказал Виктор Матвеевич, – нервы здесь сдают быстро, он тоже долго не спал. Давайте я вас провожу в вашу комнату, она тут, недалеко. Вы правы, завтра будем о делах.

И Виктор Матвеевич с Еленой подхватили посетителя и повели показывать ему помещение; затем он, уже разморенный и готовый ко сну, был уведен в свободную комнату и усажен на кровать. Вернувшись к Леонарду, они сели в кружок и стали молча смотреть друг на друга. Молчание длилось долго, и выражения их лиц были примерно такими, как если бы они прочли в газете, что началась война, но потом услышали на улице крики мальчишек, что кто-то пошутил про войну, а на самом деле никакой войны нет. За окнами стоял дождливый и пасмурный октябрь, холодный и мрачный. В этих местах растет мало лиственных деревьев, поэтому осень лишена здесь красок и листопада, и изобилует только заунывным ветром и морозящим дождем. И если еще час назад погода и внешний мир не существовали для них, настолько громким и оживленным был их разговор, то теперь весь мир превратился в стук капель дождя по стеклам и крыше, настолько глубокой была между ними тишина. В этот

момент им не нужно было много говорить друг другу; они уже несколько лет были частями одного целого, их маленького мира, который существовал и выживал внутри большого и чужого внешнего мира. За эти годы они научились, работая вместе по многу часов в день, чувствовать и дополнять друг друга, как пружинки и рычаги единого механизма. Любые радости и неудачи становились общими; каждый знал реакции, привычки и слабости друг друга. Они вполне могли угадывать по утренним интонациям, все ли в порядке у каждого в семье и даже что конкретно не в порядке. Не то чтобы они этим делились друг с другом, наоборот, поначалу они даже старались соблюдать известную дистанцию, ограничивая общение исключительно рабочими темами. Но со временем они забросили это занятие, потому что как-то вдруг незаметно оказалось, что каждый знает все друг о друге; они стали похожи на одну большую семью. И вот теперь их общий мир, похоже, рушится. Это такое состояние маленькой промежуточной смерти, какое бывает, когда тебя увольняют с работы или когда узнаешь от доктора о своей скрытой и тяжелой болезни. В такие моменты кажется, что, может быть, все это сон, или, может быть, это происходит не с тобой, а с кем-то другим, на кого ты смотришь в кино. Это обостренное чувство само-осознанности, которое так редко посещает нас в обычной, лишенной потрясений, жизни.

Наконец Елена прервала молчание:

– Мне сразу плохо стало, когда он вошел. Я как-то по дру-

гому себе все это представляла.

Глубокие морщины образовались у нее на лбу, но теперь скорее обреченность и смирение были в ее глазах, чем какие-то другие чувства. Никакой надежды у нее не было, все было предельно понятно.

Виктор Матвеевич злобно прошипел:

– Это что за тип, кто-нибудь может мне сказать? Одно мне ясно: он не директор никакой. И озвучил то, что вызвало поначалу недоумение каждого из них, уже более спокойным голосом:

– Он ведет себя как какой-то студент-практикант. Вы вообще знаете как это бывает? Директор приезжает и за полчаса все чик-чик и готово, и вечерним же рейсом его нет здесь. А у тебя билетик – если повезет, то куда-нибудь в теплые края, а чаще всего – домой без выходного пособия. Вот черт, связь с континентом только послезавтра. Мы еще посмотрим что это за Хааст такой; я позвоню из библиотеки. Передо мной, я вам не рассказывал, есть должок у одного типа в центре; был у нас случай в прошлой жизни; он там пробьет этого Хааста по базе данных.

– Да ладно, Виктор Матвеевич, остыньте, – ответил Леонард. – Бумаги верные.

Он скорее был согласен с Еленой: теперь, когда этого странного человека рядом не было, бумаги неумолимо перевешивали это впечатление ненастоящести директора. Вот его нет рядом, может и не было вовсе, а бумаги лежат и там

такие неоспоримые вещи написаны. И, может быть, вся эта неестественность им просто почудилась в разгаре их дискуссии?

– Видимо, устал с дороги, путь то неблизкий, – продолжил он. – Ну, или чудак такой. Эх ты, жизнь-жестянка. Через полгода ведь в дом въезжать. Как жене скажу?

И вдруг что-то укололо его, какое-то ясное чувство оседало, и он воскликнул:

– Черт, но ведь не может быть! Не знаю, кто это, но завтра он нас не убьет. Давайте, Чагин, звоните. Ерунда какая-то.

И опять ими овладели недоумение и надежда на чудо, какая бывает в особых ситуациях в жизни. Леонард вспомнил, как когда-то шел смотреть на результаты вступительных экзаменов в институт, к которым готовился полгода, и к ногам как-будто были привязаны гири. Он понимал тогда, что написал плохо и наверняка провалился, но отчаянно надеялся и цеплялся за шанс, что преподаватель не заметил ошибок, или, может быть, все остальные тоже неважно сдали, и ему повезет и он все-таки поступит! Ведь если нет, то все – конец, пустота, он тогда даже не представлял, как будет жить дальше. В таких смешанных чувствах троица распрощалась друг с другом и они разъехались по домам раньше, чем обычно. Надо было успокоиться и морально подготовиться к завтрашнему дню.

Глава 2

«В сердце каждого мужчины есть место для подвига. И это место пустует. Большинство из нас – на самом деле – охотники, моряки и солдаты. Мы чувствуем настоящее удовлетворение и счастье только в борьбе с опасностью и стихией, когда нужно испытать себя, проявить свою силу и дух, совершить подвиг. Те из нас, у кого это пустое место в сердце слишком велико, обычно рано уходят из жизни. Они, едва достигнув совершеннолетия, отправляются на войну, или в море, штурмуют неприступные горы, или, на худой конец, идут учиться на пожарных или полицейских, терпеливо предвкушая спасения людей и погони за преступниками. В наших религиях и культурах принято проклинать беды и несчастья, уготованные человечеству природными и общественными катаклизмами – землетрясения, войны, пожары и бури. Но для мужчины такие катастрофы являются единственным путем к настоящей реализации своей никчемной души. В этих очагах первобытных сил мы можем вкусить их дух, красоту и величие, слиться и побрататься с ними. Побороться с ними и победить или умереть, лучшей возможной смертью, смертью храбрых. Каждый хочет смерти храбрых и жизни храбрых, но где эта жизнь, и где эта смерть? Все меньше такой жизни у нас; вслух провозглашая превосходство нашей жизни перед жалкой участью предков, мы про

себя тайком завидуем им и мечтаем, как Дон Кихот, бросить все, сесть на лошадь и отправиться бороться с ветряными мельницами, искать прекрасную даму и защищать паломников на пустынных дорогах. Но вместо этого мы занимаемся чем угодно: что-то производим, продаем-покупаем, и в конечном счете все наши личные усилия направлены на зарабатывание денег для поддержания наших семей, а совместные усилия – на облегчение и улучшение жизни нашего общества. Ведь у нас облегчение – синоним улучшения. Мы стараемся изо всех сил сделать существование наших детей еще более беспроблемным, и тем самым совсем отнять у наших мальчишек возможность и необходимость подвига.»

Примерно так думал Хааст во время долгого перелета на остров Альбины в Охотском море, где и происходит действие нашей истории. Скользя взглядом по бесконечной веренице сверкающих на солнце облаков, то расстеленных снежным войлочным одеялом, то взбитых гигантской сахарной ватой, он испытывал глубокое облегчение от своего, наконец свершившегося, отъезда из столицы. Его карьера в Московском офисе министерства чрезвычайных ситуаций была отмечена всеми возможными «не», которые только могут быть применимы к понятию «карьера»: она была недолгой, неуклюжей, неинтересной и неплодотворной. Хааста терпели только благодаря протекции его дяди, крупного правительственного функционера, который и выписал племянника из крымского приморья на престижную работу в

Москву. Хааст ни в коем случае не был офисным работником, в Крыму он руководил спасательными морскими операциями и любил сам принимать в них участие. В последние годы он скорее тяготел к организационной и даже теоретической работе по планированию таких операций, ибо не лишен был склонности к научному подходу в решении масштабных задач. Это стремление к научной деятельности и подвело его при решении перебраться в Москву; уже в первую неделю на новом месте он понял, что в центральном министерстве никаких методик не разрабатывают, кроме методики разворывания государственного бюджета и перекидывания реальных задач в региональные отделения. Хааст был редким специалистом-универсалом, прошедшим весь путь рядового спасателя, понимающим до мелочей все стороны профессии, и при этом знающим отрасль в целом. Он выбился в руководители благодаря своим лидерским качествам; его спасательное отделение отличалось эффективностью и продуманностью операций.

Вырос Хааст в Феодосии в семье врачей; его родители были радикальными ретроgrадами в вопросах воспитания детей, опередившими свое время. Теперь их идеи воплощаются во всех прогрессивных лицеях мира, но во времена Хаастова детства эти идеи считались бесчеловечными и архаичными. Хааста запирали на неделю в пустой комнате с книжкой «Илиада» Гомера. В двенадцать лет его отправили с рюкзаком в соседнюю деревню к родственникам пешком, без ко-

пейки денег, и он должен был ночевать в степи в палатке. Но уже через два года он сам захотел пожить месяц в уединении на черноморском островке, где применял все почерпнутое из книжки Арсеньева «По Уссурийскому краю». Айпадов и гаджетов ему не покупали, да и сам он не очень-то любил видеоигры и виртуальную жизнь, которую вели его сверстники. Это был тот редкий случай, когда родительские намерения совпали с врожденными склонностями ребенка, и Хааст рос романтичным, умелым, и в чем-то немного отстраненным мальчиком из прошлых столетий. Ничто современное не было ему чуждо, и некоторые привлекательные уголки интернета занимали кое-какое место и в его жизни. Однако, качество самодельного медового напитка, сваренного из степных трав по древним рецептам, точность солнечных часов, собственноручно вырезанных ножом из пня столетнего дерева – вот чем был по-настоящему увлечен и заполнен его мальчишеский дух. После школы Хааст учился в Севастопольском военно-морском инженерном училище, не закончил его, диплома не получил, и устроился спасателем в МЧС, где уже через десять лет занимал пост начальника отделения.

Последний год в Москве был худшим годом его жизни – работа, климат, люди – все было ему глубоко отвратительно. Он стал искать случая перевестись на оперативную работу, уехать, по возможности в какое-нибудь местечко не окончательно изуродованное цивилизацией, где у лю-

дей еще сохранилось непосредственное восприятие природы и необходимость бороться с ее экстремальными проявлениями. Шанс вскоре представился. Ведь после известных событий на континенте, усиливших и без того угрожающую всеобщую немощь и апатию, необходимо было срочно обновлять психический фундамент приходящей в упадок человеческой популяции, называемой обществом. Поэтому в множество удаленных уголков были посланы долговременные экспедиции. Они курировались из центра, и периодически к ним отправляли начальников для проверок и ревизий. Получив назначение, Хааст немедленно купил билет и вылетел, едва не забыв захватить с собой папку с документами и инструкциями. Он надеялся задержаться под каким-то предлогом в экспедиции и подольше не возвращаться назад. И вот наконец он на месте! Здесь было море, чайки, горный пейзаж, кусты можжевельника и сильный ветер. Хааст спал совершенно счастливый, чего нельзя сказать о Елене, Чагине и Леонарде, которым вряд ли удалось как следует уснуть этой ночью.

Домик, арендуемый экспедицией, находился на узком горном плато, вдоль дороги, которая уходила отсюда серпантинном вверх, и достигнув перевала, спускалась по противоположному пологому склону напрямую в долину. Выйдя из домика, можно было за несколько шагов достичь самого края плато, и лицезреть внизу, на побережье, городок, или, вернее, растянутые вдоль морского берега рыбацкие посел-

ки, там и сям карабкающиеся на крутые горные склоны. Городок лежал не в морской бухте, как водится, а на округлом побережье, вдававшемся в море. Всем приезжим такое расположение казалось необычным и опасным, в нем были вызов стихии и в то же время наивная открытость и беззащитность перед ней. В этом сочетании скрытой силы и демонстративной незащищенности воплощалась одна из наиболее интересных особенностей характера местного населения. Море, действительно, щадило эти места и город почти не подвергался наводнениям и разрушениям. Изредка, однако, случалось, что эта благосклонность стихии все же нарушалась жестокими штормами, и тогда можно было наблюдать, с какой ловкостью и смекалкой рыбаки сооружали заграждения и плотины против прибывающей воды. Жизненная энергия и уверенность в своих силах, свойственная людям прошлого века, еще сохранилась у местных жителей – вот это и представляло главную ценность для экспедиции, постоянно обосновавшейся здесь несколько лет назад. Население острова неуклонно росло в последние двадцать лет, в основном за счет переселенцев с материка, а уж в последние годы, по понятным причинам, их приток возрос в несколько раз. Перед экспедицией были поставлены две главные задачи. Первая: реабилитационная помощь новоприбывшим в их процессе адаптации к цивилизационному «даунгрейду» – скачку от перекормленной и малоподвижной офисно-компьютерно-виртуальной жизни мегаполисов к натуральному,

природному существованию, где многое приходилось добывать своими руками и его величество труд стал вновь выполнять свою забытую историческую функцию – облагораживать человека. И вторая: отбирать кандидатов для обратного переселения в мегаполисы – из местных жителей и успешно прошедших адаптацию приезжих, и постепенно наладить такую обратную миграцию на материк.

Хааст проснулся с рассветом; перемена часовых поясов была настолько радикальна, что, несмотря на в целом бодрое состояние, в голове стоял туман, а в горле сухость. Утолив жажду, Хааст выскочил из дома, дошел до обрыва и окунулся в упоительный эфир из прохладного морского бриза и глухого отзвука прибоя, накатывающего на скалы где-то внизу, левее рыбацкого поселка. Сказать тут про Хааста, что инородное тело наконец вернулось в свою привычную среду, было бы недостаточно – точнее было бы сравнить его с задыхающимся больным, которому пересадили новые легкие. Хааст блаженствовал. Было раннее утро, и ни одна живая душа не потревожила его соединения с родной стихией. Прямо перед ним ласточки купались в восходящих потоках ветра, уносились с ними наверх, к черной громаде горы, а затем падали камнем обратно к краю плато, чтобы снова повторить свою забаву. Воздух был наполнен едким соленоватым запахом моря, смешанным с хвойным ароматом ельника, облепившего горный склон. Вдоволь напивавшись всей этой благодатью, Хааст возвратился в пустой офис и обна-

ружил там записку от Елены с инструкциями про завтрак, про офисные помещения, и тому подобной ознакомительной всячиной. Он распахнул все окна в доме и позавтракал, просматривая отчеты экспедиции за последний год. Около девяти утра появилась Елена, немного позднее приехали вместе Леонард и Чагин на старенькой машине с бензиновым двигателем, каких на континенте уже и не встретишь.

Восстановилась всеобщая неловкость. То, чего ожидали от Хааста теперь уже утром, опять не происходило. Поверхностно побеседовали об отчетах, перешли к расписанию. Хааст спросил, отчего все здесь называют друг друга строго на Вы, и ему объяснили, что таков устав и нарушать его не следует. Леонард, Чагин и Елена поняли, что на сегодня никаких радикальных действий у Хааста не запланировано и приободрились. Леонард пустился в детальные описания какой-то методики, как вдруг зазвонил телефон.

– Прошу прощения, – прервал свой рассказ Леонард и поднял трубку.

– Когда? Где? – по этим взволнованным восклицаниям было понятно, что что-то случилось.

– Выезжаем! – крикнул в трубку Леонард, бросил ее, и побежал к своему столу.

– Хааст, вам повезло. У нас происшествие. Прыгайте в машину к Елене, все поедем на ней. Мы с Чагиным сегодня притащились на старушке Медоуз, она для таких приключений не годится.

Через пять минут вся четверка мчалась вниз, в поселок, по извивающейся, каменистой дороге, уже прилично размытой осенними ливнями. Елена уступила руль Леонарду, хладнокровному и опытному водителю. На полпути протаранили стену дождя толщиной в несколько футбольных полей; пришлось сбавить скорость и включить сирену. По пути Хааста вводили в курс дела и примерно объясняли план действий. Через полчаса машина остановилась на берегу, перед уходящим в океан пирсом, возле которого уже стоял полицейский джип. Пирс был оцеплен, небольшая группа зевак наблюдала за происходящим. Полицейский, из местных алеутов, приветствовал Леонарда и компанию, ему представили Хааста и все вместе поспешили на пирс, в конце которого виднелось несколько неподвижных фигур. Подойдя поближе, разглядели пятерых человек – мужчину, женщину и троих детей-подростков, они перелезли через ограждение и готовы были спрыгнуть вниз, в море, из которого торчал хребет огромной каменной дамбы. Высота пирса над морем была в этом месте не менее двадцати метров; дамба то покрывалась волнами, то вновь обнажалась, являя поросшие мхом и водорослями бока массивных базальтовых валунов.

Еще в дороге Хаасту объяснили, что самоубийства здесь – еще более частое явление, чем на материке, и статистика эта замалчивается, чтобы не отпугнуть приезжих. Нередко это массовые самоубийства. Происходят они у переселенцев, как правило, в первые полгода после переезда сюда. Они

не могут справиться с тяжелыми условиями новой жизни, не способны адаптироваться и выдерживать конкуренцию в рыболовном и других местных промыслах. Хааст знал о засекреченных планах, где такие люди назывались «отработанным материалом», необратимо мутировавшим в яйцеголовом направлении – они, а иногда и их дети, могли существовать уже только в виртуальной, компьютерной жизни. Заранее безнадежным не считается здесь никто, и только жизнь выявляет таковых суровым естественным отбором. Местные жители, полиция и экспедиция стараются помочь как могут, но ресурсы и возможности, по словам Леонарда, сильно ограничены. Обычно с теми, кто решил покончить с жизнью, работают полицейские психологи, но иногда привлекают экспедицию, как это случилось и сегодня.

Хааст и компания осторожно двигались дальше по пирсу.

– Еще три шага, и мы прыгаем, – послышался отчаянный мужской крик.

Команда, уже и так готовая остановиться, замерла.

– Сколько? – спокойно и деловито спросил Чагин. – Метров пятнадцать?

Елена уже держала какой-то прибор, незаметно направленный на группу в конце пирса.

– Семнадцать, далековато. Пасмурно. – сказала она.

– Давайте попробуем, – так же спокойно и флегматично изрек Леонард.

– Не волнуйтесь, мы стоим, больше ни шагу к вам, – гром-

ко крикнул он самоубийцам, и троица, как по команде, сделала два быстрых шага в их сторону. Леонард вскинул руки в воздух, что означало – сдаемся, больше ни шагу.

Хааст и полицейский остались позади, Леонард сделал им знак не подходить ближе. Чагин вытащил из рюкзака фотоаппарат высокого разрешения и, стараясь не совершать лишних движений, сделал несколько снимков.

– Есть еще полчаса до начала отлива, – сказал Леонард.

Хааст смотрел, слушал и понимал, что ситуация для троицы вполне штатная и они четко знают, что делают, ведь сохранять холодную голову и точность расчета – самое главное для спасателя. На заднем экране фотоаппарата Чагина отобразился какой-то текст, и Хааст догадался, что это информация о прыгунах.

– Это одна целая семья, и два подростка из другой семьи. Здесь три месяца, все из Москвы. Отца уволили позавчера из каменоломни. Не хотел работать. По наблюдениям соседей, мать с отцом в депрессии, часто ссорятся. Отец всю жизнь был IT-менеджером. Живут у северного ручья, в галерее, – озвучил текст Чагин.

– Какого черта таких сюда присылают из вашей Москвы? – повернувшись к Хаасту, спросил он. И добавил:

– Шансов у отца с матерью здесь мало, безнадежный случай.

Елена сняла куртку, положила ее вместе со своим рюкзаком на деревянный настил, и налегке, вскинув руки, прибли-

зилась еще на два шага к концу пирса.

– Пожалуйста, послушайте меня, – закричала она. – Через месяц открывается ювелирная фабрика и вырубка льда в медвежьей бухте. У всех будет работа. Ребята – вы сможете бесплатно заниматься в военно-морском музее. Также я вас устрою рубить ледяные скульптуры и вы сможете поехать в Японию на ледовый фестиваль. Ребята, я вам гарантирую путевки в Японию. Вы там будете жить месяц.

Ее голос, мягкий и приятный на слух, звучал искренне и привлекательно, это не было формальное озвучивание текста, хотя слова, конечно, в общих чертах были подготовлены еще по пути к месту происшествия. Елена говорила еще несколько минут. Родителям были обещаны бесплатные занятия в академии ремесел, которую уже два года обещали открыть на острове и весной уже точно откроют. Елена знала, что этой весной академия не откроется, но, увы, приходилось врать. Елена в целом настаивала, что впереди много возможностей, и сдаваться таким образом – непростительно и малодушно. Стоящие на краю пирса никак не реагировали на проповедь Елены, хотя смотрели прямо на нее, и, похоже, слушали. Выражения их лиц было трудно различить – этим пасмурным, мглистым утром все казалось размытым даже на расстоянии десяти шагов. Дождя пока не было, и, даже, казалось, начинало рассеиваться. Вопросов пока Елена не задавала, и совершенно непонятно было, имеют ли ее слова хоть какой-нибудь успех.

– Протяните, Елена, еще немного, никак не приходит ответ, – прошептал ей Чагин.

Как только он это произнес, на экране его фотоаппарата появился новый текст. Елена шагнула назад к Чагину, и Хааст тоже подошел; все стали жадно читать. Хааст поразился этой информации – такого он на континенте не встречал. Здесь было впечатляющее собрание мельчайших подробностей из жизни участников суицида – двоих взрослых и троих подростков. Были даны характеристики, описаны старые привычки, увлечения и случаи из детства, способности и склонности. Были указаны имена друзей и учителей, приложены фотографии дворов и улиц, где выросли расследуемые. Времени читать все это сейчас никак не было. Хааст не успевал, настолько быстро Чагин листал страницу за страницей, но наша троица, похоже, все впитывала и мотала на ус. Леонард вдруг отделился от компании и быстрым шагом пошел обратно к машине.

– Куда это он? – спросил Хааст.

– Скрипка. Скоро вернется. Не мешайте, пожалуйста, – быстро ответила Елена, она вся была погружена в проглатывание текста на экране аппарата Чагина.

Хааст не понял. Никакой скрипки он в тексте не видел, видимо, пропустил. Ничего из того, что он успел выхватить из стремительно бегущих строк, не казалось ему подходящим рычагом для влияния на этих несчастных; все это были обыденные, непримечательные, хотя и очень подробные факты

из их жизни. Он был прав – интересных деталей было мало. Люди со способностями и талантами редко идут на самоубийство, если конечно эти таланты умеренны и не мешают им твердо стоять на земле. Елена читала несколько минут, между тем погода налаживалась, светлело. Когда она вновь обратилась со словами в конец пирса, там уже можно было различить выражения лиц и отдельные движения. Елена обратилась к взрослым по имени-отчеству и передала привет от их старых знакомых. Вывести их из решительного, сконцентрированного на своем плане состояния путем удивления, изумления – такова была ее тактика – сообразил Хааст. И она мгновенно сработала – на подавленных, угрюмых лицах стало заметно оживление, интерес.

Елена назвала двоих детей по именам – это были брат и сестра, друзья сына семейной пары. Она подошла еще на несколько шагов и рассказала им, что их дядя, живущий в Германии, приглашает их в гости на лето. Как выяснит потом Хааст, это была чистая правда – уже в момент запроса Чагина всем родственникам были посланы СМС, и текст, который так быстро приходилось читать, содержал уже некоторые их ответы. Фигуры за ограждением пришли в движение. Отец держал мать и сына за руки – очевидно, собирались прыгать все вместе. Двое подростков стали что-то говорить третьему. Оживление и зачатки сомнения на их лицах были очевидны. В этот момент появился Леонард, он, действительно, держал в руках скрипку со смычком. Подойдя к

Елене и подняв скрипку над головой, он крикнул:

– Сергей, моя любимая композиция на скрипке – это Мас-сене «Размышления». Можешь сыграть? Кстати, у нас тут есть учительница скрипки, тоже недавно приехала сюда из Петербурга. Будешь заниматься?

Это был отличный ход. Хааст действительно пропустил рассказ о том, как Сергей занимался в музыкальной школе, показывал некоторые способности и играл эту мелодию на ежегодном выступлении. Его занятия закончились пять лет назад – мать устроилась на новую работу, и возить мальчика на уроки больше не было возможности. Выход Леонарда со скрипкой стал, вероятно, переломным моментом всей сегодняшней операции. Сергей и мать начали переговариваться, они были в замешательстве. Елена и Леонард спросили, можно ли им подойти вплотную к ограждению для разговора и получили разрешение. Прыжок вниз на каменную дамбу, без всяких сомнений, откладывался. Сергею передали скрипку, мать стала что-то оживленно объяснять. Беседа продолжалась минут десять, мать стояла, держась одной рукой за ограждение, а другой обняв сына. Отец, до этого не проронивший ни слова, вдруг крикнул что-то матери, и завязался громкий спор между ними.

Хааст, опытный спасатель, почувствовал, что наступила критическая минута. Он мог бы наверняка помочь, у него были идеи, однако он понимал, что новичок здесь, и пока вмешиваться ему не стоит. Отец внезапно, со страшным кри-

ком, дернул сына к себе, Леонард стремительно полез через ограждение, а Хааст и Чагин побежали к ним. Леонард перескочил вниз, на другую сторону, и вцепился в Сергея, а отец, отпустив того, шагнул к самому краю пирса, и прыгнул вниз. Через мгновение Хааст, Чагин и Леонард уже крепко держали мать и троих подростков. Полицейские бережно перевели всех спасенных обратно на берег и погрузили в фургон. Елена поехала с ними.

– Ребята в целом нормальные, мать, тоже, я думаю, реабилитируется, – резюмировал Леонард, когда экспедиционеры сели в свою машину.

– Любезнейший ценитель скрипки, а не пропустить ли нам по бокалу светлого, вон там, у Адмирала Нельсона? Хааст, как вы относитесь к пиву? – спросил Чагин.

Елена сегодня в офисе больше не появилась, у нее было много забот с потерпевшими. К вечеру их всех отпустили по домам, каждому были определены новые занятия, призванные развернуть их жизни в правильном, конструктивном направлении.

На следующий день экспедиция подводила итоги операции. Пришло известие из больницы, что отца спасти не удалось. Нарастало всеобщее волнение – после обеда у Чагина должен был состояться телефонный разговор с центром. Вчерашнее происшествие заставило нашу троицу забыть о беде, нависшей над ними, и вот теперь она опять завладела их душами. Хааст, впрочем, был погружен в чтение матери-

алов экспедиции, и ничего не замечал. Наконец Чагин удалился в свой кабинет. Елену била легкая дрожь, но недолго – Чагин пулей вылетел обратно уже через пятнадцать минут, и, к удивлению Елены и Леонарда, проследовал прямо к Хаасту. Тот вскочил и отправился в кабинет, где включен был переговорный монитор. А Чагин подошел к Елене и Леонарду и торжественно произнес:

– Ну, ребята, выдохнули, я вас поздравляю. Он сюда таки приехал, чтобы нас уволить. Не знаю, чего он тянет. Но его позвали на разговор. Чемодайте собираны, двадцать седьмая экспедиция!

Чагин вытащил из внутреннего кармана пиджака изящный флакон коньяка и крепко приложился. Леонард тоже отпил оттуда. Затем сидели в опустошении и молчании. Смотрели друг на друга.

– Как же я вас, бездарности, оказывается, люблю, – сказала Елена. Слезы наворачивались ей на глаза.

– Да ладно, просто привычка. Отвыкнете, Елена, позабудете, – предсказуемо цинично ответил Чагин.

В это мгновение Хааст вышел из кабинета, и бросив странный взгляд на нашу троицу, вернулся на свой диван. Он, казалось, погрузился в дальнейшее чтение. Это было уже слишком. Все трое, как по команде, встали и приблизились к нему. Чагин картинно опустил руку на стол, скатал бумажный шарик из какой-то квитанции, и с силой запустил его в Хааста, попав тому прямо в щеку. Хааст поднял на них взор,

дукавый и доброжелательный.

– Мы слушаем, – провозгласил Чагин.

– Что я должен спеть? – нахально ответил Хааст.

Но на лбу у него было написано, что теперь-то он от-лично понимает, чего от него ждут. На том же самом лбу вдруг вздулась вена. Хааст посерьезнел и сказал, негромко, но твердо:

– Все нормально, ребята. Жизнь продолжается. Завтра на-чинаем готовиться к зиме.

Елена в изнеможении опустилась на стул. Чагин, приго-варивая что-то о пользе алкоголя, глотнул из флакона еще. Хааст демонстративно лег на диван и взял книгу, всем своим видом показывая, что разговор закончен и точка поставле-на. Вскоре все разъехались и в офисе остался только Хааст. Он давно уже перестал читать и лежал неподвижно, глядя в одну точку на потолке, напоминая в спустившихся сумерках оцепенелого, впавшего в спячку медведя.

Начиная со следующего дня экспедиция вернулась к своей привычной деятельности. Хааст с Леонардом поделили ди-ректорские полномочия. Елена и Чагин регулярно принимали в офисе детей – проводили с ними психологические тесты и занятия на креативность и парадоксальность мышления. Хааст, помимо основных дел, частенько спускался вниз, на побережье, к рыбакам, и наблюдал за их работой в уже за-мерзающем море. Снежные вьюги все чаще заметали домик экспедиции и прилегающую местность. Зимний режим всту-

пал в свои права.

Глава 3

Елена, Чагин и Леонард еще неделю-другую пребывали в настороженном состоянии, слишком уж необъяснимым казалось им их чудесное спасение. Ничего более не удалось им выпытать про их положение с помощью друзей Чагина в центральном управлении на континенте. Однако факт оставался фактом – никто больше не приезжал, никто не тревожил их новостями, Хааст излучал спокойствие и уверенность. Совершенно очевидно было, что решение об их увольнении было отменено – по каким бы то ни было причинам. Хааст обрисовывал планы на будущее так обстоятельно, что никаких сомнений не оставалось – их миссия на острове не просто продолжается, но даже входит в новую фазу, и это всерьез и надолго. Трудно в полной мере выразить, насколько счастливы были этому обстоятельству экспедиционеры. Все они, прожив здесь всего несколько лет, уже не мыслили свою жизнь нигде и никак иначе, и с содроганием думали о возможном возвращении на большую землю. Не только они, но и почти всякий приезжий, который только мог здесь выжить, со временем прирастал душой к этому клочку суши, затерянному в суровом, но благодатном северном море. Нельзя было не восхищаться вечно животрепещущими океанскими берегами, изрезанными частыми бухтами, утесами и заливами, в которых кипело и клокотало нескончаемое столкнове-

ние земли и воды. Стаи поморников висели над каменистыми грядами, уходящими далеко в море и сплошь заселенными колониями морских звезд и полчищами гигантских крабов. Рыбные косяки подходили здесь к самому побережью и привлекали косаток и горбатых китов, которых можно было наблюдать большую часть года. Круто поднимающиеся берега подставляли себя потокам влажного ветра, непрерывный гул наполнял воздух и казался неотличим от тишины. В северной части острова было несколько гейзеров, земля вокруг них дрожала и дымилась. Казалось, все скрытые силы природы, все ее спящие воплощения обнажились и проснулись здесь и бушевали без стеснения и ограничения. Энергия, мощь и свобода – вот что вселялось в души приезжающих сюда, овладевало ими, и становилось их потребностью, без которой они уже не могли бы жить на большой земле, подобно морякам, которые не могут жить без моря. Елена приехала сюда с дочерью двенадцати лет и была в целом довольна ее состоянием, да и своим тоже. В Москве ее дочь была болезненным, истеричным ребенком, и местная реальность благотворно влияла на нее. Чагин, уже сам не молодой человек, привез сюда старушку мать и они надеялись закончить на острове свои дни. Леонард с женой, оба морские биологи, также бросили в этом месте якорь – они писали диссертации и увлекались в летнее время подводной охотой. Благ цивилизации, конечно, здесь не хватало, но это была уже не та цивилизация, что десяток лет назад, она теперь несла боль-

ше деградации и вреда, чем культурного наполнения и комфорта.

К середине января на острове установилась светлая, ясная погода, и очень хотелось, чтобы она продержалась до весны. Бури и мокрые снегопады, делавшие непроходимой горную дорогу, на которой стоял офис, закончились, и работа экспедиции восстановилась. Дорога была расчищена, почта-льон доставил груды посылок и писем, и Хааст с Леонардом несколько дней были погружены в разбор корреспонденции и установку нового оборудования. Помимо всякой научной всячины, были присланы новейшая кофеварка и несколько солнечных батарей, заказанных Хаастом вскоре по прибытии в экспедицию. Кофеварка радовала разнообразием необычных напитков, и поначалу использовалась несколько чрезмерно. Елена наконец заявила, что разложение Рима началось именно с таких кофеварок, и что она сильно перевозбуждена и не может спокойно работать. Ей и Чагину действительно было необходимо огромное терпение и спокойствие при работе с детьми, и пришлось ограничить себя только послеобеденным кофе. Постепенно работа офиса вернулась в привычное русло: Леонард и Хааст возобновили поездки по делам экспедиции, и по утрам родители снова стали приводить детей для занятий.

В один из таких погожих январских дней произошел эпизод, который положил начало всем основным событиям нашего рассказа. Поздним утром явились неожиданные посе-

тители: несколько мальчишек из деревни, в морских бушлатах и сапогах из тюленьей кожи. Один из них держал в руках холщовый мешок, от которого доносился резкий запах свежей рыбы. Держались они кучкой и храбрились, но видно было, что хорошего приема они не ожидали. Первым их встретил Хааст, они оживленно поздоровались и стали что-то наперебой говорить, но затем увидели Елену и притихли.

– Так, ребята, – сказала Елена, – вы опять за свое? Сколько раз вам говорили – не приходите сюда больше! Давайте, давайте отсюда – и она указала им на дверь.

– Ну тетенька, дядя, ну купите рыбу. Мы все деньги родителям отдадим, честно! – закричали мальчишки. Державший мешок развязал его и извлек крупную, еще живую рыбку, похожую на кету или горбушу. Он с гордостью протянул ее Хаасту.

– Это классная рыба, на зимней рыбалке такую редко возьмешь. Сегодня утром поймали. Пожарите ее, не пожалейте. Возьмите, дяденька!

Рыбина и вправду была хороша, и стоила, скорее всего, недешево. Хааст улыбался и выражал симпатию и сочувствие. Елена сердилась. Дети выжидали, чем для них закончится такое неоднозначное положение, чувствуя, что дело может выгореть.

– А ну марш отсюда! Ничего мы у вас не купим! – строго и громко приказала Елена. – Забирайте свою рыбу и по домам!

Когда Елена повышала голос, а такое случалось крайне

редко, то в серьезности ее намерений сомневаться не приходилось. Мальчики, попятившись, обратились умоляющими взглядами к Хаасту, но он молчал. Пауза длилась недолго. Старший засунул рыбину обратно в мешок; они опустили глаза, развернулись, и, ни слова не говоря, вышли из дома.

– Елена, ну зачем вы так? – возбужденно спросил Хааст. – Что это за дети? Подождите минуту, я им хоть на мороженое денюжат подкину – и он выбежал за мальчишками, но их и след простыл. Тогда Хааст запрыгнул в машину и вырулил на дорогу. Проехав пару сотен метров в гору, он развернулся и помчался в обратном направлении, вниз, к деревне. Мальчишек нигде не было видно.

«Спрятались где-то, черти», – подумал Хааст, и вдруг, боковым зрением, разглядел какое-то движение внизу на горном склоне. Покачивались еловые ветки, то тут, то там, все ниже от плато к деревне. Осыпавшийся с них снег распылялся и парил еще некоторое время в воздухе белыми прозрачными облачками.

– Вот так штука! – воскликнул Хааст. Ему рассказывали, что здесь нельзя было спуститься напрямик по склону в деревню, это было чрезвычайно опасно. Он оставил машину на обочине, и после недолгих поисков нашел место, где край плато плавно сливался с лесистым косогором. Спрыгнув вниз, он очутился в хвойном лесу и обнаружил некоторое подобие тропинки, по которой, по всей видимости, шли мальчишки.

«Дело принимает занятный оборот», – с удовольствием подумал Хааст, и давно забытая энергия, наполнявшая его в таких случаях, отозвалась в мышцах ног. Глаза его стали видеть острее и весь он перешел в особое состояние, какое бывает с опытными охотниками и альпинистами, когда они оказываются на стезе своего промысла. Хааст двигался по мелкому ельнику умело и зряче, и мог бы бежать в нем бесшумно и заметить следы. Мальчишки, возможно, тоже так могли, но сейчас они явно не заботились о секретности, им и в голову не приходило, что кто-то станет их преследовать. Поэтому Хааст без труда обнаружил их след, и спускаясь по нему, вскоре увидел внизу их черные мелькающие спины. Деревья, между тем, редели и тропинка преобразовалась в подобие просеки. Спустя несколько минут Хааст разглядел невысокий бревенчатый сруб, наполовину закопанный в землю, и рядом хозяйственный сарай, сколоченный из пестреющих грузовыми штампами портовых досок.

Мальчишки зашли в избу, а Хааст остался ждать неподалеку, выглядывая из-за большого валуна и соображая, как быть дальше. Скоро из избы вышел белобрысый парень лет восемнадцати, он наспех застегнул ватник, поднял со снега какие-то ветки и резко повернулся к открытой двери.

– А ну, выходите, придурки, – злобно крикнул он. – Быстро, кому сказал?

Мальчишки понуро вытащились наружу.

– Куртки на землю! Скоты! – еще более яростно завопил

белобрысый.

– Никита, не надо. Мы завтра принесем деньги. Пожалуй-ста! – заскулили двое мальчишек, но старший молча скинул бушлат и, стиснув зубы, повернулся спиной к белобрысому.

– Какой был уговор, а? Вы что же, голубчики, обманывать меня вздумали? Получайте теперь, по договору! – наставительно сказал Никита и нанес три хлестких удара ветками по спине старшего мальчика. Рубаха его окрасилась в кровь, но он не издал ни звука.

Потом повернулся к своему палачу и твердо произнес:

– Не трогай их. Мне лучше дай еще розог. Ошиблись – исправимся. Не будь сукой.

Хааст сдерживался изо всех сил, чтобы не вылететь из своего укрытия и не наброситься на обидчика мальчишек. Но он понимал, что здесь все не так просто – у ребят с этим Никитой какой-то договор, да и Елена злилась на них. Обнаруживать себя и вмешиваться пока не стоило.

– Ладно, щенки, куртки не снимайте, – обратился Никита к двум мальчикам помладше. – Получайте на орехи.

И он наотмашь хлестнул одного из них прутьями поверх бушлата. Мальчик упал в снег и заплакал, однако видно было, что ему досталось значительно меньше, чем его старшему товарищу. Хааст не выдержал и сделал шаг из-за камня, но сразу же нырнул обратно, так как из сруба показалась еще одна фигура. Это был молодой человек лет двадцати пяти, в одной рубахе, от которой на морозе шел пар. Основа-

тельный, осанистый, с выразительными чертами лица, он выглядел таким купцом-великороссом, сошедшим с портретов русских передвижников конца девятнадцатого века. Он подошел к старшему мальчику и со словами «Просил еще – получай», отвесил ему значительного пинка под зад. После чего снисходительно пробасил:

– Ладно, Никита, довольно. Хватит с них.

– Хорошо, Антипыч, – согласился Никита.

– Давайте, дуйте отсюда. И чтобы завтра без денег не возвращались, – прикрикнул он на мальчишек.

Старший из них, скинув рубаху, кинулся по пояс голым в снег и лег на спину, чтобы остановить кровотечение и промыть раны. Затем младшие помогли ему одеться и вся троица побрела дальше вниз по склону горы, сквозь ельник, продолжающийся до самого ее подножия. Хааст немного еще постоял за своим валуном, успокаиваясь от увиденного, но вскоре пришел в себя и решил возвращаться назад. Необходимо было навести справки про всех участников конфликта и как следует все обдумать. На обратном пути он присел отдохнуть на свободный от снега пенек и, расслабившись, залюбовался заснеженным лесом вокруг. Здесь не было ветра, неизменно гудящего наверху, на плато, и стояла кристальная, сгущенная тишина. Ни движения, ни звука – лишь блеск засыпанных снегом ветвей, чем выше глянешь, тем ярче. Хааст погрузился в наблюдение и смотрел до тех пор, пока вдруг не зацепил взглядом, в просвете между деревьями, че-

ловеческую фигуру. Она мерно приближалась, скользила по снегу; вскоре Хааст разглядел короткие, широкие охотничьи лыжи, куртку, причудливо сшитую из кусочков меха разной формы и бородатое старческое лицо.

– Не многовато ли чудес на один день, – пробормотал Хааст. – Тоже мне, опасный и безлюдный горный склон. Да тут жизнь бьет ключом.

Лыжник медленно шел по еле заметной под снегом тропинке, по направлению прямо к Хаасту; тот встал и зашагал навстречу. Их взгляды пересеклись, но старик не замедлил своего движения и не выразил никакого замешательства или удивления. Хааст сразу почувствовал, что этот диковинный человек – вовсе не чуждое лесу явление, как те люди, которых он наблюдал полчаса назад возле деревянного сруба. Манера держаться и одежда выдавали в нем егеря, лесника, или лесного отшельника, какие до сих пор еще сохранились на русском севере. На лице его отпечаток глубокой старости странно сочетался с бодрыми, живыми глазами.

– Добрый день! – громко произнес Хааст, поравнявшись с лыжником.

– Здравствуй! – спокойным, глубоким голосом ответил старец. – Нездешний?

– Нездешний.

– Ты будь осторожен тут, в лесу – летом-то еще ничего, а зимой можно в яму угодить между валунами, под снег провалиться.

– Спасибо.

– Ну, прощай, – старик смерил взглядом Хааста и так же размеренно двинулся дальше.

– До свидания, – ответил Хааст и долго еще, с непонятным для самого себя чувством, смотрел вслед удаляющемуся деду.

Затем он встал, быстро преодолел оставшееся расстояние наверх, вылез на плато и нашел машину на том же месте. В офисе все было спокойно – экспедиционеры занимались своими делами, и никто, казалось бы, не выказывал интереса к внезапному исчезновению Хааста, который отсутствовал пару часов. Хаасту не помешали выпить кофе и отдышаться. Затем Елена спросила:

– Ну что, Хааст, подружились с мальчишками?

– Куда там, – ответил Хааст.

– А где же вы так долго пропадали?

– Так, по лесу гулял.

– Как же вы, дорогой, попали в лес? – вступил в разговор Чагин. – Здесь спуска нигде нет – голову расшибешь. Это надо к побережью ехать.

– Я видел в лесу страннейшего старика, – начал рассказывать Хааст. – Судя по всему, он там и живет. Не то егерь, только без оружия, не то схимник какой-то. Куртка у него на алеутский лад, а сам вроде как русский, говорит без акцента. Удивительный старец. Слыхали здесь о таком?

– Так это же дед Никлас, отшельник, – воскликнула Еле-

на. – Это местный «вечный дед», живое дерево в человеческом обличе, как его еще тут величают. Я однажды встрети-лась с ним, пыталась разговорить его, ничего не вышло. Чудной старик. Некоторые местные умеют понимать, что он лопочет, но я не смогла.

– Любопытно, – сказал Хааст. – Что мы еще о нем знаем?

– Ну, я тоже его как-то видел, – пробурчал Леонард, погруженный в просмотр каких-то бумаг. – Загадка. Вроде наших в монастырях.

И Чагин также кивнул головой: – Есть такая буква, да.

– Знаете что, – предложил Хааст, – а напишите-ка мне о нем пару строк, ваше мнение. У меня тоже есть кое-какие соображения.

– Его нельзя трогать, – чуть ли не разом закричали Елена и Чагин. – Пункт восемнадцать устава экспедиции. Это такие тонкие сферы, опасно с ними соприкасаться.

– Он – как духовный идол, священный камень поклонения для многих местных, кто постарше, и они его, кстати, не упоминают всуе. Говорят, что он никогда не умрет, – добавила Елена.

– Да вы не волнуйтесь, я все понимаю. Изложите мне о нем, пожалуйста, письменно, – ответил Хааст.

На следующий день перед Хаастом лежали три листочка бумаги. Вот что он прочел:

Елена:

«Человек жив, покуда живы его планы. Я всегда помню это высказывание моего отца, который, дожив до преклонных лет, оставался чрезвычайно энергичен и погружен в работу, даже можно сказать, был одержим этой работой; какая-то неутомимая сила гнала его вперед, и однажды он выбрался из очень тяжелой, смертельной болезни, по его словам, потому, что «я нужен моему делу, оно меня не отпускает». Это подходит для обычных людей, вроде нас с вами – главное лишь видеть смысл и надежду впереди. Но я слышала, что изредка встречаются и совсем иные люди, и именно они являются настоящими долгожителями. У такого старика на шляпе всегда крошки для птиц, а сама шляпа лежит возле какого-нибудь ручья, пока старик собирает коренья и еще неизвестно-что в потаенных лесных местах. Такой старик никогда ни о чем не расскажет, и не потому, что не хочет, а потому, что ему нечего рассказать – ведь он особое явление природы, и живет в ней так же, как тысячелетнее дерево. Не стареет он как раз потому, что мало мыслит, совсем не ставит себе целей, находится всегда в одном и том же расположении духа и умеет получать жизненные соки глубоко из земли-матушки, точь в точь как то самое тысячелетнее дерево. Иногда в лесу увидишь очень старый гриб, еще крепкий, и кто его знает – отчего не едят его черви и не берет его ни холод ни гниль – секрет долголетия в нем сидит, да только достать его оттуда нельзя. Именно таким стариком,

по моему мнению, является дед Никлас; он – вещь в себе, и разговаривать с ним совершенно бесполезно и не нужно.»

Чагин:

«Если уж выбирать между молчанием и словом, то это либо молчание о слове, либо слово о молчании. Есть такая каста людей, они не слишком прячутся и для всех открыты, но редко кто идет к ним на разговор, так как слова у них редкие, чудные, глубокие, в старомодных сапогах, на высоких парусах. Никто не догадается, что у них на уме, и никто не разберет, что на языке. Слово – оно ведь скоморохом с бубенцами в карете катится, из дворца да по гульбищу, каждому позвонит, перед каждым покривляется. И пошла толпа зевак его повторять, на все лады склонять, себя потешать, дело нужное, веселое. А молчание – оно тоже здесь, в сером плаще с капюшоном, сквозь толпу продирается. Людей, что называется, посмотреть, да себя показать. Сколько пинков да подзатыльников оно от толпы видало, и все терпит. Но молчания в природе больше чем слова, уедь только подальше от гульбища, и вот оно – тут как тут, садится рядом с тобой на камень, и капюшон свой снимает. Тут с ним и поговорить можно, и этот разговор не чета слову звонкому, скоморошному. Так вот – те, кто умеют с молчанием не скучать и им напиваться – только они и могут говорить с этой самой немногословной кастой, которая и молчанию брат и человеку дядя. Дед Никлас – из таких, он – молчание во плоти, и

разговаривать может только с тем, кто ему приглянется.»

Леонард:

«Как известно, все живое может пребывать лишь в двух состояниях: либо оно становится, либо умирает. Если ты не находишься в состоянии становления, внутреннего роста или перерождения, то ты умираешь. Пока ты все еще рождаешься, ты не можешь умереть. Я думаю, что секрет долголетия деда Никласа – как раз в этом. Говорят, что он может поднять над головой бревно в двести килограмм. Кто-то видел, как он катил в лесу камень размером с медведя. Вранье, конечно, а может и было лет пятьдесят назад, но думаю, что духовное перерождение омолаживает весь организм. К примеру, Сара, жена библейского Авраама, родила в девяносто лет. Там, думаю, была такая же вера в свое предназначение, как и у святой Жанны Французской. Не то что даже вера, а ясное знание своего предназначения. Возможно, дед Никлас знает точно, что жить ему – тысячу лет. Либо он питается какой-то тайной подземной энергией. Но, скорее всего, он во что-то превращается внутренне, духовно, как-то видит свою жизнь дальше по новому. Я его несколько раз встречал. Он производит впечатление занятого, отсутствующего старика. Он чем-то постоянно увлечен. Но преследовать его, разгадывать его загадку нельзя. И говорить он с нами не будет.»

– М-да, – сказал себе Хааст, прочтя эти записки. – Ну,

я так примерно и думал. Что ж, будем держаться от этого старика подальше.

В офисе в этот день царило оживление – почтальон доставил приятные новости. Чагин и Леонард разглядывали фотографии их будущих домов и обсуждали скорый переезд; весь новый жилой комплекс в северной бухте был наконец достроен, оставалась внутренняя отделка, которая должна была быть завершена к весне. Вот уже три года экспедиционеры жили внизу, в рыбацком поселке, там им были выделены временные квартиры в неудобном, промышленном месте, по соседству с заводом по переработке рыбы. Обещанные еще до их переезда на остров личные дома все время откладывались из-за усилившегося потока новоприбывших, нехватки жилья и трудностей строительства. Более того, около года назад Леонард получил жесткую разнарядку – экспедиции выделяют только два дома на три семьи. Ситуация с жильем на острове сложилась нешуточная, всех уплотняли. Известие сильно расстроило троицу, а Леонарду предстояло решить, кто же останется без нового дома. Пришлось, как делается в таких случаях, прибегать к уставу и формальным критериям – приоритет получали старшие по званию и выслуге лет. Елена осталась без дома, а ведь ей он был необходим, как она сама полагала, более других. В последнее время астма, которой страдала ее дочь, начала ухудшаться, чему, видимо, способствовал загрязненный воздух их рабочего квар-

тала. Да и контингент подростков в этом районе оставлял желать лучшего, и Елена боялась, что дочь может попасть тут в плохую компанию. Северная бухта была местной курортной зоной – там теплое течение протекало прямо вдоль побережья, и климат был теплее и мягче, а воздух чище, чем в других частях острова. Однако и старенькой матери Чагина был необходим такой климат, а Леонард не пожелал отказаться от комфортабельного жилья прямо возле тех мест, где они с женой ныряли летом с аквалангами. Леонард планировал снять офис для экспедиции недалеко от их нового жилья, но Елене было бы слишком долго туда добираться, поэтому решено было перенести офис на полпути между рыбацким поселком и северной бухтой.

Сейчас он как раз занимался этим вопросом – звонил хозяевам съемных помещений, чертил что-то на карте. Чагин с Хаастом курили на воздухе перед домом. К Елене, в довольно неподходящий момент, приехала дочь Вера, они обсуждали что-то срочное, связанное со школой. Хааст, закончив сигарету, зашел в офис и бросил на них взгляд. Елена, миловидная сорокалетняя женщина, казалась ни внешне, ни внутренне не похожей на свою дочь. Мать всегда была само спокойствие и доброжелательность, в то время как дочь, угловатый и хмурый подросток, говорила резко, отрывисто, с постоянной трагедией в голосе. Всякий раз при ее посещении Хааст хотел задать ей вопрос – «а что у тебя стряслось, Вера?», но он никогда этого не делал. Однако, как известно,

пять одинаковых мыслей превращаются в одно неосмысленное действие. Хааст не хотел присутствовать при разговоре на повышенных тонах, который вела Вера с матерью, и вышел обратно на крыльцо, а Чагин, наоборот, зашел внутрь. Вскоре из дому выскочила, хлопнув дверью, Вера, и собралась, по видимому, ждать такси. Молчание тяготило Хааста и он, неожиданно для самого себя, произнес:

– А что у тебя стряслось, Вера?

– Да так, в школе проблемы. А мать вот расстроена из-за дома, она все мечтала перебраться в северную бухту. У вас ведь скоро переселение у всех.

– А ты бы тоже хотела переехать?

– Да я-то как раз нет. Мы с матерью ругаемся из-за этого. По мне-так, в поселке самая жизнь. Ребята хорошие, друзья. Я рада, что нам дом не достался. Я там, в бухте, никого не знаю. А мать переживает, все о моей астме беспокоится.

– Ну а как же ей не беспокоиться, Вера? Я бы тоже беспокоился, если бы у моего ребенка была астма.

– Какого еще ребенка? Я уже не ребенок. А астма – хроническое заболевание, ее все равно вылечить нельзя. Ладно, я поехала. До свидания!

И Вера спустилась с крыльца и направилась к появившейся машине такси.

Глава 4

На следующий день Хааст засел за поиски мальчишек и их мучителей. В его распоряжении были любые возможные базы данных, как местные, так и континентальные. Он начал со школ, потратил пару часов на пересмотр тысяч детских фотографий, но так и не смог распознать того старшего мальчишку, который был жестоко выпорот прутьями до крови. Зато он быстро нашел белобрысого Никиту и вскоре, по большому везению, его товарища Антипа. Никита учился в одиннадцатом классе, прогуливал и стоял на вылет. Он был типичным лишним учеником, каких старшая школа вынуждена терпеть и мучительно доводить до диплома, ведь документ этот, по мнению многих наших родителей, для жизни решительно необходим. В советские времена такие ребята уходили после средней школы в ПТУ, чем доставляли и себе и школе необычайное облегчение. Личность Никиты не слишком заинтересовала Хааста, он сразу вспомнил вполне исчерпывающую характеристику из книжки Эдуарда Лимонова: «преступный парень с рабочей окраины». Зато Антип оказался весьма неординарным персонажем. Вот что узнал о нем Хааст: Дьяконов Антип Георгиевич, двадцати пяти лет, родился и жил в Москве, хорошо закончил школу, проявляя как гуманитарные, так и технические способности. Отец – Георгий Дьяконов, был профессором филосо-

фии в одном из московских вузов. Антип поступил на мехмат МГУ – этот факт особенно удивил Хааста, хотя мелькнула, конечно, мысль о возможной папиной протекции. Эту мысль опровергли сведения об успешной учебе Антипа. Отучившись три года вполне достойно, он внезапно берет академический отпуск с возможностью восстановиться в ближайшие несколько лет. Вскоре после ухода из университета, он присутствует на какой-то вечеринке, где совершает убийство, будучи в состоянии алкогольного опьянения. Осужден на шесть лет колонии строгого режима. Отбывал срок под Магаданом и через год совершил одиночный побег. Настоящее его местонахождение неизвестно, но вероятнее всего, ему удалось попасть на грузовое судно в Магадане, откуда он отплыл на Камчатку или на один из островов Охотского моря. Находится в федеральном розыске.

«Да уж, золотая молодежь», – подумал Хааст. «Странная, однако, история с этим Антипом. Надо будет как-нибудь разузнать поподробнее об этом деле. И, пожалуй, следует сообщить в полицию. Но это успеется, а вначале неплохо бы разобраться, что у них там с мальчишками происходит».

После обеда Хааст в разговоре с Еленой спросил ее, отчего она так сразу разозлилась вчера на мальчишек, и выяснилось, что она знает этого старшего мальчика:

– Они рыбу воруют и продают, и к нам за последний год не раз заходили. Я наводила справки, там сложная ситуация в семьях. Школа обещала заняться ими, но, похоже, воз и ныне

там. Мы ведь не можем все на себя взвалить. Этот старший, Андрей – самый трудный из всех. Вообще было бы неплохо прийти к нему в школу, понаблюдать за ним, прояснить получше всю эту историю с рыбой и решить все без полиции, которая пока не в курсе. Но я очень загружена сейчас, ни дня свободного нет.

– Любопытно, – ответил Хааст. – А не сходить ли мне к нему в школу? У меня есть немного времени на этой неделе.

Во всех заведениях, где собираются большие массы людей, царит своя, уникальная, ни на что не похожая атмосфера. Не существует в языке эпитетов, чтобы описать ее, поэтому так и говорят: «больничная атмосфера» или «атмосфера стадиона», или «вокзальная атмосфера». Некоторые утверждают, что такая атмосфера передается человеку через какое-то шестое чувство. Другими словами, если кого-то в противогазе, с наглухо завязанными глазами и ушами, поместить на футбольную трибуну, а потом перенести в школьный класс, то он почувствует разницу. Так это или нет, неизвестно, ведь аурометр пока не изобрели. Зато можно без сомнения утверждать, что наши обычные органы чувств передают нам нечто совершенно неповторимое в местах скопления человеческих аур, и безотказно настраивают нашу собственную ауру на общий лад. Звериная атмосфера стадиона, объединяющая в первобытном крике тысячи освободившихся душ; тягостная, недужная атмосфера больниц – все это уникальные явления живой природы. Но из всех атмо-

сфер – самой поражающей чувства является школьная атмосфера, и тем сильнее она поражает, чем дальше от школьного возраста находится вдруг в нее окунувшийся. Побудьте в комнате ваших детей полчаса, когда к ним пришли их друзья вместе делать уроки – они ведь там «заодно и уроки делают». Умножьте ваши ощущения на сто и вы получите примерно то, что вы почувствуете в школе. Юность, детство, учеба, веселье, во всех их многообразных проявлениях, сконцентрированы в школе в такой плотности, что случайным посетителем здесь мгновенно овладевают благоговение и деликатность.

Ничего об этом не подозревая, Хааст назавтра преспокойно отправился в школу, расположенную на берегу моря, в рыбацком поселке. Все двери для экспедиционеров были на острове открыты; Хаасту указали на учительскую комнату и предложили подождать там директора, который должен был вот-вот появиться. За ту минуту, пока Хааст продирался сквозь любопытствующие взгляды учеников, школьная атмосфера уже прилично шибанула его. Учительская была заперта, и Хааст решил подождать возле нее. Сейчас была переменка, и вокруг него сновали шестиклассники, в синей школьной форме, с учебниками, фруктами и листками бумаги. Четверо мальчишек и две девчонки сгрудились в кружок рядом с Хаастом и что-то обсуждали на непонятном языке. Вытянувшись по стенке, Хааст слушал и удивлялся. Тарабарщина, но дети все понимали и обменивались информа-

цией, видимо, секретной. Впрочем, один из мальчиков стоял с довольно озадаченной физиономией, и Хааст увидел, как другой быстро написал записку и протянул ее этому непонятливому. Однако тот, едва взглянув, выкинул ее, с обидой сказав на чистом русском: «Да не надо мне, я все понимаю». Вскоре раздался звонок, дети разбежались по классам, и Хааст вздохнул с облегчением. Он поднял с пола записку и прочел следующее: «Автразис в ритис анис устырепис ередпис ольницейбис». В эту секунду к учительской подошли два педагога – серьезный преподаватель средних лет, в очках, и учительница рисования, помоложе, с тубусом в руке. Хааст спрятал записку в карман и представился. Все вместе зашли в учительскую, Хааста усадили дожидаться директора за журнальный столик и предложили чаю. Он достал планшет и погрузился в дела, но в какой-то момент отвлекся от них и стал прислушиваться к спору учителей, разгоравшемуся все громче за соседним столом.

– Дорогая Лидия Павловна, наше дело – лишь приложить правильное внешнее воздействие к этим ингредиентам, а они, поверьте, уже там есть, – говорил учитель в очках.

– Макар Семенович, мы вкладываем в них эти ингредиенты, поймите же, – отвечала Лидия Павловна.

– Лидия Павловна, ингредиенты – от рождения. Только Бог и Генетика их вкладывают туда. Потом они соприкасаются с жизнью, с опытом, с температурой – и получается пирог. Давайте лучше использовать термин «семена». К нам в

первый класс приходят горшки с почвой, в которой, может быть, есть семена, а может и нет, этого никто не знает. Наша задача – лишь поливать их, удобрять как следует. Если семян в горшке не было, ничего не вырастет, как ни поливай.

– А я вам говорю, Макар Семенович, что мы тоже можем что-то посеять в этой почве, а не только удобрять.

Хааст слушал этот спор и не мог сдержать улыбку. Его родители часто вели дома подобные дискуссии, поэтому тема воспитания детей была ему близка и понятна.

– Вы, молодой человек, не улыбайтесь тут, – вдруг сердито обратился к нему Макар Семенович. – Понимание механизмов образования – это вам не шуточки.

– Конечно, конечно, извините, – ответил Хааст.

В этот момент дверь распахнулась, и в учительскую быстро вошел представительный господин в пальто, с толстым портфелем. У всех директоров школ есть нечто общее во внешности, какой-то отпечаток ответственной строгости, замешанной на доброте, и этот был не исключением. Учителя прервали свой спор, а Хааст перестал улыбаться. Шеф на месте – это сразу создает рабочую, деловую атмосферу, в любой организации, начиная с прачечной и заканчивая министерством. Директор, видимо, был предупрежден о приходе гостя, он сразу проследовал к Хаасту и они составили план действий. Школа, действительно, была бы не против, если бы за Андреем, мальчиком не глупым и во многом способным, но часто прогуливавшим уроки, понаблюдали и взяли шефство.

На сегодня Хаасту (которому директор предложил назваться Иваном Платоновичем) было предложено поприсутствовать на последнем уроке Андрея – математике, а потом отвезти того домой. Так и решили, после чего директор извинился за занятость, и убежал; с ним вышел из учительской и Макар Семенович. Лидия Павловна готовилась к уроку, а Хаасту оставался еще час до математики. Он хотел снова углубиться в планшет, но Лидия Павловна окликнула его, завязался шуточный разговор, не оставляющий сомнений в своей истинной движущей силе – притяжении между симпатичными друг другу молодыми людьми. Вскоре Лидия – так ее велено было теперь называть, встала, и засобиралась на свой урок. Перед уходом она дала Хаасту свой телефон и сказала:

– Позвоните как-нибудь, Хааст. До свидания!

– Хорошо. Позвоню. До свидания! – отвечал Хааст.

Вскоре опять появился директор и сообщил Хаасту, что математики сегодня не будет по причине болезни учителя; замены нет, и седьмой класс распускается на час раньше.

– Идите, Иван Платонович, к выходу, и ждите Андрея там, я его приведу, – сказал директор Хаасту. – Прогуляйтесь с ним вместо математики.

– Отлично, спасибо вам! – ответил Хааст и покинул, наконец, учительскую.

Пока Хааст ждал Андрея, из школы выходили первоклассники. Бесперывно подпрыгивая и натываясь друг на друга, взъерошенные и беспокойные, они были похожи на

стадо овец. Да, да, альпийские овечки, не иначе. Откуда-то, кто знает откуда – из сна ли, а может быть, из древней киммерийской легенды, Хааст знал миф об устройстве нашего мира, и сейчас, глядя на первоклашек, он вспомнил эту историю:

Наш мир – это высокая гора, которую обтекает река, уходящая в небытие. Младенцы живут на самой верхушке, во льду и солнечном сиянии; дети, юноши и девушки – пониже, в альпийском поясе, а взрослые на субальпийских лугах и в лесах под ними. Время не невесомо. С каждым вдохом человек становится тяжелее на полсекунды времени, и спускается все ниже по склону горы. Жизнь его, до поры, становится все богаче и разнообразнее. Но все это заканчивается в самом низу, на пустынных каменистых берегах, откуда стариков смывают неумолимые воды и уносят в вечную тьму, а на их насиженные камни приходят новые обреченные. Над лесами и лугами тянется к самой верхушке канатная дорога с колыбельками, несущая младенцев наверх, к солнцу и льду, где они будут так старательно бороться за право спускаться все ниже и ниже.

Кто-то хлопал Хааста по плечу. Директор школы подвел Андрея и представил ему Хааста:

– Вот, Андрей, это наш новый школьный инспектор из Москвы, Иван Платонович. Сейчас он тебя отвезет домой, погуляй там с ним вокруг, вместо урока математики, покажи ему спортзал, пирс, площадку для роликов – чем у вас там

еще ребята занимаются после школы. Хорошо?

– Ладно. Покажу. – Андрей старался скрыть свое смущение и недовольство от такого поручения, но получалось плохо.

Директор ушел, а Хааст помахал мальчишке рукой:

– Привет, Андрей! Помнишь меня? Виделись в офисе экспедиции наверху. У меня там друзья работают. Вы еще рыбу нам пытались продать.

Андрей постоял немного с растерянным видом, но, похоже, быстро собрался с мыслями, и с очень простым и искренним лицом, ответил:

– Да, помню вас. Мы иногда рыбачим по утрам, когда нет уроков. Ну и продаем – денежки лишние не помешают.

– Да ты не тушуйся, все в порядке, я понимаю. Ладно, поехали, я тебя долго не задержу.

Хааст отвел Андрея к машине и попросил того показывать дорогу; мальчик мялся и что-то порывался сказать. Наконец, уже усаживаясь в машину, он произнес:

– Иван Платонович, мне тут надо один пакет кое-кому передать через полчаса. Давайте пока не поедем, здесь подождем.

Они посидели перед школой минут двадцать. Разговор не клеился. Андрей отвечал на вопросы односложно, нервничал, и было видно, что присутствие Хааста и эта предстоящая прогулка с ним, ему очень некстати. Затем поехали, и через триста метров Андрей указал Хаасту на площадку

справа от дороги, в самом низу лесистого косогора, уходившего отсюда круто вверх.

– Остановите, пожалуйста, здесь. Займет пять минут буквально, – попросил Андрей.

Нехорошее предчувствие овладело Хаастом, но было поздно – он остановил машину; Андрей достал из школьного рюкзака какой-то сверток и отправился к месту встречи. Через минуту, сверху, из леса, на площадку спустился человек в нахлобученной почти на глаза шляпе и бесформенном плаще. Андрей передал ему пакет, а человек начал что-то говорить. Он стоял, подбоченясь, указывал куда-то в сторону торгового центра, и о чем-то просил. Хааст ничего не слышал, но ему было все хорошо видно из-за затемненного стекла машины. Человек прошелся немного по площадке, продолжая доказывать что-то Андрею. И тогда Хааст узнал его по характерной походке и осанке – это был Антип Дьяконов из лесной избушки.

– Вот черт, не повезло! – с досадой пробормотал Хааст. – Теперь Андрею может еще и за меня влететь.

Тем временем на площадке завязался какой-то спор. По жестам Андрея было видно, что он отказывается выполнить то, о чем просит Антип. Затем, потеряв терпение, Антип махнул с досады рукой и исчез в лесу. Андрей вернулся в машину расстроенный и хмурый; Хааст понимал, что расспрашивать его сейчас совершенно неуместно. Подумав немного, Хааст предложил:

– Послушай, Андрей, у меня тут возникло срочное дело, я сейчас не смогу с тобой пройтись по твоему району. Давай в следующий раз, хорошо?

– Конечно, хорошо! – с радостью воскликнул мальчик. – Давайте в следующий раз. И до дома меня довозить не надо, у меня вон в том магазине сестра работает, я к ней сейчас. До свидания!

И Андрей выскочил из машины, а Хааст еще посидел немного и посмотрел, как тот направляется к торговому центру. Затем он перевел взгляд на коробку передач, собираясь ехать, и обнаружил на ней какой-то футляр – видимо, его второпях обронил Андрей. В футляре лежали дорогие подарочные наручные часы, на их задней крышке было что-то выгравировано. Хааст разглядел первое слово – «Антипу» и не стал читать дальше.

– Ну все, я окончательно влип, – сказал себе Хааст и выругался. Надо было срочно возвращать мальчишке часы. Хааст подъехал к торговому центру и с час бороздил его в поисках Андрея. Того нигде не было. Не составляло труда узнать его домашний адрес, но являться к нему домой, тем более, если его там нет, Хааст не хотел. Усталый и раздосадованный, он вспомнил о множестве неотложных дел, ожидающих его в офисе, и хотел было уже отказаться от дальнейшего выяснения этой истории с мальчишками, которое начинается столь неуклюже.

– Сейчас ты просто поедешь в полицию и сдашь этого Ан-

типа со всеми потрохами и этими чертовыми часами, – сказал себе Хааст.

Возможно, если бы Хааст осуществил это намерение, то все наше повествование потекло бы по совершенно иному руслу. Хааст сам, впоследствии вспоминая этот момент, задним числом осознавал, что это был развилочный камень в его сказке на острове Альбины. Впрочем, он и тогда, заведя машину, колебался и сомневался. В конце концов инстинкт сыщика и самостоятельность победили; он развернулся и поехал обратно в офис, решив, что завтра же встретится с Андреем в школе и там отдаст ему часы.

Проезжая мимо места, где он спускался с плато на тропинку в лесу, он остановился, вышел, и вдохнул полной грудью. Тропинка манила его как магнитом. Он сделал над собой усилие, чтобы не спрыгнуть на нее. И вдруг его осенила идея: «А что, если я сам прогуляюсь в лес к этому Антипу и верну ему его часы?». Чем более сумасшедшей казалась ему эта идея, тем сильнее хотелось ее осуществить. Какое-то мальчишество овладело им на минуту, видимо, это были последствия посещения школы. Однако затем он остыл и взял себя в руки. Разумеется, самому ему нельзя было идти с часами к Антипу. Овладев собой, Хааст добрался, наконец, до офиса, направился к Чагину и протянул ему записку из школы со странными словами.

– Виктор Матвеевич, вот, в школе нашел. Не могу расшифровать. Посмотрите пожалуйста.

Чагин с минуту глядел на бумажку, потом, качая головой, изрек:

– Чертовщина какая-то. Это не язык, это какая-то самодельная модификация, не пойму.

Подошла Елена, глянула, и с хитрой улыбкой, подражая интонациям калифа багдадского Хасида, произнесла:

– Тот, кто прочтет эту надпись, будет называться мудрейшим из мудрейших!

– Ну что, сдаетесь? – продолжила она. Это Сахалинский Латинский. Дочка так иногда при мне с друзьями разговаривает, чтобы я не поняла. Здесь написано: «Завтра в три на пустыре перед больницей».

– Ай, Елена, ну дали бы мне подумать еще минуту, безобразие, невозможно заниматься, – сердился Чагин.

– Ну что, Хааст, как там Андрей, как школа? – спросила Елена.

– Сегодня не очень удалось пообщаться, – ответил Хааст. – На днях зайду туда еще.

Следующим утром, примчавшись в школу, Хааст поймал Андрея на переменке:

– Андрей, я на минуту. Сегодня опять не смогу с тобой прогуляться, но посмотри, что ты забыл вчера у меня в машине, – и Хааст передал Андрею футляр с часами.

– Ты знаешь, что это именные часы, подарок?

– Догадываюсь, – хмуро ответил Андрей.

– Я думаю, хозяину этих часов было бы очень неприятно

их потерять.

Андрей молчал.

– Вот что, я тебя очень прошу сейчас – верни часы хозяину. Обещаешь?

– Иван Платонович, это мое личное дело, спасибо, что вернули часы, но... – и Андрей замялся.

– Андрей, давай, только между нами – я тебе обещаю, что ни директор школы, никто вообще не узнает. Сколько ты хочешь за эти часы? Триста подойдет? – Хааст вынул из кошелька деньги.

– Держи деньги, и забыли об этом, – продолжил он. А хозяин часов наверняка оценит, если ты ему их вернешь.

На лбу у Андрея было написано, что ему эта идея понравилась. Он взял деньги со словами:

– Хорошо, но слово есть слово. Если вы расскажете об этой истории в школе, то мать вызовут к директору, а у нее сердце больное.

– Обещаю, что никто не узнает. Мое слово.

– Скажите, Иван Платонович, а зачем вам-то надо, чтобы я вернул часы?

– Зачем? Смотри! – тут Хааст снял с руки свои наручные часы и показал Андрею. – Подарок отца, ношу уже двадцать лет. Понял?

– Понял, понял. До свидания! – пробурчал Андрей и ушел в свой класс.

Глава 5

Зима раздвигает границы острова Альбины самым замечательным образом. В ноябре море здесь превращается в бескрайнюю ледяную равнину, которую местные жители умело приспособливают для всевозможного зимнего отдыха и развлечений. С раннего утра к многочисленным стоянкам снегоходов на берегу выстраиваются длинные очереди; жизнь стекает с холмистых берегов на замерзшую морскую поверхность и разъезжается, расплзается по ней во всех направлениях. Ледовые фестивали и лабиринты, деревни из иглу, где можно ночевать и даже зимовать, санные гонки и путешествия к тюленьим стойбищам – все это пользуется большим спросом, особенно среди туристов с юга, а местным жителям дает дополнительный сезонный заработок. Для любителей зимней рыбалки и ныряния, лед растапливают в специально отведенных местах подальше от берега, создавая таким образом своеобразные зимние пляжи, всегда переполненные и опустевающие только с наступлением темноты.

Именно с прогулки по замерзшему морю, прямо напротив унылых серых многоэтажек на берегу, Андрей решил начать знакомить Хааста со своим досугом. После происшествия с часами прошло несколько дней; директор школы позвонил Хаасту и предупредил его, что математики у Андрея снова

не будет; на этот раз они добрались до дома мальчика без всяких приключений. Его микрорайон располагался по соседству с тем, где квартировались до поры экспедиционеры. Оба этих жилых комплекса стояли на возвышении вдоль берега и были как две капли воды похожи друг на друга – результат штампованного, скороспелого строительства – недолеченной болезни советских времен. Разделительной линией между комплексами служил пирс, уходящий отсюда далеко в море и весь утыканный пристанями рыболовных артелей, снегоходов и другого морского и ледяного транспорта. Вокруг пирса были разбросаны по льду в праздничном беспорядке разнообразные лавки, магазинчики, фестивальные площадки и туристические агентства. Невдалеке от берега, окруженный легкими осветительными башнями, был до блеска отполирован большой овальный каток. Было пока немногочленно, но дети и взрослые постепенно начинали стекаться сюда, нагруженные спортивной амуницией. Половина катка была отведена для свободного катания, на другой готовился хоккейный матч. Андрей был немногословен – он отбивал номер, показывая Хаасту все то, что тот и сам видел, и скупо комментировал происходящее на катке. Хааст пробовал разговорить его – спрашивал про жизнь, друзей, про школу, что-то рассказывал сам, но все бесполезно – Андрей или просто молчал, или отвечал односложно – «да, нет, не знаю», четко показывая, что он здесь отрабатывает приказ директора школы, ничуть не больше, и ни на какую искрен-

нюю беседу Хааст рассчитывать не может. Попытка угостить Андрея пирожными также закончилась неудачей – «нет, не хочу». Уже когда они направлялись обратно к берегу, двое мальчишек с клюшками, узнав Андрея, замахали ему, подошли, и один из них спросил:

– Привет, Андрей. Сможешь сегодня за нас сыграть?

– А во сколько игра?

– В шесть. Играем с косатками. Выручай, старик, без тебя у нас шансов нет.

– Ладно, приду. Клюшка запасная есть? – моя сломалась.

– Конечно, найдем. Ну отлично, давай, до шести. Приходи пораньше, разогреешься.

Ребята отошли, а Андрей взглянул на часы, оставалось несколько минут до конца урока математики, вместо которого он вынужден был проводить эту экскурсию.

– Ну, как-то так. Зимой все на катке, больше делать нечего, – сказал он Хаасту. – Пойду я, видите, надо еще на хоккей успеть. Хорошо?

– Ладно, Андрей. Здорово тут у вас. До свидания! – отвечал Хааст.

Андрей ушел, а Хааст, без сомнения, не собирался покидать это волшебное место, и поинтересовался у прохожих, нельзя ли где-нибудь взять коньки напрокат. Вскоре он уже рассекал лед вместе с детьми; кое-где были и взрослые, и даже пожилые люди аккуратно скользили по льду, стараясь держаться подальше от толпы. Накатавшись, Хааст решил

остаться на хоккей, и бродил пока с бутербродом и горячим какао между лавок и магазинчиков. Начинало смеркаться, вечер был тихим и почти безветренным. Каток, освещенный прожекторами, кипел жизнью; выкатили хоккейные ворота и приехала на снегоходах гостевая команда – те самые непобедимые косатки. Было уже без пяти минут шесть, а Андрей не появлялся. Хааст сидел на небольшой деревянной трибуне, наспех сколоченной из скамеек, поставленных друг на друга, и смотрел за приготовлениями к игре. Он забрался повыше и устроился рядом с другими болельщиками, с тем чтобы Андрей не заметил его присутствия. Когда окончательно подтвердилось, что в команде не хватает одного игрока, капитан побежал на каток в поисках знакомых и вернулся с невысоким мальчиком, который весь светился от счастья, от того, что его взяли в команду. Вскоре началась игра, и местные ребята, действительно, с трудом выводили шайбу из своей зоны, отчаянно обороняясь. Косатки давили и за первые двадцать минут забили три гола. Только в середине второго периода появился Андрей, надел коньки и вышел на каток разминаться. В перерыве произошла неприятная сцена – капитан сообщил новенькому, что его заменяют. Мальчишка был очень обижен – он неплохо играл, сделал голевую передачу, получил несколько приличных ссадин и был настроен отомстить за них. Затем капитан позвал Андрея, они обменялись парой крепких словечек, после чего Андрей со злостью схватил клюшку и, не дожидаясь остальных, выехал на

площадку. В третьем периоде Андрей и капитан провели по шайбе, но косатки тоже забили и победили в матче. Андрей, пожалуй, играл лучше всех, он был резок и быстр, хотя и передерживал порой шайбу. После игры ребята не предъявляли Андрею претензий за опоздание, и было похоже, что только капитан имел смелость выговаривать ему. Хааст уехал домой освеженным и решил иногда возвращаться сюда кататься на коньках.

Неделя выдалась тяжелой, у Хааста было много работы, но пару раз он выбирался по вечерам на каток, где сбрасывал накопившуюся усталость и вспоминал технику катания, которой он неплохо владел когда-то в детстве. Андрея он не видел, хотя другие мальчишки, члены хоккейной команды, приходили каждый вечер. Вскоре снова позвонил директор школы и попросил приехать по срочному делу. Выяснилось, что Андрей стал слишком часто отсутствовать на уроках, его мать была вызвана в школу, но она не приходит и на телефонные звонки не отвечает. Директор передал Хаасту конверт с письмом для нее и поручил лично вручить это письмо, а заодно и узнать, что там в семье происходит. Ровно в пять вечера Хааст был на месте, заглянул на каток, прошелся по берегу, Андрея нигде не заметил, затем нашел его многоэтажку, поднялся на третий этаж, встал прямо напротив дверного глазка и нажал на звонок.

– Что вам нужно? – послышался женский голос из-за двери.

– Здравствуйте, я принес вам письмо от директора школы вашего сына, – ответил Хааст.

– Вы из школы? Дайте письмо, посмотрю, – и мать Андрея приоткрыла дверь, все еще закрытую на цепочку.

Хааст просунул в щель письмо, послышался хрустящий звук надрываемого конверта, затем железное скрежетание цепочки. Дверь отворилась и перед Хаастом предстала женщина средних лет, в домашнем халате, с усталым, тревожным лицом и кругами под глазами.

– Меня зовут Наталья, я мама этого балбеса. Проходите, пожалуйста.

– Иван Платонович, школьный инспектор, – представился Хааст. – Я знаком с Андреем, ему недавно поручили показать мне ваш микрорайон, вот мы с ним гуляли тут на прошлой неделе. А где он сейчас?

– На катке, где еще ему быть. Каждый вечер там пропадает, но уроки вроде делает, горе мое луковое.

– Скажите, а почему вы в школу не приходите, вас директор уже три дня назад вызывал.

– Да? Я не знала. Мне Андрей ничего не говорил. Да вы проходите сюда, на кухню, садитесь. Сейчас чаю налью.

Наталья разлила по чашкам чай, достала печенье, они присели за стол и некоторое время молчали. Было понятно, что Наталья собирается с объяснениями.

– Ну да, на самом деле, мне звонили из школы, – начала она, – но у нас, видите ли, с Андреем такой уговор – все свои

школьные косяки он закрывает сам. Я не хочу туда больше ходить, слушать все это. Он взрослый, умный парень, если есть сигнал, значит он должен отреагировать. Так и раньше было и он справлялся. У меня дел невпроворот. Отец-то у него погиб еще в Нижнем, пять лет назад. Мы тогда сюда переехали по программе. Ну, погодите, почитаю, что там вещает мсье директор.

Мать Андрея оказалась приятной, вполне интеллигентной женщиной, историком по образованию. Она рассказала Хаасту, что в Нижнем Новгороде работала в каком-то научном архиве, который, параллельно с самим Нижним, постепенно опустел и стал никому не нужен. Здесь у нее постоянного места работы нет, подрабатывает на рыбоперерабатывающем заводе, по вечерам программирует приложения для турфирм. Андрей неплохо учится по гуманитарным предметам, в младшей школе даже читал бумажные книжки, чем Наталья всегда гордилась и хвасталась перед подругами. С математикой, конечно, у него беда, но на слабую четверку, вроде, должен вытянуть. То, что Андрей прогуливает уроки – для нее новость, она с ним поговорит. В целом, картина была Хаасту понятна – занятая, задерганная жизнью мама и сын, растущий без отца и предоставленный самому себе. Хааст хотел уже уходить, но Наталья предложила посмотреть их семейные фотоальбомы. Они прошли в гостинную, очень скромно обставленную, Наталья принялась искать в шкафу альбом, а Хааст обходил стены и рассматривал пока фото-

графии на них. Одна из них привлекла его внимание – на ней была надпись «Севастополь, июнь 2043». Снимок был сделан возле фонтана, как раз напротив того самого инженерного училища, которое так и не закончил Хааст. На фото веселились и ловили руками воду Наталья, ее муж и маленький Андрей. На заднем плане виднелись лица сидящих возле фонтана курсантов училища, и Хааст пытался разглядеть кого-нибудь знакомого, хотя сам закончил учебу там несколькими годами ранее. Свет неудачно падал на фотографию, Хааст попробовал немного ее наклонить, она отклеилась от стены и слетела под диван. Хааст громко извинился, сейчас же полез доставать ее, и увидел под диваном задвинутый к самой стене Бьерн-83, незапыленный, без упаковки. Невозмутимо повесив снимок на место, Хааст обернулся к Наталье и увидел выражение испуга и мольбы на ее лице. Пальцы ее дрожали и сжимали фотоальбом так крепко, что могли, казалось, проткнуть его насквозь.

«Ну что ж, раз уж пошел по этой скользкой дорожке, то надо быть последовательным», – подумал Хааст, оценив ситуацию.

– Наталья, давайте вот как сделаем, – официальным тоном произнес он. – Я ничего не видел, а если и видел, то забыл на полгода. В эти шесть месяцев постарайтесь, пожалуйста, уделять внимание Андрею. А через полгода я или навсегда забуду эту историю, или буду вынужден сообщить в полицию.

Дело в том, что Бьерн-83, названный так по имени одно-

го из изобретателей программирования, был аппаратом искусственного интеллекта, строго запрещенным на острове, где проводилась политика реабилитации человеческих способностей самостоятельно творчески мыслить. Способности эти в последние пятнадцать лет стали катастрофически истощаться благодаря таким универсальным приборам, как Бьерн-83. Отдельные люди и университетские сообщества не были пока подвержены этой деградации – но массы, мейнстрим – вот где была абсолютная беда. Каждый приобретающий такой прибор, а в его лице универсальную жизне-облегчалку, думать-избегалку и решения-генерилку, совершенно естественно и неизбежно переставал самостоятельно думать. Безудержный в своем стяжательстве рынок, еще в двадцатом веке прививший массам ненасытное и бесцельное потребление, теперь приучил эти массы любить, ценить и покупать весь тот бездушный и лишенный искры Божьей механический хлам, который мог быть «придуман» и спроектирован искусственным интеллектом. Креативщики перестали сами писать музыку и книги, ведь Бьерн-83 мог выполнить девяносто девять процентов такой «творческой» работы, и она хорошо продавалась. Конечно, последний процент, вкладывающий идеи, пока оставался за человеком, оператором Бьерна-83. Слава Богу, генерирование идей искусственному интеллекту недоступно. Но тут вдруг выяснилось, что и у людей способность рождать идеи стала иссякать – ведь она у человека формируется в процессе умственного труда, долго-

го поиска решения, «перебирания единого слова ради тысячи тонн руды» – всего того, что очень мучительно и трудно. Без такого процесса, к сожалению, идеи не приходят. А процесс этот был отдан аппаратам искусственного интеллекта, которые, как будто, с ним отлично справляются. Люди, избавившиеся, наконец, от необходимости самостоятельно находить выходы и решения в тяжких размышлениях, в муках и поту, стали терять способность соединяться с запредельным, попадать в поток интуиции, по которому отсюда приходят идеи. А это означало конец творчества. Увы, только умственный труд сделал из обезьяны человека и вытащил из его животных недр искру Божью, очистил ее, и превратил в творческую способность – самое Божественное в человеке. Когда, наконец, с десяток лет назад, все это было осознано и принято, то рыночное использование искусственного интеллекта стало строго ограничено, подобно табачным изделиям, а во многих местах и вовсе запрещено. Если бы полиция обнаружила Бьерн-83 в квартире Андрея, то их с матерью выслали бы обратно в Нижний Новгород, без всякой помощи и подъемных на переселение.

– Иван Платонович, он для меня только программирует эти чертовы приложения для турфирм. Я без него просто по деньгам не потяну. Поверьте, я же университет заканчивала, сама думать умею, он мне в остальном нафиг не нужен.

– Я вам верю, Наталья, и понимаю вашу ситуацию. Но и вы меня поймите – я нарушаю свои служебные обязанности,

не докладывая на вас в полицию. Но я готов этого не делать, если Андрей прекратит прогуливать школу. Договорились?

– Не обманете? Честно?

– Даю вам слово, – пообещал Хааст, подумав при этом, что семья Андрея уже получила от него два честных слова – что-то он часто их стал раздавать.

– Ладно. Я вам верю. Вы хороший человек, на моего мужа похожи чем-то. Тот тоже, чуть что, в полицию не бежал. Я буду заниматься с Андреем.

Они еще посидели на диване с полчаса, посмотрели фотографии. Муж Натальи был военным, его на всех снимках отличала выправка и мужественность. Было много фотографий на Волге, где они рыбачили и ходили в походы с палаткой. Часто были сняты только маленький Андрей с мамой, счастье материнства сквозило из этих снимков, и Хааст внутри немного смущался, чувствуя, что заглядывает в чью-то чужую, интимную жизнь. За несколько минут Андрей, на глазах Хааста, превратился из важного и серьезного малыша в веселого и озорного мальчишку. Терпеливо досмотрев альбом, Хааст откланялся и ушел, еще раз заверив перед этим, что сохранит при себе все, что он узнал.

Задаться целью порой тяжелее, чем достичь ее. Непреодолимые трудности, неудобные ситуации, выход из зоны комфорта отпугивают человека от цели, а легкая достижимость, отсутствие вызовов и препятствий делает цель скучной и неинтересной. Поэтому человек, по крайней мере наш, рус-

ский, не очень дружный с внутренней дисциплиной, испытывает большие проблемы с нахождением мотивации – он должен довести свой дух до состояния аффекта, исполниться святой решимостью, чтобы подняться с дивана и дать отпор врагам, или же просто вынести мусорное ведро. Поистине интересным и замечательным наблюдением русского мирозерцания, весьма поучительным для запада, является тот неоспоримый факт, что вещи и сами собой как-то устраиваются, и когда человек, наконец, собрался действовать, то уже и нужды нет, и все разрешилось в самом лучшем виде. Но уж если наш человек становится одержимым достижением цели, то никакие препятствия, никакая занятость и нехватка времени не могут сдержать его – в сутках оказывается двадцать четыре часа, а в себе он обнаруживает такую работоспособность и самоотдачу, что поставленная цель победно достигается, и еще десять сложных заданий выполняются в придачу, как-то незаметно, по дороге.

Хааст в последнее время был сильно загружен заботами экспедиции и поэтому не имел возможности вплотную приступить к расследованию истории с мальчишками. Но визит к матери Андрея стал мощным мотивационным толчком для него – теперь он по-настоящему задался целью. В течение нескольких дней он, переложив на Леонарда часть своих офисных обязанностей, следил за Андреем, разъезжал по рыбацкому поселку, разговаривал со школьниками и наводил всяческие справки. В результате, вся, или почти вся, ис-

тория, раскрылась без особых затруднений, благо Андрей не слишком заботился о конспирации. Хааст выяснил, что между мальчишками, с одной стороны, и Антипом и Никитой, с другой, существует взаимовыгодная сделка, предприятие, в котором Андрей участвует добровольно, зарабатывая немалые деньги. В лесу Андрея подвергли телесному наказанию за то, что он украл значительную сумму, не отдал ее Никите, как полагалось по их уговору.

Картина была, в общих чертах, следующая: брат Никиты работал начальником цеха на заводе по переработке рыбы. Он выносил особо дорогую, ценную рыбу мальчишкам, которые продавали ее, забирали себе небольшой процент, а остальную выручку отдавали Никите; тот, по не вполне ясной причине, делился с Антипом. Была какая-то история в недавнем прошлом, в результате которой Никита почему-то был обязан Антипу, но этого как раз Хааст узнать не смог. Мальчишки также должны были обеспечивать Антипа едой и разной другой надобностью, ведь сам он избегал спускаться в поселок и появляться на людях. Только Андрей имел крепкий договор с Никитой, выполнял основные задания и знал всю кухню предприятия. В этом году ему даже доверили ключи от пристройки к заводу, где находились холодильные установки; брат Никиты, уходя с работы, отключал там сигнализацию, и поздними вечерами Андрей проникал туда и забирал товар. Андрей периодически находил новых напарников среди школьников младших классов, распределял

среди них поручения попроще и был с ними, в целом, справедлив; несмотря на это, они, послужив так месяц-другой и взвесив все за и против, всегда разумно покидали предприятие, накопив желаемую сумму. Вот и в последние две недели Андрей работал один, был вынужден часто пропускать уроки, и искал подмогу. Антипа и Никиту Андрей чудовищно обманывал по деньгам; Хааст был поражен его изобретательности и удивительной для семиклассника изощренности схем и идей. Андрею часто удавалось класть себе в карман не меньше, чем он отдавал Никите. Он хорошо умел объяснить, почему рыба была продана дешево, или ее вообще не удалось продать, в то время как на самом деле сбывал ее за хорошие деньги. У него были знакомые официанты и повара ресторанов, которые сами были в доле и перепродавали товар своим хозяевам. Он умел солидно разговаривать с туристами и жалостливо с домохозяйками. Никита подозревал о проделках Андрея, и тому иногда крепко доставалось. Но проследить за ним и вскрыть его аферы Никита и ленился и не всегда был способен, да и денег, отдаваемых Андреем, в целом, хватало.

Установив все это, Хааст решил, что ему совершенно не хочется разоблачать всю эту организацию, сдавать ее полиции. Рыбы здесь полно, ну уходит чуть-чуть налево, кто от этого страдает? Не в тех он высотах летает, чтобы все сверху видеть и брать на себя право вершить судьбы незнакомых людей и наводить порядок в чужом монастыре. Хаасту бы-

ло до боли жалко маму Андрея, ведь мальчишка загремел бы в колонию для малолетних преступников, обратись Хааст в полицию. Однако, если вообще никак не вмешаться в ситуацию, оставить все как есть, то тюрьмы парню, рано или поздно, все равно не избежать. «Надо вытащить его из этого воровского бизнеса», – решил Хааст, и стал обдумывать способ, как повлиять на Андрея. «Мальчишку никто не заставляет, это его свободный выбор, личное решение – участвовать в рыбном предприятии; ему зачем-то сильно нужны деньги, а бьют его лишь за то, что он обманывает своих работодателей. Парень растет без отца, сам по себе, никто его уму-разуму не научит. И некому предложить Андрею иной выбор в жизни, другую дорогу», – так рассуждал Хааст и постепенно у него сформировался план действий.

Спустя пару дней Хааст встретил Андрея после школы и предложил зайти в кафе и обсудить кое-какие идеи. Андрей ожидаемо упирался, но Хааст намекнул, что у него есть деловое предложение, и они сели за столик в маленькой кофейне в торговом центре.

– Значит, говоришь, у тебя сестра здесь работает? – иронично спросил Хааст, желая немного поддеть Андрея.

– Да, троюродная сестра, Вика. Вон там, в обувном. А что? – невозмутимо отвечал Андрей.

– Нет, ничего. Просто не знал, что у тебя есть сестра.

– Мать не рассказывала вам?

– Нет. Ну да ладно. Послушай, Андрей, в жемчужном пор-

ту до лета стоит эскадра нашего тихоокеанского флота. Там эсминцы, крейсер, две субмарины. Меня по службе пригласили на подводную лодку, сначала будет небольшая встреча, а потом мы с тобой сможем погулять по лодке, посмотреть, как что устроено. На эсминец тоже сможем подняться. Поедешь со мной в следующую субботу?

– Нет, не поеду, – твердо и убежденно ответил Андрей.

«Не хочет Андрей со мной дружить. Жаль. Но и неудивительно», – подумал Хааст. Он предусмотрел такой ответ, и, помолчав, сказал:

– Ладно, хозяин-барин, как говорится. Теперь, еще вопрос – скажи, Андрей, ты хочешь подзаработать?

Андрей подумал немного, смотря в пол, видимо, что-то в уме комбинируя, после чего очень наигранно сделал простое лицо и ответил:

– Можно, вообще-то. Лишние деньги никому не помешают.

– Прекрасно. Слушай: в медвежьей бухте на ледовом фестивале был? Там нужна помощь на два вечера в неделю, заниматься заказами в сувенирном магазине. Я договорился, тебя возьмут. Платят хорошо, туристы еще и чаевые оставляют. Работа нехитрая – принимаешь заказ на ледовую скульптуру, в компьютере подбираешь свободных мастеров, площадки со льдом, в общем, распределяешь и организовываешь процесс. Там мастера – тоже школьники в основном. Ты, кстати, сам не рубишь?

– Неа, не умею. Пробовал как-то. Там у нас из класса пара человек рубит.

– Ну так как, Андрей? Можно неплохие деньги поднять.

– А вас что, Иван Платонович, опекают меня теперь назначили? Это за какие такие заслуги?

– Да нет, не опекают. Просто там, в магазине, знакомый попросил помочь найти кого-нибудь, я о тебе подумал.

– Ну ладно, с матерью посоветуюсь, скажу. У нее ваш телефон есть?

Со следующего понедельника Андрей начал работать в магазине в медвежьей бухте. Хааст очень надеялся, что участие Андрея в рыбном бизнесе сократится, ведь доходы оттуда были сравнимы с заработком в магазине. Но не тут то было, парень, похоже, успевал в обоих предприятиях, и школу прогуливал не меньше. Мать была очень рада новой подработке сына и благодарила Хааста, а тот был озабочен таким поворотом событий, с Андреем пока не встречался и взвешивал дальнейшие действия. Однако долго думать ему не пришлось – не прошло и двух недель, как позвонил его знакомый из магазина и сообщил, что вызвал полицию, так как обнаружил недостачу выручки, посмотрел камеры наблюдения, и подозревает Андрея. Хаасту нелегко было подыскать мальчишке эту подработку, и своего приятеля он не сразу уговорил взять Андрея. Домчавшись до медвежьей бухты, он увидел, как полицейские уводят Андрея, и услышал много неласковых слов от приятеля, которого Андрей нагрел на

круглую сумму. Из магазина он поехал к матери Андрея, разочарованный и опустошенный. Вмешиваться в существующий порядок вещей со своими прекрасными идеями – дело неблагодарное, Хааст знал это. Он рискнул и проиграл – Андрей не просто не выдержал испытания, он превзошел в этом смысле самые скверные варианты развития событий, которые только мог себе представить Хааст. Несомненно, парень не был опытным воришкой – он хорошо знал лишь свое рыбное дело, и занимаясь им полтора года, ни разу не привлек внимание полиции. Но здесь, в магазине, была совсем другая кухня, и Андрей, конечно, переоценил свою ловкость и быстро попался. Хааст ехал к Андрею домой, раздумывал об этом, ругал себя за то, что не смог предвидеть такого конца и пытался спорить с внутренним голосом, который говорил ему, что все было сделано правильно и парню надо было дать возможность честно зарабатывать. Уже поднимаясь по лестнице, Хааст окончательно себя оправдал, перестал переживать, пришел в свое обычное конструктивное состояние духа и решил завтра же утром вытащить Андрея из полиции, рассчитывая на свою должность и авторитет.

Глава 6

– Что он там натворил? – услышал Хааст взволнованный голос сверху и поднял голову. Мать Андрея курила на лестничной клетке и смотрела вниз, ожидая его прихода.

– Я пока сам ничего не знаю. Не волнуйтесь, Наталья, я завтра буду в отделении, все выясню.

– А сегодня его домой, что, не отпустят? Где же он будет ночевать?

В эту секунду у Натальи зазвонил мобильник, и из ее кратких «Поняла», «Конечно», «А что он сделал?» Хааст заключил, что сейчас настанет его черед расспрашивать у нее о ближайшей судьбе Андрея. Опустив телефон, она сообщила:

– Полицейские говорят, что сегодня уже поздно все оформлять, переночует в участке, и, может быть, завтра к обеду будет дома. Что-то в его магазине стряслось, но что конкретно, не сказали. Не знаете, его одного забирали или еще кого-то? – голос Натальи дрожал и сбивался.

– Я видел только его. Да вы успокойтесь, там, наверное, какая-то пропажа, они разберутся.

– Уж что-что, а чужого мой Андрей сроду не брал. Ну и методы у них – «переночует в участке». Зашли бы они лучше к нам завтра после школы, поговорили бы с ним. А как вы думаете, это на его дальнейшей работе в магазине отразится?

– Наталья, я завтра в девять утра приеду в полицию и все

вам доложу, может и Андрея доставлю.

– Вы уж пожалуйста его в школу сначала отвезите. Ему...

Женщина не договорила, поскольку опять затрещал ее телефон. Звонил Андрей, они беседовали с минуту, и похоже, ни на какие вопросы матери он также света не пролил. Наоборот, он сам чего-то от нее добивался, и Хааст слышал только, как она растерянно отвечала «Я совершенно не могу, не могу». После разговора с сыном Наталья казалась еще более встревоженной и думала о чем-то.

– Подождите здесь минуту, пожалуйста, – с этими словами она исчезла в квартире, но вскоре выглянула и пригласила Хааста зайти.

– Андрей тоже ничего не объясняет. Обещает потом рассказать. Но самое главное, Иван Платонович, я не знаю, что мне делать – он просит меня отдать вот этот пакет завтра в восемь утра, до школы, какому-то его приятелю, Ване, я о таком и не слыхала. Я абсолютно не могу завтра в восемь, у меня смена в цеху в семь начинается. Знать бы, что за Ваня, я бы сегодня ему передала. Он говорит, что там еда, что это сверхважно, и ему влетит, если он не отдаст. Вот эта посылка, – и она указала Хаасту на большой бумажный пакет на столе в комнате у Андрея.

– Вы не знаете, случайно, этого Ваню? – добавила она.

Хааст не знал. Видимо, у Андрея появился новый помощник, но Вань было в школе в достатке, и конечно, вычислить его сейчас было невозможно.

– Тяжеленный какой, – сказала Наталья, стаскивая пакет со стола. – Что это еще за еда? – и она стала выкладывать на пол содержимое пакета.

Хааст увидел немецкую колбасу, хлеб, чай, элитный кофе, вино, овощи. Это был дорогой, богатый провиант, который сами Андрей с матерью вряд ли могли себе позволить.

– Ничего себе передача. Что же это такое? Ведь у него в магазине только ледовые скульптуры, да? Что здесь происходит? От кого ему влетит? – и мама Андрея, закрыв лицо руками, присела на стул.

– Я завтра никак не могу быть у школы в восемь утра. Никоим образом, – тихо продолжила она.

Хааст молчал и смотрел в сторону. Ему нельзя было предлагать свою помощь, ведь этот Ваня обязательно рассказал бы о нем Никите и Антипу. Но повисшая тишина убедительно доказывала, что проблема других решений не имеет, и он взялся передать посылку. Наталья не хотела отпускать его без ужина, но он сослался на срочные дела, взял пакет и попрощался. Положение было неуклюжим. Хааст подумал о том, что пока что скорее Андрей приобщает его к своим делишкам, чем он отучает Андрея от них. Такая мысль внезапно развеселила его, и он рассмеялся. Все это напоминало игру в шпионов, и пожалуй, будь он лет на двадцать помоложе, задание с пакетом понравилось бы ему. Ничто так не освежает мозг, как здоровый смех – просмеявшись, Хааст сразу нашел выход из положения – он оставит посылку с за-

пиской возле скамейки, у которой назначена встреча, а сам будет наблюдать невдалеке.

Однако то, что начинается шиворот навыворот, имеет большие шансы точно так же и продолжиться. Назавтра в безпятнадцати восемь Хааст оставил пакет у скамейки в безлюдном сквере возле школы, и отошел в сторону. К скамейке приближались несколько мальчишек, двое читали записку. Один хорошенько пнул пакет, другой осматривался вокруг, в поисках хозяина. Но никто из них посылку не унес, и в половине девятого обескураженный Хааст вынужден был забрать ее обратно. С недавнего времени Антип или Никита получали передачи в десять утра на той самой площадке при выходе из леса, куда Хааст подвозил Андрея в день их знакомства. Теперь, видимо, не оставалось никакого другого выхода, кроме как оставить пакет там. Хааст немного завозился с делами и к тому же попал на дороге в пробку, образовавшуюся из-за вдруг посыпавшего обильного снега. Добравшись до площадки уже в без пяти десять, он поднялся немного в лес, осмотрелся, спустился обратно, бросил посылку на обледенелый бетон и быстро вернулся в машину. По всей видимости, он успел – пока никого не было, но вскоре он разглядел через просветы в плотном снегопаде, как на площадке появился на секунду Антип и тут же исчез в лесу.

«Повезло», – подумал Хааст, «ведь по такой погоде будет неудивительно, что пакет просто оставили и убежали, так что все выглядит довольно гладко».

Не успел он порадоваться этой мысли, как из леса раздался громкий шум падающих камней. Затем послышался глухой удар, сильный треск, и вновь наступила полная тишина. Звуки исходили из того участка склона, где должен был идти сейчас Антип. Хааст схватил свой рюкзак, выскочил из машины и в минуту оказался на месте происшествия. На тропинке лежали перевернутые санки, возле них на размокал на снегу злополучный пакет. В нескольких шагах огромный валун, сдвинутый со своего места снежным оползнем, навалился на сосну и переломил ее. Под валуном, похоже, скрывалась огромная яма; обойдя его вокруг, Хааст заметил у одной из его сторон черную прореху в земле, шириной не более двадцати сантиметров.

– Есть кто тут? – крикнул он туда.

– Есть, – послышался спокойный ответ Антипа.

– Вы ранены сильно? Скорая нужна?

– Слышь, там, наверху, не надо скорую. Я тут один, немного поцарапался. Сейчас отлежусь и выберусь. Ты иди себе, спасибо.

Хааст направил фонарик в брешь и осветил глубокую яму, на дне которой лежал Антип и держался за ушибленную ногу.

– Погодите, я вам помогу, вытащу вас, – крикнул Хааст, присел на край ямы и, опираясь одной рукой на валун, другой стал раскапывать замерзшую землю, расширяя прореху. Внезапно каменистая почва треснула под ним, ее тонкий

пласт не выдержал, и Хааст провалился в яму, чуть не угодив на больную ногу Антипа.

– Спасатель, твою мать, – захохотал Антип, выбираясь из-под Хааста. – Да мне тебя самого спасти отсюда надо.

Антип хохотал так беззаботно и заразительно, что Хааст тоже засмеялся – положение было, действительно, комичное, и, судя по всему, не опасное. Выбраться наверх, наверняка, не составляло теперь особого труда.

– Антип, – сказал Антип. – Будем знакомы.

Хааст никак не ожидал, что Антип назовется своим настоящим именем, и вообще, разве можно знакомиться, не видя собеседника, когда ему и руки не подашь? Несомненно, в темноте, когда не видишь друг друга, да еще и пребываешь в хорошем настроении, совершенно не хочется отвечать ложью на правду. Поддавшись этому очарованию момента, Хааст ответил:

– Хааст. Приятно познакомиться.

И тут же с досадой подумал, что конспиратор из него никакой, и он, также как и Андрей, явно переоценивает свои способности.

– Ну ладно, полезли, я тебе на плечи встаю, или ты мне? – с трудом приподнимаясь, предложил Антип.

– Давай, ты на меня, – отвечал Хааст.

Он присел на корточки, и распрямился уже с Антипом на плечах – тот стоял, пошатываясь, на одной ноге. Затем Антип уцепился за края ямы, подтянулся и вылез наружу.

– А оставайся-ка ты, Алладин, в подземелье, и ищи там свою лампу, – крикнул он Хаасту.

– Но-но, старая карга, тащи меня отсюда, у меня твое огниво, – парировал Хааст.

– Гы-гы-гы, – снова послышался смех. – Сейчас, погоди, веревку принесу.

Наверху заскрипел снег и затих, потом снова заскрипел и в яму упала веревка. Хааст схватился за нее и огромная силища вытащила его из-под земли.

– Как тебя, говоришь, зовут? – рассмотрев Хааста, спросил Антип.

– Хааст.

– Ну и имечко. Я думал, мое имя редкое, но Хааст – это что такое?

– Это голландское имя. У меня оттуда далекие предки, вот, назвали в честь дедушки.

– Ясно. Ну, спасибо хоть, что не в честь бабушки.

Антип, несмотря на сильно ушибленную ногу, пребывал в прекрасном настроении.

– Повезло так повезло, – сказал он. – Могло бы и задавить к чертям. Но вот незадача – ходить совсем не могу, – и он присел на снег, кривясь от боли.

– Поехали в больницу, у меня здесь машина, – с честной физиономией предложил Хааст.

– Не надо, не хочу в больницу. Скоро пройдет. Ты, знаешь что, иди себе куда шел, голландец, а я тут отдохну и все за-

живет.

Такое предложение вдруг ножом зарезало Хааста. Он находился под сильнейшим обаянием этого происшествия и просто так встать и уйти, был сейчас не в состоянии. В юности он часто бывал с друзьями по училищу в Крымских пещерах и не раз оказывался в подобных ситуациях; товарищи вытаскивали его, он спасал их, и все это было смело, ярко и романтично. И никто не бросал раненого друга. «Друга?» – очнулся Хааст. Он попытался заставить себя отвлечься от этой иллюзии возрожденного студенческого прошлого, стряхнуть с себя ощущение братской мужской взаимовыручки, полностью захватившее его, но не сумел. Он подумал, что он очень устал и ослаб здесь, на острове, раз совершенно не может сопротивляться своим чувствам. И он, действительно, не мог – знакомство с Антипом требовало продолжения, и он произнес странным, чужим голосом, точнее своим, но пятнадцатилетней давности:

– Как же ты, Антип, будешь? Давай я тебя на санках отвезу.

Антип как-то сразу понял Хааста и покорился. Он полулежал огромным неуклюжим мешком на санках, а Хааст сопел, как тягловая лошадь, затаскивая их все выше в гору. Иногда они останавливались передохнуть, подбадривали друг друга и даже перекусили снедью из пакета Антипа. Гоняли разные байки, Антип рассказал историю о том, как однажды выбрался из-под лавины на Алтае и, не евши двое суток, обме-

нял модный мобильник пастуху на фляжку вина и круг сыра. Снегопад меж тем заканчивался, солнце просвечивало из-за туч, воздух теплел. Чем выше они забирались, тем серьезнее и угрюмее становился Антип. Внезапно глубокий овраг преградил им путь, тропинка тонула в нем и продолжалась на другой стороне.

– Это еще что такое? – воскликнул пораженный Антип. – Я здесь спускался два часа назад, была ровная дорога.

Стенки оврага были абсолютно отвесные, а дно утыкано переломанными еловыми стволами и булыжниками; перебраться там было невозможно.

– Странно, землетрясения вроде не было, – сказал Антип. – Видимо, мощный снежный оползень – такие здесь бывают.

Товарищи огляделись – в обход можно было идти лишь сквозь густой ельник, с санками это было непросто.

– Может, срубим пару высоких елок, перекинем через овраг, и по ним перейдем на ту сторону? – предложил Хааст.

– Что-то широкогато ущелье, боюсь, елки не достаточно длинные здесь, – отвечал Антип.

– Ну, ширину-то ущелья и высоту елок можно быстро узнать.

– Как это ты узнаешь, интересно? По елке с сантиметровой лентой полезешь? А овраг?

– Зачем лезть с лентой? Вон ветки валяются, а ручка с бумажкой здесь, – и Хааст похлопал себя по карману.

– Посмотрите на него, Пифагор нашелся, весь с ручкою и бумажкою, – передразнил его Антип. – И как же ты будешь мерять, светило науки?

– Триангуляция, – ответил Хааст. – Давай, очисти немного вот эту ветку – и он бросил Антипу тонкую еловую ветвь.

Затем он достал раскладную линейку, сам очистил от мелких отростков еще одну ветку, и измерил ее высоту. Антип отдал ему свой прут и стал с любопытством наблюдать за происходящим, а Хааст воткнул ветки в землю и отошел от них на несколько шагов, измеряя расстояние линейкой. Он нагибался к земле, глядел поверх веток на верхушки елей, затем на берега обрыва, и что-то рисовал в блокноте. Так он колдовал минут десять, считал на калькуляторе в мобильнике, и в результате заявил победным тоном:

– Эти две ели точно подходят, они шестиметровые, а ширина оврага – пять метров с небольшим.

– Иди ты! – протянул Антип. – А ну-ка, покажи бумажку!

– Прикольно! – посмотрев чертежи, воскликнул он. – С измерениями не ошибся? А ну, дай пересчитаю, – и он стал сам ковыряться в своем телефоне.

– Молодца! – заключил он, подтвердив расчеты. – Академия наук тебя не забудет.

У обоих в рюкзаках были топорики – здесь в лесу без них никуда. Антип попрыгал к одной ели, Хааст пошел к другой, и вскоре они были срублены, очищены от сучьев и подтянуты к краю обрыва. Стволы были не слишком тяжелые, их

удалось поднять и наклонить над оврагом; упав рядом, они образовали узкий, но вполне надежный мостик, по которому Антип проковылял на другую сторону. За ним перешел Хааст, неся санки, рюкзаки и причину всех этих приключений – мокрый и изодранный пакет с едой. Они продолжили путь, тропинка теперь часто раздваивалась и Антип указывал дорогу. Хааст видел, как по мере приближения к своему лесному убежищу, Антип становился все мрачнее, и понимал, что это оттого, что шансов избавиться от Хааста совершенно нет. И действительно, сейчас уже Хааст никак не мог оставить Антипа – нога у того совсем распухла, и он просто не добрался бы в одиночку до своей избы; мобильной связи в лесу не было, и рассчитывать на то, что его подберет Никита, не приходилось. Наконец прибыли; Антип велел Хаасту заходить. Хааст вошел в избу, убранство которой, вопреки ожиданиям, не было аскетичным – вдоль стены расположился длинный диван, у окна блестело на солнце кожаное кресло, на полу лежала медвежья шкура. Антип вначале тяжело дышал, но потом вколол себе в ногу обезболивающее и приободрился. Они уселись возле стола и Антип разлил по кружкам квас; пили молча, отдыхали.

– Послушай, Хааст, – наконец невесело сказал Антип, – спасибо тебе, старина. Благодарю. Но вот какая штука – кто ты таков будешь, и как тебя по настоящему зовут?

Хааст достал кошелек, вытащил свое экспедиционное удостоверение и положил перед Антипом.

– Хааст Хаатааст, исполнительный директор экспедиции МЧС, – прочел Антип. – Ну и имечко у тебя, однако! Значит, все-таки Хааст. Извини. Слышал про вашу экспедицию. Ты давно на острове?

– Около пяти месяцев.

– Нравится здесь?

– Остров волшебный, но вот работа – не совсем по моему профилю, я в Крыму был морским спасателем.

– Слушай, открой кошелек еще раз, пожалуйста!

Хааст распахнул свой кошелек, и Антип подпрыгнул на стуле, изумленно взглянув на Хааста.

– Это что у тебя такое, отвечай, именем Вильгельма Завоевателя! – и он ткнул пальцем в одну из карточек, вставленную с самого верха.

– Вот эта? – Хааст вытащил австралийскую лицензию аквалангиста и протянул Антипу.

– Да ладно! Охренеть! – заорал Антип. – Это же с большого барьерного рифа, лицензия высшей категории! Сколько у тебя заняло времени получить этот сертификат?

– Где-то три месяца нырял, но в принципе, можно и быстрее.

Антип с вождением вертел карточку в руках и широко улыбался слегка холерической, воспаленной улыбкой. Только сейчас Хааст заметил, что у него не хватает многих зубов, но улыбка его не становилась от этого менее обаятельной.

– Я такую только в журналах по дайвингу видал, – возбуж-

денно говорил Антип, – мне бы хоть на первую категорию сдать. Я, знаешь, даже в университете академ-отпуск взял, хотел год в Австралии пожить, понырять на рифе. Кстати, здесь летом тоже ныряют...

На этих словах он осекся, замолчал и вновь погрузился.

– Ну, так что ж не поехал в Австралию? – спросил Хааст для проформы.

– Да так. Жизнь закрутила. Может, съезжу еще.

Но не все вопросы, которые предполагала ситуация, Хааст задал, и Антип почувствовал это.

– Значит, не спрашиваешь, что это за дом такой в лесу, зачем я здесь обитаю? – произнес Антип совсем мрачно.

– Знаешь, Антип, а я не любопытный. Все, что ты хочешь, чтобы я знал, ты мне сам расскажешь, а если о чем-то не говоришь, значит мне и знать не надо. Верно?

– Верно, коли не шутишь, – протянул Антип.

– Кто его знает, может это дача такая, а может, ты отшельник – мне все равно, я тебя хотел только до дома довести, не бросать же, с такой ногой. Ты, кстати, отшельник?

– Ну, в некотором роде, да, отшельник, – усмехнулся Антип.

– Сколько сейчас времени? Ни фиги себе, пол второго уже! Все, Антип, бывай, пойду я восвоюси. Телефон запишешь?

– Давай, – ответил Антип и записал его номер. – Прощай, Хааст!

Хааст спускался обратно и довольный и раздосадованный одновременно – он доставил Антипа до дома, но не оказал ли он ему этим медвежью услугу? Что, если Антип испугается впредь жить в этом доме и ему, бедняге, придется искать другое убежище? Теперь, на холодную голову, Хааст пожалел, что взялся довести Антипа, поддавшись чувствам. Ведь там, внизу, еще была мобильная связь, и Антип мог бы вызвать на помощь Никиту. Также Хааст думал о том, что не похож все-таки Антип на преступника, на убийцу. Симпатичный вроде парень, силач и весельчак. Хотя, мальчишек, тем не менее, бьет. И харчи у него барские, шикует там, непонятно, на какие шиши. И вообще – все мы симпатичные, когда нас спасают и на санках возят.

Затем мысли Хааста отвлеклись от Антипа, он добрался до машины и поехал в полицейский участок вызволять Андрея. Рабочий день уже подходил к концу, и Хааст застал начальника полиции в подлинно измученном виде, собирающимся домой. В снегопады всегда много происшествий, от самых бестолковых до самых трагичных, полиция сбивается с ног, и сегодняшний день не был исключением – произошло самоубийство и крупное ограбление. Однако и внешний вид самого Хааста говорил сам за себя, и начальник согласился уделить ему пять минут для срочного разговора. Репутация Хааста и его коллег была здесь высока – экспедиция нередко помогала полицейским в решении самых незаурядных задач, поэтому делу Хааста был дан срочный ход. В кабинет

начальника был вызван из камеры Андрей, и после небольших переговоров стороны пришли к следующему мировому соглашению:

Хааст лично поручается за Андрея и возмещает убытки хозяину магазина ледовых сувениров в медвежьей бухте. Полиция замораживает дело Андрея; парню дается год испытательного срока, в течение которого, если тот снова попадет на нарушение закона, дело может быть извлечено на свет и возобновлено. На данный момент, в качестве воспитательной меры, Андрей должен отсидеть три дня здесь в участке.

Огласив этот вердикт, начальник полиции покинул отделение в сопровождении Хааста, и уважительно, но строго предупредил его, что подобная протекция делается исключительно и одновременно, и случай с Андреем не должен повториться. Хааст поспешил поставить в известность Наталью, но та на звонок не ответила, и он записал ей голосовое сообщение, что Андрею еще три дня сидеть, так как именно столько времени нужно полиции для завершения расследования. Каково же было его удивление, когда, уже поздним вечером, он получил от Натальи СМС следующего содержания: «Иван, мне нужно на двое суток уехать. В комнате у Андрея две посылки для передачи. Ключ от квартиры под ковриком. У сына будут проблемы, если вы не поможете». Вот теперь Хаасту стало совсем не весело, как давеча, когда он согласился передать посылку; он был поражен и раздосадован таким поворотом событий. Дозвониться до Натальи ему

снова не удалось. «Как же она могла так поступить?», – недоумевал Хааст, не желая верить в происходящее. Не злость, но скорее разочарование в Наталье постепенно росло в нем – он был о ней гораздо лучшего мнения. Поначалу он еще не осознавал в полной мере своего положения, своей новой роли, но вскоре, после недолгих размышлений, все окончательно понял: его теперь считают за своего в доску и не стесняются использовать как угодно. «Ладно, завтра с утра определюсь, как поступить», – решил Хааст и отправился спать.

«Какого черта? – я не буду передавать никаких посылок, с какой стати я должен это делать?», – такова была его первая мысль следующим утром. Но затем он начал смягчаться, и его стали одолевать сомнения. «Что это со стороны Натальи? Это такое наивное простодушие, безграничное доверие ко мне, и, действительно, срочная необходимость в помощи, или это наглый, циничный расчет?», – думал он. Было совершенно очевидно, что Наталья не в курсе подпольных делишек Андрея, поэтому Хааст пришел к выводу, что циничного расчета и обмана здесь все-таки нет. Но ведь она не попросила о помощи по-человечески, а прямо-таки отдала распоряжение. Почему? «Форменное безобразие», – сказал себе Хааст, и, несмотря на то, что говорить с Натальей уже не хотелось, все же позвонил ей, ответа не получил и понял, что общаться она не желает. «Или не может?», – опять спросил он себя, и в конце концов остановился на том, что всех ее обстоятельств он не знает, и судить ее не в праве.

А вдруг, и вправду, у нее именно сейчас случилось что-то срочное? К тому же, Хаасту пришла в голову мысль, что его самого можно считать косвенно виновным в нынешней ситуации, ведь это он устроил Андрея на работу в магазин сувениров, и, получается, спровоцировал его преступление и арест; впрочем, это, конечно, извращенный взгляд на вещи. «Ну ладно, я все-таки выполню ее просьбу, а справедливо это или нет – узнаем позже», – таков был итог его внутренних дебатов.

Приняв такое решение, он отправился в рыбацкий поселок и вскоре уже стоял в комнате Андрея перед двумя лежащими на полу картонными коробками. На одной из них он увидел письмо в запечатанном конверте и рядом клочок бумаги, на котором было написано всего несколько слов: «Пожалуйста, отвезите это письмо по адресу». Чего-то такого, конечно, следовало ожидать, но Хааст все же опять слегка обалдел и выругался. Однако настрой его не изменился; он схватил одну из коробок и отправился к злополучной бетонной площадке при спуске из леса. Бросив туда посылку за полчаса до урочного времени, он подождал и проследил издалека, как Никита, озираясь по сторонам, поднял ее и унес в лес. То же самое повторилось и на следующий день. Хааст чувствовал себя дурачком, марионеткой, которой управляют подергиванием за нитки, но не простой, а себе на уме марионеткой, которая позволяет собой управлять, чтобы узнать, до каких низостей способен опуститься кукловод. Передав

вторую посылку, Хааст принялся готовиться к поездке в северную бухту, в один из фешенебельных рыбных ресторанов в самом модном районе острова – письмо надлежало отдать директору этого ресторана. Он снял со своей машины табличку с номером и поставил на ее место другую – в офисе экспедиции было несколько таких запасных номеров, предоставленных полицейскими для крайних случаев. Затем он оделся попроще, закутался в шарф, натянул на глаза ушанку и отправился в путь. Добравшись до места, он припарковал машину за два квартала от ресторана, оставил в ней свой кошелек и документы, и зашагал по относительно многолюдной центральной улице. По обеим ее сторонам высились четырехэтажные здания классической архитектуры, на острове имевшиеся только здесь. День был морозный, но ясный и светлый; приближалось время обеда; нарядные витрины магазинов и кафе напоминали о больших городах на континенте; прохожие были одеты аккуратно, по-столичному, и смотрели на Хааста с пониманием: рыбак немного заблудился или вышел поглазеть на культурный центр, пусть себе любит. Рыбный ресторан «Медуза», место назначения Хааста, особой внешней отделкой не отличался; окна были простенько разрисованы рыбами и другими морскими тварями; сейчас эти окна были запотевшими, что, несомненно, свидетельствовало о том, что внутри там очень тепло и уютно. Хааст вошел и спросил директора, помахав конвертом; его проводили в темноватый офис, где он увидел человека на-

чальственного вида, отдававшего распоряжения охраннику. У директора были гладко прилизанные, блестящие черные волосы и большие золотые наручные часы; весь он, казалось, светился в полутьме.

– Вам письмо просили передать, – сказал Хааст, положил конверт на стол, и, развернувшись, собрался уходить.

– Эй, погоди-ка, дружок, ну-ка повернись ко мне, – вскричал директор, вскрывая письмо.

– Да это же Вадим-придурок, – удивленно протянул охранник.

– То-то я смотрю, мне твоя рожа знакома. Ну, приятель, пора и должок отдавать. Ты нам должен неделю работы, помнишь? Долги ведь надо отдавать, согласен? – спросил, мерзко улыбаясь, директор, пробежав взглядом по письму.

– Да, надо, – отвечал в замешательстве Хааст, но я не...

– А ты разве знаком с Никитой? – перебил его директор. – Ну ладно, иди пока рыбу почисти. У нас сегодня как раз двое не явились, придурки, типа тебя.

И не успел Хааст и глазом моргнуть, как охранник, здоровеннейший детина, схватил его и потащил на кухню, в рыбный цех. Каким-то образом мобильник Хааста оказался в руках у этого амбала; Хааста подвели к обширному металлическому столу, залитому водой, за которым стояли рабочие в резиновых робах и сапогах и орудовали над рыбой. Хааст встал на свободное место и тотчас перед ним шлепнулся на стол огромный тунец; охранник же вышел из цеха и запер за

собою дверь. «Ну что же», – подумал Хааст, «можно и рыбу немного почистить, почему нет». Сегодня на четыре часа было назначено важное совещание с Леонардом, которое Хааст не хотел пропускать, но времени еще оставалось много и он был уверен, что сможет как-нибудь улизнуть отсюда. Мобильник его, правда, был пока конфискован, но Хааст не переживал по этому поводу: разблокировался его телефон только отпечатком его пальца.

Справа от него за столом стоял невысокий мужчина в длинном капюшоне и одной перчатке, надетой на левую ладонь; в оголенной правой он держал огромный тесак. Он схватил тушу вновь прибывшего тунца, мгновенно распилил ее тесаком на две половины, одну из них, с головой, придвинул к Хаасту, а другую к себе, и принялся энергично соскабливать с нее мелкую чешую. Хааст надел резиновые перчатки, лежавшие на его рабочем месте, нашел там же похожий тесак и стал скоблить свою половину, стараясь подражать действиям соседа справа. Через пять минут его напарник закончил чистку и повернулся к Хаасту, у которого едва только начало что-то получаться. Из глубины капюшона на Хааста глядел, с непроницаемым для европейца выражением, коричневый, загорелый алеут, уже немолодой, бывалый.

– Новенький, что ли? – спросил он. – Ничего, научишься, – добавил он, взглянув с усмешкой на Хаастову половину тунца. – А пока что я буду чистить половинки с головой, а ты – с хвостом. – Меня зовут Юхак, для тебя – Юра. Будем

знакомы.

Вскоре Хааст узнал первый секрет ремесла – у тунца почти вся чешуя располагается возле головы, а на задней половине ее совсем мало. Юхак показывал Хаасту, как быстро и правильно очищать рыбу от костей; затем нарезали филе на длинные тонкие куски для жарки и аккуратные ломтики для сашими; раскладывали все это на подносы, которые отправлялись к поварам. Юхак работал филигранно, его ладони мелькали на столе перед Хаастом, точно как у карточного фокусника. На вопрос, когда заканчивается здесь смена, Юхак ответил, что у всех по-разному, но лично он здесь каждый день, с восьми утра до шести вечера. А платят неплохо, и он этим местом дорожит. Вскоре выяснилось, что «неплохо» – это чуть больше федерального минимума – в десять раз меньше, чем зарабатывал Хааст. «И чего они не идут учиться», – думал Хааст; «конечно, дешевле платить таким беднягам копейки, чем вложиться в дорогущее автоматическое рыбное оборудование. Хотя, вот когда-нибудь будет и здесь такое оборудование, и куда тогда деваться этому Юхаку?». Работа, между тем, проходила в весьма быстром темпе; рыбы для обработки подносили много; Хаасту было тяжело. Нарезанные кусочки посыпали специями и поливали какой-то жидкостью, от паров которой у Хааста сильно жгло ладони. Оглядываясь иногда на окошко в цеховой двери, он заметил, как директор и охранник совещаются с той стороны, указывая на него, и в первый раз за день по-настоящему встрево-

жился – чистой рыбы тут, похоже, могло и не ограничиться; этак и до вечера можно было домой не вернуться. Если до сих пор все происходящее было для него лишь своего рода игрой, которой он позволял продолжаться и знал, что может в любой момент из нее выйти, то теперь его уверенность в себе и в своем контроле над ситуацией пошатнулась – а это именно то, чего в первую очередь обязан избегать сыщик или разведчик. Участвуя в таких играх, разведчик никогда не должен заходить так далеко – ведь он рискует не только собой, но и вверенной ему миссией и всем, что поставлено на карту. Поэтому с этого момента Хааст включил внутренние ресурсы на полную, с одной единственной целью – прекратить этот эксперимент, выйти из игры. Руки, между тем, жгло уже нестерпимо; он увидел на кафельной стене, возле входной двери в цех, аптечку, и подумал, что, может быть, найдет там какую-нибудь мазь для смягчения кожи. Копаясь в аптечке, он соображал, как побыстрее, и по возможности, поспокойнее, выбраться отсюда; торчать тут дальше и сталкиваться с новыми сюрпризами от директора он не намеревался. Не найдя в аптечке ничего подходящего для рук, он постучался в стеклянное окошко запертой двери; его увидел охранник, выпустил, и спросил, в чем дело. Однако Хаасту ничего изобретать не пришлось; в дальнейшем события развивались сами собой. Не успел он и рта раскрыть для ответа охраннику, как у того затрещала рация; послушав несколько секунд, он схватил Хааста за рукав и потащил в офис дирек-

тора.

– Ты что же, Вадим, на собственной машине сюда приехал? – недоуменно и как-то вкрадчиво спросил директор.

– Да, – отвечал Хааст.

В этот момент директору на мобильный пришло СМС-сообщение, он глянул, изменился в лице, вскочил и вытянулся по струнке. Посмотрев на Хааста с выражением пойманного с поличным вора, он произнес, теперь уже дрожащим и подбострастным голосом:

– Я умоляю о великодушном прощении. Мы вас приняли за другого, за нашего старого работника, обознались. В ресторане все оформлено как следует. Мы готовы предоставить все документы. С Никитой у нас тоже заключена официальная бумага, извольте убедиться. Но я обязуюсь больше не работать с ним и его мальчишками, ярываю с ними договор сегодня же.

– Покажите эту бумагу, – сказал Хааст, прочитал ее, и твердо ответил:

– Обо мне чтобы ни слова Никите с Андреем. И с ними больше дел не иметь. Ясно?

– Так точно, – звонко отчеканил директор.

Хааст забрал свой мобильник и со словами: «Все у вас в порядке, никаких санкций не планируется», вышел из ресторана. На душе у него было гадко. Его раскрыли, приняли за полицейского, за проверяющего, а то и реально идентифицировали. «Ужасно сработано», – думал он, «надо было оста-

вить машину вообще в другом районе, и идти сюда двадцать минут пешком». Это приключение в ресторане оставило у него на несколько дней отвратительный осадок, в котором было сплошное недовольство – собой, людьми, неизменной капиталистической эксплуатацией простых рабочих, аптечкой без мази и вообще всем. Лишь только жилистые, умелые ладони алеута Юхака и их мастерский танец на рыбном верстаке всплывали иногда светлым пятном в памяти и немного разгоняли апатию и безысходность в душе.

На следующее утро после своего провала в ресторане Хааст послал Наталье такое СМС: «Посылки передал и письмо отвез. Еду освобождать вашего сына из полиции. Больше прошу меня в дела Андрея не вовлекать». Затем он отправился в участок, закончил все бумажные формальности, и забрал Андрея. Хааст спросил его, как ему сиделось, какие новости, но Андрей только буркнул: «Нормально» и углубился в себя. Всю дорогу домой молчали, Хааст ждал от Андрея хоть какой-нибудь откровенности, извинений или вопросов, но тот не проронил ни слова. Не было видно ни стыда, ни благодарности, ни каких-либо других чувств на его лице, но, похоже, он о чем-то напряженно думал. «Вот так тип», – подумал Хааст, когда Андрей, хлопнув дверью, вышел из машины и направился к дому.

Глава 7

Хааст был немало удивлен, не получив ни единого звонка или сообщения от Натальи, ни в этот день, ни в последующий месяц. Он досадовал какое-то время, но потом решил не держать на нее обиды: «Если она нормальный человек, то она мне все объяснит со временем».

В течение этого месяца он несколько раз спускался к лесному убежищу Антипа, в надежде застать его там. Увы, его опасения подтвердились – Антип исчез. Хааст все-таки спугнул его, и тот, видимо, прятался сейчас где-то в другом месте. Его избушка была по самые окна занесена снегом, на котором причудливым орнаментом пересекались разнообразные следы: аккуратные, трезубчатые – от птиц и более крупные, глубокие – от оленей. Рядом с домом валялись пустые миски, следы петляли вокруг них; все это указывало на то, что Антип в последнее время подкармливал здесь животных. Всякий раз не заставая в избушке Антипа, Хааст отправлялся на прогулки по зимнему лесу; ступал осторожно, памятуя о предостережении деда Никласа и о случае, который свел их с Антипом; иногда залезал на приглянувшуюся ель, что повыше других, и, возвышаясь на полметра над уровнем ельника, наблюдал, как ветер сдувает снежную пыль с качающихся верхушек деревьев. По силе и направлению ветра Хааст определял, собирается ли метель, и нужно ли

ему, в таком случае, торопиться обратно наверх. Блуждая по лесу, он не пытался обнаружить новое убежище Антипа, и вообще ничего конкретного не искал, а просто предавался забытым со времен своих детских лет опытам и забавам: ставил нехитрые силки на белок; раскапывал снег в особых местах, где, по всем признакам, магма подходила близко к поверхности, и грел там руки об теплую, дымящуюся землю. Насладившись как следует таким побегом в детство, он возвращался в офис экспедиции, в свое не слишком радостное взрослое настоящее.

Ничего за это время не изменилось в жизни Андрея, кроме того, конечно, что он больше не работал в медвежьей бухте. Он все так же пропускал уроки, воровал и сбывал рыбу и носил на площадку передачи, которые принимал теперь только Никита. Иногда они вместе с Никитой ездили продавать крупные партии рыбы куда-то на южную оконечность острова. Хаасту не составляло труда установить все это, ему достаточно было пару раз в неделю спускаться в поселок на несколько часов и быть в нужное время в нужных местах. Такое положение дел удручало Хааста: если ничего не изменить, то участь Андрея была однозначно предрешена; Хааст не желал мириться с этим. Парень неплохо учится по гуманитарным предметам. Хорошо играет в хоккей. Изобретательный комбинатор и ловкий психолог и продавец. Не дает в обиду и не обманывает тех, кого сам нанял – держит перед ними обещание. Неужели ничего нельзя сделать, что-

бы мальчишка перестал катиться вниз по наклонной? Такие мысли не отпускали Хааста; он поизучал в базах данных МЧС историю жизни семьи Андрея в Нижнем Новгороде, но ничего особо примечательного не обнаружил. Тогда он попросил школьного учителя литературы показать ему, с разрешения директора, сочинения Андрея; все они по содержанию были оценены на четверки и пятерки, по грамотности – на тройки. Из текстов на выбор Андрей всегда предпочитал детективные и фантастические рассказы, и сочинения по ним писал взволнованные, полные советов героям и указаний на их ошибки. По обязательному чтению Андрей писал не банально, не повторял заезженные фразы, излагал свои собственные мысли, и похоже, действительно читал произведения, по которым писались сочинения. Хааст обратил внимание, что в его мыслях о героях книжек всегда подчеркивается протест этих героев, их гордость и презрение к окружающим. Даже в песне о Буревестнике, горячо любимом Хаастом шедевре Горького, Андрей писал о протесте Буревестника против жизни гагар и пингвинов. Сам Хааст никогда не видел в этой поэме такого протеста, он так на это не смотрел, но, чтобы удостовериться точно, он прочел сочинения по Буревестнику всех учеников Андреева класса, и никакого протеста ни у кого не нашел. Кроме того, Хааст выяснил в школе одну деталь, которую упустил ранее – у Андрея не было близких друзей. Все эти изыскания привели Хааста к заключению, что Андрей имел внутри не по годам раз-

витый стержень, но ориентированный неправильно; он был уже сложившимся волчонком-одиночкой. Какое-то странное чувство уважения к Андрею возникло и усиливалось у Хааста; его не покидало ощущение, что он встретился с крепким, здоровым растением, по непонятной причине растущим ненормально. Ведь и волки могут трусливо воровать у пастухов овец, а могут охотиться на диких косуль. Андрей за что-то крепко обижен на мир, и с этим ничего не поделаешь. Но у него должен быть выбор, и нужно пытаться задействовать его способности и протест на честном, созидательном поприще. Колония для малолетних преступников – не единственный возможный вариант будущего для него. «Решительно нельзя оставлять Андрея на произвол судьбы», – заключил Хааст.

На восьмое марта, в женский день, Хааст предупредил Наталью о своем визите и в шесть часов вечера явился с цветами в гости. Андрея, понятно, не было, а Наталья встретила Хааста принаряженная, с прической, цветы с удовольствием приняла и поблагодарила. Прошли на кухню и присели за стол с угощением и бутылкой коньяка.

– Извините, Иван Платонович, я вам тогда не перезвонила, замоталась. Спасибо, что привезли сына из участка. Ну и работают они здесь – продержали ребенка три дня в отделении по ошибке. На континенте бы уже давно правозащитники на них нашлись, а здесь – пожалуйста, твори что хочешь.

– По ошибке, это кто вам сказал?

– Андрей сказал. Он объяснил, что хозяин магазина взял деньги из кассы и сам забыл об этом, а потом обвинил Андрея. А вы разве не в курсе?

– Я в курсе. Я к вам по другому поводу пришел.

– По какому же это, Иван? – спросила она вдруг каким-то расслабленным, игривым тоном и недвусмысленно сделала ему глазки.

Хааст похолодел. «Вот черт, куда дело зашло», – подумал он. «Хотел порадовать одинокую женщину цветами в праздник, и вот пожалуйста».

Он и в прошлый свой визит сюда обратил внимание на странные взгляды Натальи, но совершенно не придавал этому значения. Теперь Хааст сосредоточился, нахмурился, сделал вид, что не понял тона и намека Натальи, и наисерьезнейшим голосом направил разговор в нужное ему русло:

– Со школой у нас очень большие проблемы!

Наталья потупилась, нервно убрала со стола спиртное, разлила по чашкам чай, открыла форточку, достала сигарету и закурила.

– Рассказывайте, не томите, – подавляя разочарование, сказала она, крепко затянувшись и выпустив вверх струю дыма.

– Андрей продолжает прогуливать школу, не меньше чем раньше.

Наталья молчала и смотрела в свой чай.

– Скажите, Наталья, а почему Андрей не участвует ни в

каких кружках? Он, насколько я знаю, три года назад хоккеем занимался, рисованием. Почему он перестал ходить?

– Не знаю. Надоело ему, взрослый уже. Я и сама ему то же самое талдычу – иди, позанимайся куда-нибудь в бесплатный кружок. Не хочет.

– Ну а вы не боитесь, что он по вечерам свяжется тут с какой-нибудь плохой компанией?

– Ой, да если бы в Нижнем дело было, еще как боялась бы. А тут что? Зимой – каток, летом – серфинг, дайвинг. Здесь они вообще есть, эти плохие компании?

– Директор школы говорит, что не согласен больше мириться с его прогулами. Вот что я вам скажу – я уломаю директора подождать еще месяц-другой, а вы уговорите Андрея пойти записаться в кружок. Идет?

– Не знаю. Не хочет он на кружки – силой же не заставишь.

– А вот тут я вам готов подсказать – есть отличная идея, и вам с Андреем она наверняка понравится.

На острове, в северной бухте, еще в конце тридцатых годов был построен крупнейший военно-морской музей и уникальный павильон реконструкций военно-морских батальи. Гигантский бассейн под крышей, наполненный морской водой, мог принимать очертания береговых линий любых портов и мест сражений, вмещать в себя импровизированные острова, детально воссозданные по историческим описаниям. Передвижные трибуны на рельсах располагались по периметру бассейна и скользили вдоль зоны военных дей-

ствий, позволяя зрителям насладиться зрелищем со всех сторон. Искусно восстановленные корабли были уменьшены в несколько раз по сравнению с настоящими размерами и выглядели очень реалистично и устрашающе. Их создавал музейный кружок судомоделирования при помощи корабельной верфи и судоремонтного завода острова. Множество вышедших в отставку судов тихоокеанского и других флотов нашли свою новую жизнь здесь, разобранные и переделанные. Музеем-павильоном владел один из крупнейших российских богачей-промышленников, пламенный фанат морского дела. Он не жалел денег на свое детище; зарплаты здесь были высоки и устроиться сюда на работу и в детские кружки было непросто. Сражения режиссировались и управлялись при помощи военных историков аппаратами искусственного интеллекта, благодаря чему была возможна определенная ситуативная импровизация и отходы от исторической канвы событий, в той мере, в какой было угодно организаторам шоу. Матросами и пиратами обычно служили программируемые синтетические биороботы, но иногда вместо них выступали дети из местной театральной студии. Здесь реконструировались самые разнообразные сражения – от сцен из пиратских романов до боев по защите арктических конвоев второй мировой войны. В павильоне действовали также кружки по кибернетике и робототехнике, военной истории, рисованию, реставрации, столярному и слесарному делу – детей учили мастерить все своими руками, как в старые добрые време-

на, предшествующие эпохе автоматизации. Музей-павильон был одним из самых эффективных мест реабилитации погрязших в виртуальной реальности детей с континента, выдавших стамеску и рубанок только в старинных энциклопедиях. Старшеклассники, которым повезло сюда попасть, трудились в мастерских музея бок о бок с профессионалами, перенимали опыт из первых рук, и имели возможность попробовать себя в разных ремеслах и технологиях.

На весь рыбацкий поселок было только пять-шесть детей, которые ездили заниматься в музей-павильон – во первых, это было далеко, около часа езды в одном направлении, а во вторых, это было недешево, за эти кружки приходилось прилично платить. В музее существовала программа помощи малоимущим семьям – их дети могли заниматься почти бесплатно, но очередь на эту программу, была, понятно, велика. Хааст предложил Наталье устроить Андрея на такую программу. Он заранее договорился с папой девочки, занимающейся в музее, и живущей в этой же многоэтажке, что тот сможет возить Андрея на кружки вместе с его дочкой-восьмиклассницей. Мать Андрея была в восторге, но пыталась Хааста, как и ранее Андрей – за какие заслуги к их семье проявляется такая забота. Хаасту не составило труда объяснить про внимание школы к матерям-одиночкам и далее в этом роде; Наталья была, похоже, весьма легковерной женщиной, она всегда принимала на веру слова сына и теперь поверила также и Хаасту, или, по крайней мере, сдела-

ла вид, что поверила. Напоследок Хааст строго подчеркнул, что от этого предложения он отказываться не советует. По лицу Натальи было видно, что она все очень хорошо поняла. Покидая ее в этот вечер, Хааст с горечью отметил себе, что она ни словом не обмолвилась о том отъезде на двое суток и поручении с двумя посылками – а ведь он надеялся на ее объяснения.

Хааст предупредил педагогов музея, что за Андреем нужен глаз да глаз, да и занятия там не были связаны с деньгами, поэтому на этот раз Хааст не сомневался, что все будет в порядке, и, кто знает, может Андрей реально заинтересуется чем-то в этом поистине волшебном для мальчишек месте. Правда, место в льготной программе пришлось согласовывать с Леонардом, но здесь помогла Елена, в свое время также познакомившаяся с Андреем. Первые три недели все было отлично – Андрей ездил в музей по средам и пятницам и занимался в театральном и судомоделированием. Оба педагога хвалили его и считали способным мальчиком. Папа Софико – так звали попутчицу Андрея, также не имел к нему претензий – ребятам было даже веселее вдвоем в долгом пути. Андрей совершенно не перестал заниматься своим рыбным бизнесом, находил на него время, но на этот раз Хааст и не ожидал ничего другого. Все шло по плану. И вдруг, в последний день марта, произошла катастрофа. Андрей украл из театрального кружка ювелирные изделия, предназначенные для костюмов детей в готовящемся представлении про

пиратов. Не бог весть какие драгоценности там были, но все же на приличную сумму. Первого апреля Хаасту позвонил директор павильона; на этот раз такой же звонок получила и Наталья. Хааст провел день в павильоне и сумел убедить директора не сообщать в полицию, ведь желтая карточка ему уже была там показана, а теперь пахивало и красной. То же самое, только в еще большей степени, касалось и Андрея – доводить дело до полиции было никак нельзя. На счастье Хааста, он был знаком с директором павильона еще по работе в Москве, это был чрезвычайно доброжелательный и незлобивый человек. Он описал Хаасту хитроумный способ, с помощью которого Андрею удалось совершить кражу. В деле были замешаны две девочки, которые все рассказали – Софики, и еще одна – дежурная по студии в этот вечер, десятиклассница Маша, которая сидела за столом при входе, заведовала регистрацией проходящих, и должна была уходить последней и запирает студию. Все дети оставляли свои рюкзаки и сумки возле этого стола дежурного по студии. За несколько дней до происшествия Софики поведала Андрею, что поссорилась с этой Машей и та заявила, что больше с Софики не разговаривает. Софики посмеялась над ней и поспорила, что та еще как заговорит с ней. Они, действительно, не общались пару занятий, и Андрей подметил это. Он уговорил Софики и эту Машу остаться ненадолго после кружка, якобы с тем, чтобы помирить их. В удобный момент он пробрался к электрическому щиту, который находился в углу их театральной

студии, и обесточил все помещение. Софико возилась в это время с чем-то на сцене, а Маша сидела при входе, как и положено дежурному, и не знала, что ей делать. Она несколько раз позвала Андрея, попросила включить свет, но тот не отзывался. А Софико она позвать не могла, не хотела нарушить свое обещание. Пришлось ей встать и направиться к электрическому щиту самой, а Андрей в это время успел положить коробку с драгоценностями в свой рюкзак и повесить его на место. Он рассчитывал на то, что без электричества все камеры наблюдения будут бесполезны. Но увы, все да не все. Были две скрытые в потолке камеры, которые питались от другого энергоблока, они-то и запечатлели манипуляции Андрея. Маша, преспокойно включив свет, вернулась к своему столу, где ее уже ждала Софико, затем подошел Андрей, несколькими шутками помирил их, и все покинули студию. Вот такая история. Хааст поехал за Андреем и хотел отвезти его в павильон вместе с драгоценностями для разговора и извинений, но тот наотрез отказался ехать. «Не поеду и все», – заявил он. Ни на какие вопросы о том, зачем он это сделал и так далее, он не отвечал. Хааст плюнул, забрал у него коробку с ювелирными изделиями, вернул ее в павильон и закрыл конфликт. Он был в совершенном шоке от произошедшего и чувствовал, что он связался с тем, что выше его сил. Здесь нечего было больше раздумывать и предпринимать, все было предельно ясно – Андрей был неисправим, его стержень нельзя было переориентировать. По край-

ней мере, невозможно помочь тому, кто сам не хочет, чтобы ему помогали. «Насколько, все-таки, бороться с природными стихиями легче, чем с человеческими», – заключил Хааст и решил больше не принимать участие в судьбе Андрея.

Тем временем суровая зима Охотского моря отлutowала свое и начала истощаться; на море кое-где уже проседал лед, в горах возросла опасность схода снежных лавин. Суда в больших и малых гаванях острова ремонтировались и готовились к началу сезона навигации; рыбацкий поселок грохотал, суетился и снаряжался как будто на китобойный промысел. Хааст больше ни разу не видел Антипа, тот явно скрывался где-то в лесу, а если и спускался оттуда, то в таком месте, о котором Хааст не знал. Да и вся рыбная шайка стала вести себя в последнее время гораздо осторожнее – незримое присутствие Хааста (впрочем, не такое уж и незримое), похоже, начинало сказываться. Андрей теперь относил передачи Никите в основном по вечерам, почти перестал пропускать уроки и директор школы снял свои претензии к нему. Хааст порой брался ругать себя за то, что отвез тогда Антипа на санках домой, но, вспоминая как следует это приключение, он опять поддавался его обаянию, начинал симпатизировать Антипу, и чувствовал, что не мог тогда поступить иначе. Иногда он порывался раскопать дело Антипа и выяснить все про его преступление, но всякий раз что-то его отвлекало, руки не доходили до этого. Было много совместной работы с Леонардом, которую Хааст терпел, и с Чагиным,

которую Хааст любил.

Глава 8

Весна вступает на острове в свои права в начале апреля. Море освобождается ото льда, воздух наполняется свежестью и ароматами новой жизни, тянущейся к солнцу из-под тающего снега. В один из таких погожих апрельских вечеров Хааст и Чагин, покончив с делами, собирались поужинать внизу в рыбацком поселке. Вызвав такси, они вышли из дому и направились ждать в их излюбленное место – к поваленному сосновому стволу прямо через дорогу от офиса, на самом краю обрыва. Солнце уже скрывалось за горным хребтом, начинало смеркаться. Умопомрачительный закат, характерный для этих мест ранней весной, разрисовывал небо. Лиловые тучи переливались невероятными оттенками, снопы преломленных лучей пробивались сквозь них и заливали солнечными пятнами кварталы лежащих внизу деревень и огромные куски моря. Казалось, что гигантские прожекторы выхватывали кругами света на темной морской поверхности рыбацкие шхуны, торопящиеся причалить к берегу до наступления полной темноты. Чагин достал карманный радиоприемник и поймал какую-то музыку. Он любил всякую старую, раритетную технику, ведь ее можно было не просто использовать по назначению – над ней нужно было священнодействовать, и он бессознательно возвращался, при прикосновении к ней, в дни своей молодости, и с любовью ощущал

себя частью безвозвратно ушедшего прошлого – такое свойственно людям в возрасте. Передавали веселую песню про горы, долины и ветер перемен.

– Ветер перемен, Дуся, нужен тем, кто плывет по течению, – обратился он к Хаасту. – А тому, у кого весло в руке, никакой ветер перемен не понадобится.

«Точно», – подумал Хааст, «не было у меня в жизни никакого ветра перемен, никогда. Я сам решал свою судьбу». Но вслух сказал:

– Ну, на ветер надейся, но и веслом не плошай – как-то так, Виктор Матвеевич?

– Как-то так... – промычал в ответ Чагин. И, закурив, спросил:

– А скажите лучше, Хааст, почему вы нас не уволили к чертовой матери в первый же день, вы ведь за этим сюда приперлись изначально?

Хааст с удовольствием растянулся на стволе и закинул руки за голову. Приняв удобную позу и уставившись в небо, он ответил:

– Вот какая штука, Виктор Матвеевич, вы не поверите, но я и сам не знал, что должен вас уволить. Я очень торопился улететь из Москвы и не пошел на последнюю встречу с начальством, где мне все должны были объяснить.

– Так, прекрасно, а как же папка, которую вы привезли – там ведь все было черным по белому написано? – спросил Чагин.

– А я ее не читал! Достали уже со своими папками, сил никаких нет.

– Красота, да и только! Ну Хааст, вы даете! Мы тогда втроем чуть инфаркт не схватили. Ну, а что же после первой связи с континентом?

– Так это ведь уже было после спасения тех самоубийц, помните? Мне тогда очень понравилась ваша работа. Я и вас не хотел увольнять, и сам обратно не желал лететь. Я просто отказался выполнять инструкции.

– Чего-то вы, Хааст, недоговариваете, – с недоверием сказал Чагин. – В нашей организации нельзя «просто отказаться выполнять инструкции».

– Нельзя, – согласился Хааст. Но мне иногда можно. Только между нами, Виктор Матвеевич, дело в том, что замминистра транспорта – мой родной дядя.

– Ишь ты, – протянул Чагин. – Важная птица какая. Все с вами ясно, Хааст. Мажор вы и дети ваши будут мажорами.

Добравшись до поселка, друзья отправились в излюбленный паб Чагина, где подавали пиво старинных советских марок. Чагин родился в 1991-ом году, за один день до официального распада Советского Союза. Он любил шутить на эту тему и провозглашать себя советским человеком, который родился еще в великой стране и вырос на ее окровавленных обломках. В пабе вкусно кормили, экспедиционеры пили жигулевское; Чагин поддевал Хааста намеками на то, что его родина, Голландия, умеет только продавать пиво, а

варить его не умеет. Хааст парировал, что это чехи научили русских варить пиво, а также играть в хоккей. Сидели, шутили, потом перешли на лингвистику, профессиональную тему Чагина – он стал рассказывать о том, как звук А в индоевропейских языках изменяется на И. Хаасту было интересно. За соседним столом кутила молодежь, там были и подростки; возраст здесь не особо проверяют в питейных заведениях. Компания отмечала чей-то день рождения, шумела, веселилась. К ним присоединялись новые ребята и, когда Хааст и Чагин уже расплачивались, подошла еще одна парочка. Эти двое сели прямо напротив экспедиционеров и те сразу узнали в девушке дочь Елены Веру. Но Хааст также опознал и ее спутника – это был Никита, товарищ Антипа. Вера тоже заметила маминых коллег и сначала сильно смутилась, но быстро взяла себя в руки и подошла поздороваться. Ее стали звать обратно на общий тост.

– Ладно, я пойду к своим. Мы тут день рождения подружки отмечаем. Классные все ребята. Я хотела вас попросить – пожалуйста, не рассказывайте маме, что видели меня здесь. Она мне пабы не разрешает. Ладно? Да здесь полно ребят младше меня, все нормально, бокал пива, не больше.

На столе у компании, действительно, не было крепкого алкоголя. Выглядели они не грубо, а даже, пожалуй, симпатично, хотя это была скорее рабочая молодежь, чем группа студентов.

– Хорошо, Вера, не скажем, – улыбнулся Чагин. – Но

смотри, бокал один, а не три! – срифмовал он.

Вера отошла к своим, а Чагин и Хааст стали собираться по домам.

Вернулся в офис Хааст уже за полночь, в растревоженном, меланхолическом состоянии духа. Сон не шел к нему. Хааст вдруг, в первый раз за все время пребывания на острове, ощутил тоску по дому, по родителям в Крыму, почувствовал себя здесь лишним, чужим человеком. Точнее, остро осознал, что он не совсем человек здесь, он – должностное лицо, в его жизни есть только работа. Дорвался, получил чего хотел, и, кажется, переборщил немного. Впервые с той счастливой секунды, когда он ступил на эту северную землю, мысль его отвлеклась от забот экспедиции, от всех неудач с Андреем и Антипом, и покинула эти края. Она улетела в места его детства и юности, вернулась в прошлое. Он вспомнил свою любовь, уже прочно забытую и почти не саднящую сердце. Он когда-нибудь еще полюбит, обязательно – эта мантра всегда служила жизнеутверждающим занавесом к воскресавшим порой в памяти сценам его глубокой и несчастливой любви. Хааст вспомнил друзей по училищу в Севастополе, радостных, романтических парней, нацеленных на приключения и свершения. Сколько самобытных характеров, удивительных человеческих миров. Он со многими дружил до сих пор, и сейчас с ужасом подсчитал, что не связывался ни с кем уже более полугода. Так, как правило, бывает, когда разделяешься с огромной кучей работы и ви-

дишь, наконец, белый свет. И всегда стыдно, что не отвечал на звонки, не писал, не поздравлял. Ну, что поделаешь, есть на свете одержимые люди. Они иногда пропадают. Хааст был из таких, он всегда полностью отдавался тому, что владело его душой в данный момент – будь то дружба, любимое дело или отношения с женщиной, и напрочь игнорировал все иное, второстепенное, побочное. «Да, дружба...», – думал он сейчас, «Что может быть более взаимо-обогащающим, радостным и человеческим?». Он понял, что скучает по дружбе, и сразу же в его умозрении отчетливо высветился образ Антипа. Да, преступник, убийца, жестокий эксплуататор мальчишек, Антип Дьяконов – нравился ему. Хааст был уже не настолько молод, чтобы такие качества, как смелость или сила, сами по себе могли так легко очаровать его. Нет, здесь было что-то другое. Хааст знал, что Антип – не простой человек, и чувствовал, что он не законченный подонок. Копаясь в этом чувстве, Хааст решил, что, может быть, у него сейчас потребность в дружбе, и эта добродетель Антипа ему просто привиделась. «А спущусь-ка я завтра в лес, попробую найти его еще раз. Давно ведь не был там», – решил Хааст и сильно обрадовался этой идее. И почти сразу же заснул. Спал он крепко, но под утро ему вдруг приснился отвратительный сон; здесь надо заметить, что сны посещали Хааста чрезвычайно редко, по особым случаям. И всякий раз это были не простые, а значащие, зловещие сны. Поэтому проснулся Хааст раздосадованный и долго еще сидел в постели, пытаясь

сообразить, чем же он обязан такому сновидению. Приснилось ему вот что: Огромная черная буква Г сидит на летающем, бестелесном, или, точнее, прозрачном монстре в конской упряжке, помыкает им и натягивает поводья. Монстр пытается вырваться, взмывает в облака, но буква его постепенно приручает, укрощает, возвращает на землю, и в конце концов, сажает на цепь.

Оставив коллегам записку, что он вернется во второй половине дня, Хааст отправился к лесному убежищу Антипа, с твердой надеждой застать его там. Никита появлялся там по обыкновению после обеда, поэтому Хааст, быстро преодолев знакомый путь, без особых предосторожностей подошел к избе и постучал в окошко. Ответа не последовало. Он прошел вдоль стены, завернул за угол и увидел, что дверь была приоткрыта. Из помещения доносился какой-то скрип. Хааст прислушался. Нет, это была музыка, что-то похожее на звуки губной гармошки. Хааст побарабанил по двери и также никакого отклика не получил. Тогда он аккуратно отворил ее и вошел внутрь. Прямо перед ним сидел на диване Антип, смотрел на него в упор и играл на гармонике какую-то сложную блюзовую мелодию.

– Ну здравствуй, Антип, – не скрывая радости, сказал Хааст. – Хорошо исполняешь.

Ответа не было. Антип был занят игрой. Он глазами и кивком головы указал Хаасту на стул возле двери. Хааст сел и прослушал опус до конца, не без удовольствия и удивле-

ния от такого мастерского владения инструментом. Закончив, Антип отложил гармонику, крикнул, потянувшись, и спросил:

– Хлеб будешь с икрой?

– Давай. А где ты научился так играть?

– Идея фикс моих родителей. Они меня сильно напрягали в детстве на предмет образования, хотели, чтоб человеком стал. Персональный учитель музыки ко мне ходил. Родители сказали – сам выбирай инструмент, но чтоб играл на нем, как Бог. Ну, Бог гармоники – самый простой из всех музыкальных Богов. Так что, не расстаюсь с ней с младых, как говорится, ногтей.

Антип принес два ломтя свежее-испеченного хлеба и миску, с горкой наполненную красной икрой.

– Угощайся, – сказал он и сам приступил к завтраку.

– Неплохо-неплохо, черт, живешь.

– Привык я так. У меня всегда все было. Рос мажором, да не стал дирижером.

Антип явно был в хорошем настроении, он ел с аппетитом и каламбурил.

Хааст подумал: «Второй раз за сутки и за десять лет слово «мажор». Ну понятно, такие штуки всегда приходят кучками. Ладно, будем настраиваться на мажорный лад».

Он присоединился к трапезе и они вдвоем с удовольствием прикончили съестное, разговаривая на удивление легко, как будто виделись каждый день. Затем Антип накинул ту-

луп и они вышли наружу. Хааст огляделся. Возле сарая валялось весло от рыбацкой лодки, оно напомнило вчерашний разговор с Чагиным.

– А скажи-ка мне Антип, весло или ветер?

Антип поднял на него глаза, и думал пять-шесть секунд.

– Ветер конечно, к бабке не ходи.

– Почему же ветер, Антип? А я вот весло выбираю.

Антип хмурил брови и не отвечал.

– А отчего не спросишь, почему я весло выбираю?

– А оттого, что знаю, почему ты весло выбираешь. Ну-ка, поди сюда. Давай, бери-ка в руки это весло и следуй за мной.

Хааст взял злосчастное весло, они поднялись с Антипом на небольшой пригорок и подошли к одиноко стоящей ели, странно наклоненной вбок. Хааст обратил внимание, что здесь, на пригорке, дул приличный ветер, чуть послабее, чем наверху, на плато.

– Вставай вот здесь и подними весло, – приказал Антип.

Хааст послушно исполнил. Он стоял с веслом под елью, которая гнулась и скрипела на ветру. Не прошло и минуты, как подул особенно сильный порыв, ель треснула и стала падать на Хааста, так что он едва успел отскочить, бросив весло. Антип остервенело захохотал, легкие искорки безумия засверкали в его глазах.

– Что же ты, гребец наш, весло-то бросил? Помогло оно тебе против ветра?

– Ну и шуточки у тебя, Антип, мать твою за ногу, – с до-

садой ответил Хааст.

– Я сегодня с утра нарубил несколько елок на дрова, а эту недорубил, оставил как раз ветру на поживу. Ну что, ясно тебе, почему я ветер выбрал?

– Потому что он сильнее весла, так?

– Так.

– Ну а я почему весло выбрал, скажи?

– Потому что тебе кажется, что ты им управляешь, куда лодке плыть.

– Почему же кажется?

– Нет, ну в луже, ты, конечно, прав, греби своим веслом. Не утонешь. Но в океане весло тебе не поможет.

– Чего чего?

– А того того. Носки ты себе в жизни можешь выбрать сам, синие или зеленые, с помощью твоего весла, и не более того. А остальное за тебя ветер решает. Вот у каких родителей ты родился, в какой стране, это ты своим веслом нарулил? Как помрешь, каким воздухом дышишь? Я тебе больше скажу, и веслом твоим тоже ветер рулит, а не ты.

– А мальчишек обижать – это тоже ветер? Или ты сам все-таки решаешь, человеком быть или говном? – со злостью крикнул Хааст.

Антип прищурился и покраснел, как пойманный с поличным вор. Глаза его налились кровью.

– Вон ты куда загнул. Не твоего это, брат, ума дело, – глухо ответил он.

Оба приятеля напряглись. Разговор перестал быть отвлеченно-философским.

– Понимаешь, Антип, вот ты их сейчас эксплуатируешь, пользуешься их положением, плохим воспитанием, жестоко наказываешь. И вырастут они точно такими же – злыми людьми, и будут других точно так же обижать. Ты им образ жизни, ее правила, прививаешь, и их плохие склонности отливаешь в стойкую модель поведения.

– Ой, да ладно тебе. Да вокруг них полно заботы и внимания, все у них готовенькое, не то что в нашем детстве. Им немного зла и плохого отношения не помешает, наоборот, они узнают, что такое бывает, тогда и добро ценить научатся, больше папу с мамой любить будут. Ну, положим, один из них и вырастет злым. Но кто-то другой рядом, кто будет его зло видеть и переживать за тех, кого он обидит, тот вырастит в себе добро. Нет одного без другого, понимаешь? Где не живет злой дух, там нет и доброго, неоткуда ему взяться. Так вот – пусть будут в нашей стране трое злых и трое добрых людей, по мне это лучше, чем шесть никаких, с буквой в голове вместо духа, как в Европах ваших.

– С какой еще буквой?

– А с такой. С большой черной буквой Г.

– Твою-ж мать, сила Христова! – заорал Хааст. Он понял теперь смысл его сегодняшнего сна.

– Вот-вот. Они ведь там, в Европах-Америках, все при веслах. От лавки к лавке плавают, носки себе меняют. Я жил

в Англии два года. Не мое это. Буква духа не заменит, а весло – ветра.

– Понимаю тебя, – отвечал Хааст. – Но послушай, во-первых, без буквы никак. Дух-то, он разный у всех, а закон должен быть одинаковый. А во вторых, я согласен, что без зла нельзя. Но его и без тебя, дурака, хватает. Природа позаботится о зле, мало не покажется. Все эти болезни, перенаселение, технологии, климат. Мало тебе? Но люди по слепоте своей все это наворотили, думали, что творят для себя добро, пользу. А ты-то осознанно зло делаешь. Зачем? – и без тебя тошно.

– Ну уж нет. Злодей должен делать зло. Ясно тебе? Жить иди поучи свою собаку.

– Сволочь ты, Антип.

– Еще какая! Патентованная сволочь, с дипломом! С клеймом и прививкой от бешенства. Вот, смотри.

Антип стянул рубаху с правого плеча и показал Хаасту татуировку – несомненно, выколотую на зоне.

– Я ведь убийца, приятель, и тебе это хорошо известно. Не так ли? – спросил Антип и пристально посмотрел на Хааста.

– Да, известно.

– Так чего же ты от меня хочешь? Чтобы убийца дебилам малолетним Пушкина читал, конфетами кормил? Бабушкой им был? Я им лучше бабайкой побуду. Мне-ж еще пятерку сидеть, как минимум, так будет хоть за что. Это все твоя гребаная буква, Хааст.

– Что ты имеешь ввиду? В каком смысле – «будет за что сидеть»?

– А в прямом. Ладно, давай, поговорили и будет.

– Нет, ты договаривай. Что значит – «будет за что сидеть»? Отвечай!

– Забудь. Закрыли тему. Ты своим делом занимайся, а я своим буду, – внезапно успокоившись, примирительно сказал Антип. Пойдем, в шахматы сыграем.

Они сгоняли пару быстрых партий, разговаривая о всяких местных новостях, но не клеилась ни беседа, ни игра. Так всегда бывает, когда закрывают тему, которая на самом деле открыта и продолжает волновать умы и сердца. Наступил полдень, скоро уже должен был появиться Никита.

– Все, пойду я восвояси, – заявил Хааст.

– Бывай здоров, – холодно ответил Антип.

– И ты не болей. Держись тут. – сказал Хааст и вышел из избы без рукопожатия.

На следующий день экспедиционеры всей командой отправились в школу. Они иногда совершали такие вылазки, рассказывали ребятам всякую интересную всячину, а также подмечали талантливых, мыслящих детей, которым потом предлагали дополнительные занятия в офисе экспедиции. На этот раз решено было посетить одну из самых проблемных школ, расположенную неподалеку от рыбацкого поселка, по дороге к медвежьей бухте. Это был беднейший регион острова, там, на открытом всем ветрам каменистом пред-

горье, раскинулись деревни айнов, старейшие поселения на этой земле. Они соседствовали с индустриальной зоной и прилегающими рабочими поселками; здесь было самое дешевое жилье и неблагополучная социальная и криминальная обстановка. Чагин отправился туда первым, для беседы с директором, а остальная команда прибыла на час позднее. Как и во всех школах острова, использование компьютеров, калькуляторов и любой электроники было здесь запрещено до восьмого класса, «только своей головой» – таков был девиз местного образования. Хааст, Елена и Леонард постучались в класс, где Чагин уже заканчивал урок английского для десятиклассников, и заняли отведенные им места; здесь же сидела учительница и записывала за Чагиным.

– Как бы вы назвали по русски то, что называется на английском окне? – весело спрашивал учеников Чагин.

Хааст оглядел класс, здесь явно было заметно разделение на две половины: одна – заинтересованная, принимающая участие в происходящем, с живыми глазами, направленными на Чагина, и вторая – с опущенными головами, скучающая. «Пол-класса включилось – уже неплохо для такой школы», – подумал Хааст.

– Window, – сказала несколько ребят.

– Да, но как это буквально перевести, как можно сказать по русски? Подумайте, от какого слова произошло Window? Кто-нибудь?

– Ну, от Wind, наверное, – произнес кто-то.

– Так так, правильно, от ветра, значит как бы вы назвали Window?

Одна девочка вдруг вскинула руку, Чагин указал на нее.

– Ветрилка! – воскликнула она.

– Умница, – ответил Чагин, – вот видите, на многих языках сохранилась древняя традиция наименования предметов – вместо того, чтобы придумывать специальное слово, предмет называют по его связи с другими предметами и по его назначению, функции, которую он выполняет. Кто-нибудь может привести пример такого слова на русском?

– Руководитель! – крикнул один мальчик.

– Прекрасно! – отвечал Чагин, – вдумываясь в это слово, мы сразу понимаем его исконную суть, которая обязательно связана с культурой народа, в котором оно появилось. Значит, что у нас на самом деле начальники делают?

– Водят руками! – закричали дети.

– Именно, указывают, кому и что делать, ибо безграмотные были работники до двадцатого века, и приходилось все на пальцах показывать. Кстати, слово «начальник» – тоже, как видите, не оригинальное, а производное от «начало». Хорошо, а кто мне скажет, почему на русском утренняя еда называется завтраком?

Хааст заметил, что уже почти все ребята с интересом смотрели на Чагина, думали над его вопросом, но никто пока не отвечал.

– Может, потому, что оставляли немного на завтра, не ели

все сразу? – предложил кто-то.

– Неплохая версия, молодец, – отвечал Чагин, – но скорее потому, что готовили пищу в древние времена только раз в день, вечером, и то, что не доедали, оставляли на завтра, и называли это – завтрак. Ну ладно, к нашим, как говорится, баранам. А вот на английском завтрак это Breakfast. Кто мне скажет, почему? Говорите сразу, руку не надо поднимать.

– Быстрый перерыв, конечно, – хором закричали ребята.

– А вот и нет! – засмеялся Чагин, – ошибочка у вас! Обратите внимание, одно и то же слово может иметь несколько значений! Еще идеи есть? Подумайте, что еще может означать Break и Fast?

Никто не знал.

– Fast, ребята, это на английском пост, когда не едят на религиозные праздники. Так что Breakfast – это ломание ночного поста – мы же ночью постимся, не едим, правильно?

– Прикольно, – сказали несколько человек.

– Да, этимология – вообще очень прикольная вещь, она показывает вам уклад жизни, традиции разных культур, народов. И надо быть очень осторожным, чтобы не принять желаемое за действительное, не ошибиться. Вот вам веселый пример – ко мне как-то пришел один студент и говорит – Deliver и Обеспечивать – это же уникальная общность в мышлении русских и англичан. De-liver и обес-печивать – это на обоих языках «лишать печени», то есть и мы и англичане считаем, что доставлять – это «лишать печени»! Я

очень смеялся. На самом деле Deliver не происходит от Liver, а Обеспечивать – это делать беспечными, освобождать от печали, забот – вот тебе доставили, что ты заказал, и ты теперь беспечен.

Елена засмеялась, некоторые ребята тоже; урок тем временем был закончен. Теперь предстояло посетить литературу у двенадцатого класса, здесь были те ученики, кто выбрал углубленное изучение этого предмета. Тема занятия была – японское хокку, дети изучали их уже месяц, и сегодня был заключительный, итоговый урок по этому виду поэзии. Учительница объявила, что вначале выступит лингвист Виктор Чагин, а затем будет сочинение на пятнадцать минут – каждый придумает несколько хокку. Ребята были озадачены таким поворотом событий, послышалось оживление и шуточки. Чагин вышел к доске и объявил:

– Ребята, сегодня у нас с вами будет свободная беседа, мы попытаемся осмыслить – а что же такое хокку и как так получается, что хокку всего несколькими строчками создает такой пронзительный и точный образ. Прежде всего, давайте разберемся – образ чего? Можете отвечать не поднимая руки. Есть идеи?

– Природы, – ответил кто-то.

– Так, но посмотрите, эту природу всегда созерцает человек. Без этого созерцания нет хокку. Еще кто-нибудь?

– Чувство природы, – послышался голос.

– Правильно, хокку создает образ чувства, которое чело-

век испытывает, наблюдая природу. То есть хокку передает читателю образ того состояния, ощущения, в котором находился автор при созерцании. Подумайте – как много человек испытывает разнообразных, тонких чувств, уникальных состояний души, и как мало существует в языке слов, эпитетов для описания этих чувств. Вот, к примеру такое хокку – и Чагин написал на доске:

«Падающий цветок

Вернулся вдруг на ветку

Оказалось: бабочка!»

– Что здесь выражено? Состояние удивления, неожиданности, чуда? А вот такое:

«На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер.»

– Те, кто когда-либо испытывал состояние одиночества в холодный осенний вечер, сразу вспоминают его и предаются ему, читая эти строки. Эта передача чувства настолько сильна, что она переносит читателя в шкуру поэта, в его состояние, и ты чувствуешь, что как будто сам сейчас смотришь на эту голую ветку. И обратите внимание, в хокку не обязательно задействована живая природа, вот например:

«Холод до сердца проник:

На гребень жены покойной

В спальне я наступил.»

– Посмотрите, какое уникальное чувство здесь выраже-

но, нет точных слов в языке для его описания, и только такой художественный текст дает нам это чувство. Хокку – это суть, квинтэссенция любой поэзии. Многое, если не все замечательное в русской поэзии также выражено в похожих на хокку емких строках, обладающих переносящим действием.

Вот, посмотрите – и Чагин написал четыре строки:

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.»

«Ночь, улица, фонарь, аптека.»

«Мороз и солнце, день чудесный.»

«Здесь краски не яркие и звуки не резки.»

– Каждая из этих знаменитых строк безошибочно передаст вам определенное состояние души, и настроивает вас на него. Эти строки пронзают и пленяют нас, как музыка. Но как же это происходит? Давайте попробуем вместе сочинить что-нибудь. Кто может привести пример какого-то интересного чувства, ощущения, которое возникает в простой ситуации?

– Ну вот когда ты хочешь чем-то серьезным заняться, но знаешь, что тебя скоро отвлекут, и решаешь, что нет смысла начинать, – предложил кто-то.

– Замечательно, – воскликнул Чагин. И написал на доске следующее:

«Надо сесть, продолжать писать мою повесть, но через час придут гости.

Только успею погрузиться, вдуматься, как уже отвлекут.

Поэтому нет смысла даже начинать, поваляю дурака по-

камест.»

– Понимаете ощущение? Ну вот, давайте напишем хокку на эту тему. Будем во-первых, убирать все лишнее, а во-вторых, будем находить предметы или явления, отсылающие к нашей ситуации, символизирующие ее. Давайте так: я буду подчеркивать слова и фразы, а вы будете говорить, какие предметы символизируют их.

Чагин подчеркнул слово «писать». – Рукопись, вдохновение, стол, – слышались голоса.

«Надо сесть, продолжать». – Скоро сдавать, наконец добрался, – сказали в классе.

«Через час придут гости». – Телефонный звонок, смех, разговор, – раздались версии. Кто-то выкрикнул «Жена», все засмеялись.

«Поэтому нет смысла даже начинать». – Облом, – сказал кто-то. – Да ну его, – брякнул кто-то еще.

«Поваляю дурака покамест». – Интернет, мячик, – предложили ребята.

– Прекрасно! – воскликнул Чагин и написал на доске:

«Рукопись, наконец я добрался до тебя.

Вдруг телефонный звонок. Жена скоро будет здесь.

Облом писать. Что там нового в интернете?»

Класс дружно засмеялся, экспедиционеры тоже.

– Это, конечно, еще не поэзия. Это подкоп, проделывание дороги к ручью, где она течет. Если ты созерцаешь и мыслишь в обычной жизни, то тебе дано найти этот ручей. Ко-

пай и не сдавайся, и обязательно почувствуешь влагу, а там уж, в ручье, найдутся все нужные образы и слова, – резюмировал Чагин.

Вдруг девочка в первом ряду подняла руку и спросила:

– А я тоже придумала хокку, можно я напишу на доске?

Девочка была из айнов, она была взволнована, черные глубокие глаза так и горели. Получив одобрение Чагина, она подошла к доске и написала:

«Сижу на берегу пруда голодная, невдалеке грохочет русский экскаватор.

Подожду, пока он уедет, тогда наконец услышу, как ветер шелестит камышами,

Достану свой бутерброд и позавтракаю.»

Мертвая тишина повисла в классе, веселье как ветром сдуло.

– Ну зачем ты так, Аянэ? – помедлив, воскликнула учительница, подошла и стерла слово «русский».

– Так ведь тоже очень хорошо, неважно, какой там экскаватор, правильно, Аянэ? – спросила она. Затем объявила:

– Ну вот, ребята, теперь давайте приступать к сочинению.

Экспедиционеры попрощались с классом и вышли. По дороге в офис обсуждали положение Айнов на острове и их судьбу; Чагин говорил, что, в отличие от Японии, где их культуру возрождают, мы их до сих пор подавляем и так дальше продолжаться не должно.

После обеда Хааст вышел прогуляться, подышать свежим

весенним воздухом. Школьные впечатления были еще свежи, он думал о том, что завтрак на языке его предков – голландцев буквально означает «давай кусай» и вспоминал девочку Аянэ и ее хокку. Он пожалел о том, что мало знаком с японской поэзией. Затем он мысленно вернулся к вчерашней встрече с Антипом, подробно прокрутил ее в голове и расстроился. Он стал склоняться к выводу, что его сомнения по поводу Антипа, пожалуй, разрешились: тот, все-таки – реальный злодей, причем не мелкий. Преступники, настоящие, идейные – они ведь народ такой – харизматичный. Они и смелостью вышли и благородством, и искренностью, и язык у многих подвешен, и не-конформисты они, и патриоты, и чести у них на десятерых, и вообще они настолько безграничные и широкие, что узкие рамки закона им просто тесны. Все это подкупает и очаровывает неокрепшие, неопытные души, особенно на фоне менеджеров среднего звена, офисного планктона, успешных, состоявшихся, и тому подобных прекрасных людей. И сам Хааст, часто бывая в юности в крымских деревнях, встречался с такими персонажами, которые проводили дома год – и снова на зону, и запомнил дух романтики и силы, который окутывал их. Именно такого рода обаянием веяло от Антипа, это был, что называется, типаж. Увы, четкий типаж. Хааст уже хотел поставить точку в этих размышлениях об Антипе, но что-то мешало ему это сделать. Что-то грызло изнутри, какой-то червь сомнения не отпускал.

– Будет за что сидеть, будет за что сидеть, – передразнивал Антипа Хааст, разговаривая с этим червем. – Обычные бандитские понты, рисовка – они все так говорят. Нас на это не купишь. Хватит, отстань.

Но червь не отставал.

– Вспомни его улыбку, его смех, – вещал червь. – Такой смех у бандитов и плохих людей не бывает.

– Все бывает, – отвечал ему Хааст. – Хотя ты прав, зараза.

– Но ты же сам хотел получше разобраться в этом деле с убийством. Сделай это, не оставляй меня в душе, – продолжал червь.

– У меня и так полно дел, я занят по уши. Нет тебя, ясно? Я принимаю волевое решение – тебя нет, и никаких сомнений нет! – волновался Хааст.

– То, что Антип говорит, это от души, он переживает, это не просто «язык подвешен», – не обращая внимания на волевое решение Хааста, нудил червь.

– Цыц, зараза, исчезни, – разозлился Хааст.

И вдруг он понял – червь сомнения не пропадет, а будет терзать его и дальше.

– Ладно, собака, твоя взяла, – вскричал он. Просящему дается, я подниму это дело.

Исполненный решимости все окончательно прояснить, он прибежал обратно в офис и засел за компьютер и телефон. Весь остаток дня он посвятил изучению дела Антипа, и чем дальше продвигался, тем больше странных и туманных по-

дробностей всплывало в этой истории с убийством. Адвокат, защищавший Антипа, поначалу не захотел разговаривать. Следователь, работавший по делу, на беседу согласился, но явно нервничал и что-то скрывал. Назавтра Хааст оставил адвокату строгое сообщение и сослался на свои чрезвычайные полномочия в МЧС. Вскоре тот перезвонил и рассказал Хаасту следующее: Ему, как адвокату, стыдно за это дело, потому что он не смог помочь своему клиенту, из-за предвзятости суда и странного поведения потерпевшей девушки и свидетелей. Дело на самом деле было так: На вечеринке Антип услышал женские крики о помощи, прибежал в соседнюю комнату и увидел, как один из парней принуждает девушку к сексу; та вырывается и кричит. Завязалась драка между Антипом и насильником; Антип толкнул его, и тот, споткнувшись, упал, ударившись головой об батарею. Удар пришелся в висок и парень умер в машине скорой помощи от кровоизлияния в мозг. Именно так адвокату рассказали эту историю сама девушка и несколько ее друзей, в самом начале следствия. Затем, однако, они отказывались с ним общаться, а на суде девушка заявила, что против секса она не возражала, а драка возникла по причине вмешательства Антипа и его пьяного состояния. Свидетели также заявили, что никаких криков и насилия со стороны убитого замечено не было. Скорее всего, по мнению адвоката, здесь имело место давление на свидетелей и на следствие со стороны семьи убитого, но ходатайство о повторном рассмотрении дела было откло-

нено.

– Плохи наши дела, – с улыбкой пробормотал Хааст, услышав этот рассказ.

В действительности, дела были прекрасны. Не жалость к незаслуженно осужденному испытывал сейчас Хааст, но огромное облегчение и радость за Антипа и за себя. За то, что подтвердилось его предчувствие, что Антип – не настоящий преступник. За то, что он давеча чуть не ошибся, но решил все-таки потратить время и разобраться.

Глава 9

На следующей неделе на экспедицию навалилась неотложная работа: планирование летней деятельности. Договаривались со школами о совместных планах на каникулы, намечали кандидатов, кому будет предложено переехать обратно на континент, составляли разнообразные списки и сметы. Хаасту необходимо было неотлучно присутствовать при этом, и он не мог выкроить и часа, чтобы спуститься в лес к Антипу и как-то подбодрить его. Лишь поздними вечерами Хааст возвращался мыслями к Антипу и перебирал в уме возможные шаги по облегчению его участи. К сожалению, такие шаги требовали непрерывных звонков в Москву, что в эти дни было совершенно исключено. Наконец планирование было завершено, и первым же свободным утром Хааст отправился к Антипу. Подойдя к тому месту, где он обычно спускался с плато на горный склон, он увидел полицейскую машину и рабочих, которые устанавливали столб с камерой наблюдения. Хааст вернулся в офис и застал там офицера полиции за чаем и беседой с Еленой.

– Вот, беглых преступников разыскивают, – пояснила Хаасту Елена. – Они здесь, у нас на острове, прячутся уже с год.

Возле входной двери красовался портрет Антипа на бланке федерального розыска, а рядом был приколот еще один бланк с какой-то незнакомой физиономией. Офицер предла-

гал выделить для офиса экспедиции охрану, но Хааст решительно отказался от этой идеи. Вдоль дороги теперь висели камеры наблюдения, полицейский патруль каждые два часа проезжал мимо офиса. Хааст не мог даже сообщить Антипу об этих новостях, поскольку мобильной связи в лесу не было. Из Москвы пришла новая инструкция – экспедиция должна оказать полное содействие полиции в поисках преступников, и всем будут выписаны премии и повышены должности, если они помогут их поймать. Все члены команды отнеслись к этой новости по-разному. Чагин шутил, веселился и предлагал поиграть на старости лет в детективов. Леонард уверял, что в Москве правая рука не знает, что делает левая, и все это, наверняка, ошибка – ну как сюда могут попасть беглые бандиты? Елена встревожилась и сказала, что вооруженная охрана была бы в офисе очень кстати. А также премия и повышение – это было бы прекрасно, и на самом деле, давно ими заслужено. Вскоре выяснилось, что работа экспедиции сильно осложнилась в связи с поисковыми мероприятиями. Доступ на горную дорогу для родителей, которые привозили детей на занятия, был теперь ограничен. Внизу, в поселке, ввели пропуска и комендантский час. Леонард с тревогой заявил, что если бандитов в ближайшее время не поймут и жизнь не вернется в нормальное русло, то экспедиции никак не выполнить даже минимальных планов, а этого в центре не поймут. Для Хааста это был жестокий удар судьбы. Ведь с тех пор, как он выяснил всю правду про пре-

ступление Антипа, он успел проникнуться горячим состраданием и решимостью помогать своему незаслуженно наказанному другу. И вот теперь он, что же, должен, наоборот, содействовать поимке Антипа? Хааст не знал, как ему быть и чувствовал себя выбитым из седла. Сейчас он уже напрямую нарушает свои обязанности, не выдавая Антипа, и подвергает риску успешную работу экспедиции. Такого острого конфликта между служебным долгом и личными ценностями он у себя припомнить не мог. Но в том то и дело, что не служебный долг, как таковой, волновал Хааста. Система, служение ей и ее требованиям, не сильно интересовали его. А вот живые люди и их участь – это совсем другое дело. Он относился к той породе самостоятельных командиров, которые на войне отказывались выполнять бездумные приказы, чреватые большими потерями личного состава. Его трагедия заключалась сейчас в том, что кого-то, похоже, нужно было принести в жертву – либо своего друга, либо свою команду. «Как не предать Антипа и в то же время не поставить под угрозу будущее экспедиции?», – вот какой неразрешимый вопрос встал перед Хаастом и овладел всем его существом. Он мучил Хааста безжалостно и неотступно, не давая ни спать, ни работать, и за несколько дней вконец измотал его. Множество различных способов и вариантов выхода из положения приходило ему на ум, но ни один из них полностью не удовлетворял его и не облегчал тяжести на душе.

Леонард в эти дни, как назло, устроил какие-то совещания

с центром; приходилось сидеть и вникать в переговоры, а то и участвовать в обсуждениях. Хааст был слаб и не мог сосредоточиться на происходящем, отвлечься от своих тяжелых раздумий.

– Давайте решим вместе, стоит ли заказывать вам эти приборы, они ведь очень дорогие, а в ваших условиях не слишком применимы, или я ошибаюсь? – раздавался чей-то голос из Москвы.

«Это я засветил Антипа; кто-то наверняка проследил за моими вылазками на горный склон», – думал в десятый раз Хааст, вместо того, чтобы поразмыслить над заданным вопросом.

– Есть какие-то мнения? – повторял чиновник в переговорном мониторе.

«Антипу все равно не уйти – весь лес окружен и оцеплен; его поимка неизбежна, и нет уже никакого смысла дальше прятаться в лесу. Так какая ему разница, с нашей помощью его найдут или без нее? А экспедиция могла бы возобновить нормальную работу, и Елене, вдобавок к повышению в должности, может быть, и дом бы выделили в северной бухте, и эта чертова Верина астма пошла бы на поправку», – думал Хааст, не слушая Леонарда, который в этот момент озвучивал свой ответ чиновнику.

– Все согласны с этой точкой зрения? – раздавался голос из монитора.

«Точка зрения Леонарда? Нет, Леонард все-таки не прав,

его опасения преувеличены – если поиски Антипа затянутся и экспедиция из-за этого не выполнит планы, то в Москве нас простят и не станут принимать меры. Я почти уверен в этом. Тогда, может быть, попробовать организовать побег Антипа с острова? Но возможно ли это вообще, и куда, и разве это выход? Что же делать? Вот бы спуститься к Антипу и обсудить с ним, но ведь, если я пойду к нему, то камеры, безусловно, засекут мой путь», – продолжал беседовать сам с собой Хааст.

– Хааст, а вы-то как считаете? Да ответьте вы наконец, мы уже в третий раз вас спрашиваем! – услышал он возглас Леонарда и вернулся на минуту к действительности.

Вся команда с любопытством взирала на отсутствующего Хааста.

– Кончайте медитировать, товарищ! – ехидно улыбнувшись, прошептал ему Чагин.

«Вот черт, я все прослушал про эти приборы. Но правильное решение примут здесь и без меня, а я потом Чагина распрошу», – подумал Хааст.

– Ну, я в этом вопросе всецело согласен с Леонардом, – громко сказал он в монитор и опять провалился в свой внутренний диалог.

«Почти уверен, почти уверен», – мысленно передразнивал он сам себя. «Не нравится мне это «почти уверен». В Москве ведь тоже полно всяких интриг в руководстве МЧС, и разных взглядов на эти экспедиции. Может и прав Лео-

нард, не простят нас», – думал он.

– Что с вами, Хааст? – спросила его Елена после этого совещания. – На вас лица нет.

– Плохо сплю в последнее время, бессонница, – отвечал он. – Пойду отсыпаться.

Леонард смотрел в эти дни на Хааста с недоумением и досадой. Хааст замечал это, но ничего не мог поделать с собой – его заклинило, он внутренне настаивал хотя бы на какой-нибудь мало-мальской подвижке в решении его дилеммы, упрямо продолжал искать ее, а ее все не было. Наконец Хааст совсем потерял присутствие духа и сообщил коллегам, что берет выходной. Весь день он лазил по горам в полном отрешении от своих проблем; он заставил себя сконцентрироваться на том, как бы не сорваться вниз, и таким образом погасил, наконец, свои навязчивые и бесплодные размышления. Он измотал себя в этот день так, что проспал потом всю ночь как убитый, и утром, как только он открыл глаза – решение сразу пришло к нему. Он ясно и глубоко почувствовал, что кое-что знает твердо и незыблемо, и это не предмет для взвешиваний и расчетов. А именно: выдавать и предавать Антипа он не намерен. И точка, и дальше будь что будет. С этого мгновения Хааст начал быстро приходить в себя, думы и сомнения перестали терзать его. Но что же он может сделать в текущий момент для Антипа? Разве что, хотя бы, предупредить? Чем тот, вообще, сейчас питается? Ведь, скорее всего, Никита и Андрей не могут теперь передавать

в лес провизию. Хааст проехался по рыбацкому поселку и воочию убедился в этом. Он увидел, что все подходы к лесу оцеплены. Камеры ночного видения были установлены по всей границе леса, включая и горную дорогу, и фиксировали любого, вошедшего в лес. «Ладно, уж эту задачу решить не сложно», – с удовольствием подумал Хааст. «Идти нельзя, но лететь-то можно. Запустим к нему, на большой высоте, дрон, с едой и запиской, его камеры не заметят», – решил Хааст. В офисе экспедиции как раз оставался один такой мощный военный дрон, способный нести приличный груз и распознать нарисованную на бумажке цель. Хааст начертил на листе примерный вид лесной избушки сверху и заштриховал все вокруг, изображая лес. Дроны этой модели находили и не такое, и Хааст был совершенно уверен в успехе.

Однако план этот ему осуществить не удалось. Когда он следующим утром зашел на офисный склад и вытащил из коробки дрон, то услышал сзади шаги Леонарда.

– А, нашли его, молодчина, Хааст! А я вчера два часа искал. Ну, давайте его сюда, – радостно бормотал тот. – Все исполним сегодня точно так, как и запланировали в понедельник.

«Черт побери, что же мы там запланировали в понедельник?», – подумал Хааст. Но Леонард уже выхватил из его рук дрон и энергично удалялся с ним. Таким образом, даже предупредить Антипа об опасности Хаасту не удалось. Однако вечером того же дня он увидел вертолеты, кружащие

над горным склоном, и его осенило, что предупреждать Антипа ни о чем не нужно – Никита ему уже наверняка сообщил о положении дел, а если даже это не так, то по этим вертолетам, полицейской возне и оцепленному лесу Антип должен был обо всем догадаться. Также Хаасту пришла в голову мысль о том, что в избушке наверняка имеются запасы еды на крайний случай. Тогда он окончательно понял, что на данный момент сделать для Антипа ничего, увы, не может. Хаасту нужна была передышка; он решил пока выждать и взял паузу.

Спустя пару дней после неудачи с дроном, Хааст приехал в торговый центр в рыбацком поселке – надо было кое-что купить по делам экспедиции. Закончив с покупками, он присел пообедать в фойе, и вдруг заметил за соседним столиком Андрея – тот сидел и пил лимонад с какой-то девушкой, видимо, его троюродной сестрой. Вскоре девушка встала и отправилась в свой обувной магазин, а Андрей углубился в планшет. Хааст смотрел на Андрея и злился; его наполовину съеденный рассольник был забыт и остывал в тарелке. Кусок больше не лез Хаасту в горло. «Что же ты за скотина такая, как ты мог так поступить? Всю душу мне вымотал, гаденыш!», – думал он, негодуя. Точка кипения была достигнута, Хааст вскочил и подошел к Андрею.

– Можно к тебе присесть? – едва сдерживая свой пыл, спросил Хааст.

– Нельзя. Я занят сейчас, уроки делаю, – отвечал Андрей.

– А я говорю, что можно. Уроки потом сделаешь.

– Я не хочу с вами разговаривать. Вы только несчастья приносите мне и маме. Я пойду, – Андрей встал и засобирался.

– Нет уж, друг милый, посиди, удели мне пять минут. Расскажи мне, как воруеть рыбу со склада, как мать обманываешь.

Андрей вздрогнул, сел обратно и испуганно посмотрел на Хааста.

– Я все о тебе знаю, Андрей. Знаю про твой рыбный бизнес, чем ты там занимаешься, где продаешь рыбу, что говоришь матери – а она ведь тебе верит.

Андрей смотрел в стол и молчал. Посидели минуту в тишине.

– Скажи Андрей, почему ты все время обманываешь, всегда врешь? Я только это хочу знать. Ведь ты же умный, развитый парень, книжки читаешь. Скажи мне!

Андрей сжал кулаки и поднял на Хааста глаза, полные тоски и злости – такого взгляда Хааст еще у него не видел.

– Потому что вы все меня обманываете! – и он сделал рукой полукруг, указывая на магазины и посетителей. – Все всегда врут! Весь мир врет и наживается на этом, почему же я должен быть другим? Кругом одно вранье. Посмотрите! Видите вон тот рекламный щит с шампунем?

– Вижу, – отвечал Хааст.

– Там написано, что это лучший шампунь для укрепления

волос. А моя мама говорит, что волосы от него выпадают, и ее подруга тоже так говорит. Значит, эта реклама – вранье, так?

– Так, все верно.

– Те, кто составлял эту рекламу, знали, что их шампунь – вовсе не лучший. Значит, они сознательно врали. Правильно?

– Да, правильно, – отвечал Хааст.

Андрей завелся. Лицо его стало ожесточенным.

– Вон там, наверху, написано про ипотеку на три процента в северной бухте, дядя и тетя улыбаются на картинке. А это вранье. Мамин знакомый из банка по секрету сказал, что хотят людей заманить на низкий процент, а на самом деле там строится город и много классных мест будет и вскоре процент повысят, и кто уже взял ипотеку, влезет в долги. Обманывают сейчас людей, так?

– Так, Андрей, – грустно отвечал Хааст, он тоже знал об этой банковской афере.

– А те менеджеры в банке, кто обманывает, зарабатывают на этом, и прекрасно живут. Так?

– Да, так.

– А вон, смотрите, плакат с нашим губернатором Ермаковым, он много всего обещает, скоро ведь выборы. Мама говорит, что он подлец, вор и все врет. Это так?

– Ой, Андрей, боюсь, что так. Мне он тоже не нравится.

– Он во власти для того, чтобы воровать, это так?

– Да.

– В прошлом году мама работала на фабрике «Жемчуг», где губки делают, всякие морские украшения, мази. Знаете? Им там всем обещали зарплату поднять, чтобы народ не ушел. Потом три месяца вообще не платили. А потом продали фабрику японцам, так те снизили зарплату в два раза, там сейчас вообще минимум платят. Обманули маму, так?

– Так.

А управляющий зато построил себе виллу в северной бухте, на съезде в каньон, знаете? Он всех кинул и нажился на этом. Правильно?

– Правильно.

Андрея окончательно прорвало. Он почти кричал. С каждым новым примером обмана он стучал кулаками по столу, стаканы на нем подпрыгивали и звенели. Зато злость Хааста как рукой сняло, он теперь был в состоянии крайнего изумления и во все глаза смотрел на Андрея.

– То, что вы – школьный инспектор, это вранье. Верно?

– Верно, Андрей.

– Вас вовсе не зовут Иван Платонович, вы мне врете об этом. Вас зовут Хааст, верно?

– Верно.

– Посмотрите вокруг – везде вранье, – горячился Андрей. – Вон официантка несет помидоры, вы видели, что в меню о них написано?

Хааст Взял меню, нашел помидоры и прочел вслух: «Све-

жайшие молдавские помидоры зимних сортов, органические, выращенные без вредных удобрений».

– Вы думаете, это правда? – спросил Андрей.

– А что, нет?

– Нет! – воскликнул Андрей. – Их сюда привозят зелеными, опыляют каким-то газом, и они за одну ночь поспевают и становятся красными. Их есть вредно. Понятно?

– Понятно.

– Эта фирма, которая врет про свои помидоры, зарабатывает на этом, так?

– Так.

Андрей замолчал ненадолго, потупился. Хааст был в шоке – Андрей убил его наповал. Хааст хотел было встать и уйти, но Андрей продолжил уже более спокойным тоном:

– В Нижнем мать могла пойти учиться на менеджера, но ее в архиве держали, все обещали, что пойдет на повышение, переедем в Москву. А потом архив просто закрылся, обманули. Когда сюда переезжали, матери сулили трехкомнатную квартиру в хорошем районе, интересную работу. Обманули. Но квартира наша кому-то ушла, нам ее фото показывали, она была. Теперь отец. Папа погиб на испытаниях новой ракеты – она взорвалась. Мы как раз должны были на следующий день ехать на каникулы, на горных лыжах кататься, я три года родителей об этом просил. Потом было расследование – оказалось, что все знали, что ракета была неисправна, кроме моего отца и еще пары офицеров. Один генерал полу-

чил большую взятку и подписал контракт с как его там? – с конструкторским бюро на эти ракеты. И что же – никто вообще не сел в тюрьму! – директор этого бюро – теперь миллионер, генерал себе дальше служит, а у судьи, который судил это дело, дача в Италии, об этом все знают. У меня отец погиб, а они на этом заработали.

– Ну что, Андрей, ты закончил? Можно, я отвечу? – спросил после паузы Хааст, приходя в себя и вытирая пот со лба.

– Не совсем. Сейчас закончу. Так вот, что я хочу сказать – все вокруг врут, наживаются на этом и богато живут. А я, что, рыжий, что ли? Почему мне нельзя? Потому что я еще маленький, да? Вот подрасту – тогда, значит, пожалуйста, вруй, а сейчас – рано еще, да? А мне сейчас деньги нужны.

– А зачем тебе сейчас деньги?

– Ну, коплю. Хочу машину купить. Еще, как восемнадцать исполнится – хочу свой бизнес открыть – горнолыжную базу. Там стартовый капитал знаете какой нужен? А ссуду кто мне даст?

– Слушай, а ты думаешь, до восемнадцати на свободе дотянешь? Не все ведь такие добрые, как я. Если тебя поймают еще раз, то сядешь ты, Андрей, в колонию для малолетних.

– Не поймают. Вперед умней буду. Да, прокололся, как пацан, признаю.

– И что твой бизнес горнолыжный? Будешь денежки считать, да за работниками целый день приглядывать, чтобы не обманывали тебя. И так всю жизнь. Чего интересного?

– Ну, так зато денег много, и делать ничего не надо. Заживу хорошо.

– Нет, почему, делать еще как надо, просто это неинтересно. Но погоди, ты вот мне про все эти обманы рассказывал, что все вокруг врут. Дай я тебе кое-что объясню.

– Да не надо мне ваших объяснений, слышал уже. Мама говорила, в школе говорили. Реклама – двигатель торговли. Капитализм – плохая система, но лучше ее ничего не придумано. Да? Фигня все это. Мне от этого не легче. Я вот вчера как раз думал об этом, когда рассказ один читал, про марсиан. Они к нам на землю прилетели, а у нас тут сплошное вранье. Марсианам это понравится?

– Слушай, Андрей, но не все же врут. Вон, смотри, идет инженер с фабрики, где ты рыбу воруеть. Он – не врет. Живет честно. Проектирует системы всякие, и ему интересно, не скучно. А?

– Да, знаю его. Брат Никиты рассказывал. А вы в курсе, как он пашет? И сколько получает? А менеджеры по продажам там пахнут в три раза меньше, а зарабатывают в три раза больше. А знаете почему? Потому что они обманывают – Никита говорил, там один продал тонну просроченной горбуши в Казахстан, половину денег с этого взял себе. А учиться на инженера сколько лет? И тяжело, говорят. А менеджером таким даже я смог бы работать, Никита говорит, они там все по знакомству устроились, без образования вообще.

– Андрей, ну посмотри – рыбаки-работяги – не врут. Вра-

чи в больнице – не врут. Учителя в школе – не врут. А врут, приятель, только в бизнесе и политике.

– Ну так сколько они получают-то, эти врачи? Копейки. А в бизнесе и работа легче, и денег больше, и учиться не надо.

– Ну ладно, бизнес бизнесом, но пока что ты просто ворующий.

– Так это пока и есть мой бизнес, в другой же мне еще рано. Вот открою свое дело, перестану воровать. Что я, не понимаю, что ли? В тюрьму не хочу.

– Ой-ли, перестанешь ли? Своим делом тоже заниматься надо постоянно, тоже работа. А воровать ты уже привык. Остановиться тебе сложно будет, поверь мне.

Здесь стороны взяли передышку, Хааст закурил, а Андрей налил себе лимонаду. Оба сидели взмокшие, взъерошенные, измученные разговором.

– А скажи, Андрей, есть какая-нибудь профессия, которая тебе интересна? Что бы ты хотел для души делать?

– Люблю ездить на горных лыжах. Вот на своей базе и буду кататься.

– Да погоди ты со своей базой. Ты сейчас на стартовый капитал, чтобы базу открыть, и близко не наворующий, понял?

– Да? Так что же делать?

– Учиться, профессию нормальную приобретать. Поработаешь, накопишь, откроешь свою базу. А если воровством будешь и дальше копить, то сядешь, поверь мне.

– Скажите, дядя Хааст, а чего это вы обо мне заботитесь, я

ведь вам не родственник? Что вам-то с того, сяду я в тюрьму или нет? Вам что, за это премию дадут?

– Нет, премию не дадут. Я это просто так делаю, считаю, что ты парень не пропащий, и хотел тебя уберечь, а то потом поздно будет.

– Вот видите, и вы тоже врете. Мы разговаривали с мамой о том, почему вы обо мне заботитесь. Она говорит, что есть у вас на душе, наверняка, какой-нибудь грех, вот вы и замаливаете его, заботясь о чужом мальчике. Своего-то, небось, бросили?

Хааста передернуло. Он встал и застегнул пальто.

– Ну ладно, Андрюха. Живи как знаешь. Я тебя выдавать не буду. И помни – не обязательно жить сильно богато, можно и попроще, зато любить свое дело и знать, что ты никого не обманул, никому зла не причинил, и спать с чистой совестью. Бывай здоров!

И Хааст отошел от стола Андрея, направившись напрямиком к бару. «Стакан водки», – крикнул он, ему немедленно налили, затем он проследовал вдоль барной стойки, не видя ничего перед собой, прошел сквозь вход в кинотеатр, находившийся тут же на этаже, попал в один из залов, сел на кресло в заднем ряду и уснул.

В конце апреля Леонард и Чагин получили долгожданные ключи от их новых домов в северной бухте; вселяться можно было незамедлительно, но решили отложить до середины мая, когда начиналась аренда нового помещения для офи-

са экспедиции. Пока что они перевозили по утрам вещи и в офисе появлялись только после обеда. Одним таким утром, когда Хааст и Елена занимались какой-то канцелярией, приехала Вера вместе с приятелем, парнем ее возраста. Он выглядел местным коренным жителем, алеутом или айном и был худым как спичка. Елена удалилась с ребятами в кабинет, а Хааст продолжил свою бумажную работу. Вскоре наступило время обеда, Хааст достал из холодильника котлеты, поставил их греться в микроволновку и пригласил Елену и гостей присоединиться к нему. Вера, вопреки обыкновению, не выглядела за столом хмуро и озабоченно, она улыбалась, даже шутила, стараясь развеять стеснение своего спутника. Елена также была оживлена, по-видимому, ребята принесли хорошие новости. За обедом Верин друг ни крошки не взял в рот, хотя перестал стесняться, разговаривал и даже спрашивал Хааста о целях экспедиции и всяких научных вещах. Этот юноша произвел очень хорошее впечатление, у него была особенно ярко выраженная тунгусская манера говорить: он делал это неторопливо, слова исходили как будто из его глубины его сердца; такая манера в целом присуща эвенкам, юкагирам и другим коренным обитателям северо-восточной Сибири. Несомненно, он думал на своем языке, и только во время озвучивания переводил на русский – получалось весьма своеобразно. Скоро Вера и парень уехали, и Хааст спросил Елену, почему же этот замечательный юноша так и не притронулся ни к чему из еды, несмотря на то, что от пред-

ложений положить ему салат или хлеб или что-то еще, не отказывался и благодарил. Елена сама была удивлена и о причине его поста понятия не имела, сказала лишь, что он айн, Вера дружит с ним уже несколько месяцев и за это время стала гораздо умиротвореннее и веселее. Елена о нем решительно ничего не знает, но Вера как-то сказала, что это удивительный тип – он обходится без денег, у него их никогда нет. Чагин, зашедший только что в офис, как раз ухватил эти последние слова, и заявил, что обходиться без денег – дело нехитрое, ведь воздух, дикие ягоды, и вода в озерах – пока еще бесплатны. Когда Елена и Хааст поведали ему о худом юноше, Чагин присвистнул и провозгласил, что знает, почему тот ничего сегодня не ел и живет без денег. Все трое сделали себе кофе, уселись в кружок, и Чагин рассказал следующее:

Есть здесь у Айнов такая вроде как секта, ее адепты живут по древним сказкам и поверьям. Одна из этих легенд гласит, что был когда-то в их краю бездомный попрошайка, который бродяжничал по деревням и кланчил пропитание, и так он всем надоел, что его перестали кормить и подавали ему только в полнолуние, когда готовят жирно и обильно и в домах остается лишняя еда. Вот так он и привык питаться раз в месяц и наедался в этот день так сильно, что ходить не мог и лежал где-нибудь в кустах, потешая прохожих. Он не был божьим человеком и много пьянствовал. Однако, когда в их край вторглись враги, он один не побоялся выйти к ним и

говорил с их вождем, после чего враги развернулись и покинули их земли. С тех пор некоторые айны стали есть только раз в месяц, в полнолуние, и скитаться, живя подаянием, подобно индийским саманам. Денег, разумеется, они при себе не держат, ведь не только воздух и вода, но и милость людская до сих пор бесплатна, и вообще, деньги для них унижительны. Но, в отличие от саман, работы они не чураются, и всякому готовы подсобить по хозяйству. Во все дни, кроме полнолуния, они постятся и поддерживают себя лишь иногда по вечерам, перед сном, теплым чаем и горстью орехов или морской капусты.

Глава 10

Интересная штука – наша система правосудия. Чем глубже пытаешься продраться сквозь нее с каким-нибудь делом, тем яснее понимаешь, что находишься на фабрике, где прорабом выступаешь ты сам. Здесь в многочисленных цехах и мастерских разложены всевозможные юридические инструменты. Каждым цехом руководит его начальник – беспрекословный распорядитель протокола, по которому эти инструменты можно задействовать. Чтобы чего-то в этой системе добиться, надо быть необычайно пробивным, целеустремленным или просто авторитетным бойцом, который все нужные инструменты найдет, со всеми начальниками договорится, и начнет толкать тяжелый булыжник своего делопроизводства сквозь цеха, ни на минуту не ослабляя хватку, до победного конца. Всю первую неделю мая Хааст был погружен в роль такого викинга-штурмовика по делу Антипа. Звонил в Москву, выяснял, договаривался, ругался. Дворец Фемиды, при первой осаде оказавшийся совершенно неприступным для человека извне, начал постепенно приоткрывать дверцы и щелочки, из которых торчали веревочки и детальки. В конце концов все-таки удалось за какие-то веревочки потянуть и некоторые детальки подкрутить. Хааст не терял времени, и правильно делал – в середине мая полиция сообщила о поимке Антипа. На следующий же день Хааст отпра-

вился в участок и навестил приятеля. На дворе стояла по-настоящему теплая весенняя погода, а Антип был заперт в темной камере один, хмурый и подавленный. При появлении Хааста он ничуть не оживился и продолжал сидеть, смотря в пол.

– Здравствуй, Антип, – сказал Хааст, усаживаясь рядом.

– Ну привет, Хааст.

– Это не я сдал тебя полиции, дружище.

– Да какая разница, ты, не ты. Выпить есть?

Хааст достал из кармана флакон коньяку, подарок Чагина, и протянул Антипу. Тот смачно отхлебнул.

– Послушай, Антип, у меня к тебе вопрос. Скажи, почему ты один вступился за эту Таню Воробьеву? А другие что же не помогли?

– Вот, значит, как? Опять ко мне в душу лезешь? Ты что, в курсе этого дела?

– Ну, я навел кое-какие справки. Но я не понимаю, там же полно народу было, ее друзья, а ты ее в первый раз видел. Зачем ты полез туда один?

– Идиот я потому что. Вот и весь ответ. Доволен?

Повисла тягостная пауза. Было видно по лицу Антипа, что Хааст вверг его в воспоминания об этом злосчастном вечере.

– А знаешь что, Хааст, я, пожалуй, тебе расскажу, – вдруг сказал Антип, очнувшись. – Просящему дается. Так вот, Хааст, я ее не в первый раз видел. Это для тебя Таня Воробьева – двадцатипятилетняя дура, из-за которой я сел в тюрь-

му. А для меня она – шестилетняя девочка с косичками, без двух передних зубов. Такой я ее запомнил. Мы ходили вместе с ней в старшую группу садика и в первый класс. Веселая была, светящаяся девочка, попрыгушка. Добрая очень. Я подрался как-то в садике, меня мальчишки поцарапали – а она мне подорожником кровь останавливала. Так мы с ней и познакомились. Она говорит: «Ну-ка не шевелись, а то заражение будет». Командирским таким, деловым тоном. Она постарше немного была. Я послушался. Мы с тех пор не то что дружили, но замечали друг друга. Я был у нее один раз на дне рождения, ей, кажется, семь лет тогда исполнилось. Как сейчас помню, ее родители показывали нам кукольное представление за ширмой из развернутой картонной коробки. Потом они переехали, и я ее больше вообще никогда не видел. В тот вечер я ее, естественно, не узнал. Но мы как пришли, там мое имя назвали – Антип, мол, знакомьтесь. Потом она ко мне подходит где-то в коридоре, и говорит – Дьяконов, что ли? Ну, оказалось – это она. Мы немного поговорили, вспомнили нас, детишек. Потом я – к своей цаце, она – к своему этому типу. Я не видел, как они в другую комнату ушли. Потом, когда услышал ее крики, вскочил, смотрю, все сидят, скоты, и мне тоже машут – садись, мол, не лезь туда. Вот такая славная компания там собралась, и этот debil был типа заводилой там, вроде как авторитетом. Ну, я бегом туда к ним в комнату. Остальное, ты, похоже, знаешь. С адвокатом моим, что ли, говорил?

– С ним, и со следователем тоже. Хреновая история. Да уж, приятель, та еще штучка эта Таня оказалась.

– Ну да. Хотя знаешь... Я слышал, ей и всей компании угрожал перед судом отец этого типа, полковник авиации – для него это был вопрос чести. Короче, запугали ее.

– Крепко не повезло тебе, старина, – с грустью и участием сказал Хааст.

Антип помолчал с минуту, потом спросил:

– А скажи-ка мне, поборник буквы, – что предписывает делать твоя буква, когда ты, к примеру, заходишь в подъезд и видишь, как двое бугаев насилуют девушку? Вызвать полицию? Так пока она приедет, они ее уже изнасилуют, а то и убьют. Предписывает твоя буква рисковать своей жизнью, здоровьем, судьбой, ради незнакомого человека в беде? Нет, не предписывает. А дух – предписывает. Понял? Ты ведь даже не знаешь, чем твое вмешательство потом для тебя обернется. Защитит тебя потом твоя буква? Если повезет, то да. А если не повезет, то нет.

Хааст не знал, что на это ответить. Посидели немного в тишине. Наконец он сказал:

– Ну что мы все о грустном да о грустном, а? Я могу тебя, Антип, немного и порадовать.

– Иди ты знаешь куда? Уже порадовал – коньяк отличный. Мне еще предстоит лучшая радость заключенного – консервированная кукуруза.

– В общем, слушай, Антип. Дело твое, конечно, кислое.

Никаких пересмотров наша чудесная буква не предусматривает, да и оснований нет. Но мне тут объяснили правильные люди, что по делам, связанным с изнасилованием, когда были какие-то сомнения и неясности в деле, осужденный может претендовать на отсидку в колонии-поселении и попадет под амнистии и сокращение срока за хорошее поведение. Это, кстати, относительно новая поправка в законе. Твой адвокат неделю назад подал прошение, и суд его вчера удовлетворил. Так что сидеть тебе в колонии-поселении под Воронежем, и есть большие шансы, что отсидишь пол-срока максимум. А за побег тебе срок добавлять не будут, его удалось списать на негуманные условия в твоей Магаданской зоне. Тебе завтра официально все сообщат и заберут отсюда на континент.

– Да ладно! Не шутишь? – вскричал Антип, вскочил и возбужденно зашагал по камере.

– Очень уж обратно на Колыму не хочется, – продолжил он изумленно. – Ты себе не представляешь, что там с людьми делают. Там до сих пор двадцатый век.

– Ладно, бывай, мне пора, – сказал Хааст, встал и подмигнул Антипу. – Прорвемся!

– Спасибо, Хааст. Век не забуду! – Антип ожил и воспрял духом.

– Вот, возьми, пригодится на первое время, – Хааст протянул Антипу несколько крупных купюр и мобильник последней модели.

– Да, кстати, чуть не забыл! – скажи, Антип, твои наручные часы с тобой, подарочные? – спросил Хааст.

– Часы? Мои часы? Нет, я их отдал этому гаденышу малолетнему, Андрею, чтобы он их продал. Деньги тогда очень нужны были.

– Ясно. Ну все, счастливо! – ответил Хааст.

Они обнялись и Хааст вышел из камеры.

Леонард оказался наполовину прав в своем скептицизме по поводу нахождения преступников на острове – второго бандита поймали в это же время где-то на Урале, и жизнь рыбацкого поселка и экспедиционеров вернулась в привычное русло. Все препоны для передвижения, полицейские патрули и другие меры предосторожности были сняты и ничего более не угрожало способности экспедиции выполнить планы – Леонард был очень доволен. А вот для Хааста наступил период бездействия и скуки, лишенный каких-либо целей или надежд. Приключения с Антипом и Андреем были закончены; хотя они и изматывали Хааста, но зато держали его в тонусе, состоянии борьбы и преследования цели, столь необходимым для него. Теперь же известная пустота стала наполнять его душу – нет большего наказания для деятельных характеров, чем такая пустота. Экспедиционные занятия утратили свою освежающую новизну, и все яснее выходило на первый план неутешительное для Хааста обстоятельство – работа здесь была не совсем по его профилю. Это был момент перепутья, паузы, ожидания – Хааст очень не любил

такие состояния. Он, впрочем, не сомневался, что в ближайшем будущем жизнь поставит перед ним новые интересные задачи, и то, что классик назвал «лезвием твоей тоски, Господь», перестанет терзать его. Ведь не тот он человек, чтобы долго предаваться хандре, нет, он – ловец, на которого, несомненно, и зверь бежит. Надежды на появление такого зверя Хааст связывал с предстоящим переездом экспедиции на новое место, хотя оно и не нравилось ему. Это было скучное помещение из нескольких комнат в небольшом офисном здании, расположенном в административном центре острова, неподалеку от северной бухты. Единственное, что его там радовало – это близость к морю, он подумывал приобрести акваланг и летом вплотную заняться дайвингом. Однако пока что переселение все откладывалось, работы было мало; Хааст поначалу откровенно скучал, но затем увлекся вылазками в лес, ездил также в горы, истекающие сейчас ручьями талого льда и благоухающие майским цветением. Двухнедельная передышка, пора затишья, которую он сперва так не хотел принимать и ничем не мог заполнить, пошла ему на пользу – он отдохнул, восстановил силы и немного залечил свое душевное истощение. Но однажды, в один из вечеров, он понял, что пресытился природой и одиночеством, и внезапно почувствовал острую потребность в компании, в дружеском лице, в общении. Наутро в офисе соберутся его коллеги, но ждать до завтра не хотелось. Он ни с кем здесь не был настолько близок, чтобы так вдруг запросто позвонить и

позвать через полчаса на ужин, кроме, пожалуй, Чагина. Но тот всего неделю как переехал в новый дом и был теперь полностью поглощен его обустройством. Перебирая в уме знакомых, Хааст вспомнил Лидию Павловну, симпатичную учительницу рисования – ведь он когда-то обещал позвонить ей, но с тех пор совершенно забыл ее. Уж кого-кого, а ее точно нельзя было пригласить прямо сейчас на ужин, это был верх неприличия. Но если уж приспичило совершить бестактность, то пусть она будет гомерической, абсолютной – тогда, по крайней мере, она покажется смелой и абсурдной. А женщина, заинтересованная во встрече – она сможет оценить эту смелость и абсурд, если, конечно, не сочтет все это унижительным. Так рассудил Хааст, позвонил Лидии и сказал, что он дико извиняется за то, что пропал, и не предупредил заранее, но он приглашает ее сегодня вечером на ужин. «Ну ладно, давайте, в семь у Адмирала Нельсона», – таков был ее ответ.

Первое свидание с Лидией прошло прекрасно, и Хааст получил как раз то, что хотел – симпатичное лицо и оживленную беседу. Лидия была красива, разговорчива и умна, но Хааст и не сомневался в этом, он ничем не был взволнован или очарован, и говорил с ней свободно, как со старой приятельницей, которой можно поверить свои новости и переживания. Лидия, напротив, была возбуждена, Хааст видел, что он нравится ей, это смущало его и ставило в неловкое положение. Прощаясь, он понимал, что должен попросить о

следующей встрече, должен выглядеть увлеченным, и исполнил это – договорились провести вместе субботний вечер. Хаасту было самому странно не чувствовать к Лидии решительно ничего – ведь она была, по крайней мере, весьма привлекательна. Он подумал, что, возможно, слегка передышал горными ароматами, или вообще одичал здесь, как Робинзон на своем острове, но затем вспомнил, что девушки внизу, на побережье, порой еще как привлекали его взгляд, и с влечением у него все в порядке. Возможно, это равнодушие вызвано его нелюбовью к первым свиданиям вообще. Они всегда одинаковые и всегда лживые – эти первые свидания. Если молодые люди симпатичны друг другу внешне, и есть дальнейший интерес, то первая встреча всегда проходит в состоянии аффекта и гипноза от новизны человека, свежести его ауры. Другое дело второе свидание – вот это уже столкновение настоящих, а не галлюцинирующих характеров, и те, кто счастлив в душе после второй встречи, вряд ли обманываются. «Ну вот на том и порешим, хорошо, что будет второе свидание», – сказал себе Хааст, «может быть в субботу она понравится мне больше».

В субботу Лидия и Хааст встретились еще засветло, прогулялись вдоль берега. Была ясная, но ветреная погода; широкополую шляпу Лидии унесло в море. По просьбе Хааста решили дойти до конца пирса, понаблюдать за рыбаками и кружащими над ними в поисках рыбы поморниками. Заметили невдалеке несколько скутеров, всю подпрыгивающих

на волнах; пляжный сезон был уже не за горами. Ветер на пирсе совсем рассвирепел, он трепал Хааста и хлестал Лидию, ее длинные волосы были взбиты и закручены в корабельный канат. Она рассказывала Хаасту о Хемингуэе и его рыбацкой жизни, но ветер заглушал ее; решили, наконец, возвращаться. На берегу зашли в торговый центр, один из лучших на острове, выпили по горячему какао и принялись искать место для ужина. Возле винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, за пианино сидел какой-то посетитель и замечательно играл блюзовую импровизацию.

– Лида, давайте постоим, послушаем немного, – сказал Хааст. – Смотрите, как играет! Люблю вот так останавливаться и слушать уличных музыкантов, мне этого сильно здесь на острове не хватает.

– Правда? – ответила Лидия. – Ну ладно, давайте постоим. Вообще-то играет так себе, ничего особенного. Лучше бы что-нибудь из классики исполнил.

Хааст наслаждался музыкой, но Лидия выказывала признаки нетерпения. Наконец она сказала:

– Хааст, вы меня и так на пирс затащили, теперь еще здесь держите. Пойдемте уже, потом еще послушаете, тут все время кто-то играет.

– Да, конечно, пойдемте, – согласился Хааст.

– Что-то я сильно промерзла там, на ветру. Какао не согрел. Пойдемте в бар, выпьем что-нибудь, закуски там тоже неплохие, – предложила Лидия.

Сели за барную стойку, заказали коктейли, Лидия стала перекидываться шутками со скучающим барменом – раста-туированным брюнетом с прической Элвиса Пресли и коль-цами в ноздрях.

– Люблю потрещать с барменами, они всегда все новости расскажут, – шепнула Лидия Хаасту.

Хааст старался не отставать от нее, втроем посмеялись над туристами, которые недавно попались на простую улов-ку местных жуликов – им продали прошлогодние, нереали-зованные билеты на шоу косаток в дельфинарии. Лидия со-глашалась с барменом, что никак нельзя покупать такие би-леты по дешевке у незнакомых людей на улице, Хааст подда-кивал. Но когда Лидия на минуту отлучилась, Хааст как-то сразу сник, он очень плохо умел поддерживать то, что назы-вается «small talk», и старался избегать его. Бармен, увидев это, сразу вежливо отцепился и отошел.

– Хааст, поглядите, этот симпатяга, похоже, вас испугал-ся! – сказала Лидия, вернувшись к стойке. – Ну, пойдете лучше за стол, поедим.

Они заказали бефстроганов; Хааст, в продолжение исто-рии о Хемингуэе, рассказывал Лидии о черном море и его героях. У нее вдруг зазвонил телефон, она извинилась и вы-шла в фойе поговорить. Хааст чуть огляделся и увидел спра-ва, за соседним столиком, девушку, внешность и выражение лица которой поразили его: он где-то, давным давно, кажет-ся, видел такое лицо и глаза – это был призрак из его юно-

сти, новая инкарнация чьей-то до боли знакомой души. Он не мог оторвать взгляд от этой девушки, и нарушая все приличия, смотрел на нее в упор. У него было ощущение внутри грудной клетки, что он наступил на мину. Все его существо охватило острый интерес к ней, желание быть с ней, узнать ее. Он понял, что не вспомнит ее в прошлом, потому что это был, скорее всего, образ из его юношеской мечты, или мимолетно выхваченное когда-то в толпе лицо, заброшенно пылившееся в отдаленном уголке памяти, и сейчас, наконец, осветившееся там. Он все же овладел собой и отвернулся от нее. Но приобретенное осталось с ним, и это было не что иное, как часть его самого, которую он несколько лет назад потерял. Это было его сердце, утраченное в любви – оно, кажется, вернулось. «Ничего себе, да возможно ли такое!», – сказал сам себе Хааст. Он подумал о его несчастной любви, вспомнил ее, и, о чудо – впервые сердце его не сжалось, кровь не бросилась к вискам – он все помнил, но не испытывал при этом никаких чувств. Он был поражен, потому что в первый раз в жизни пережил исцеление сердца. Он больше ни разу не взглянул направо, на эту девушку, нет, он смотрел в себя и улыбался счастливой улыбкой выздоровевшего от чумы. Очнулся он от того, что Лидия махала ладонью перед его лицом.

– Хааст, что с вами? О чем вы задумались? Знаете, у вас такая очаровательная улыбка, когда вы думаете, – сказала она.

«Кто это, и как посмел в моем саду ловить моих животных?», – подумал Хааст, глядя на нее. Он все еще находился в себе, в послеоперационном состоянии.

– Ха-аст! Ку-ку! – весело пропела Лидия.

– Со мной все хорошо, дорогая Лида! Спасибо вам! – выйдя из шока, ответил Хааст. – Знаете, вы простите меня пожалуйста. Вы замечательная девушка, но мне нужно идти. Извините.

И Хааст вскочил, положил на стол крупную купюру и быстрым шагом направился к выходу. Он спустился к пляжу и хорошенько умылся холодной морской водой. Ему мерещилась эта незнакомка с правого столика. Сомнений не было, его сердце зажило и было готово к новым отношениям. Хааст примчался к себе наверх, оставил машину возле офиса и вышел на ночное плато, чтобы унять волнение, не отпускавшее его. Ночь была безоблачная и необычно тихая, безветренная; звездные россыпи громоздились на небосводе. Вокруг угадывалось порхание летучих мышей; звезды там и сям закрывались на мгновение черными лоскутками их крыльев и тут же открывались вновь. Хааст почему-то не мог остановить сильное сердцебиение – оно как будто исходило от некоего вернувшегося из ремонта и истосковавшегося по движению механизма, который теперь не может и не хочет сдержатъ свою прыть. Он отошел на несколько шагов назад от края плато и постарался дышать поглубже; прохладный ночной воздух щекотал ему ноздри. Блестящая темно-

та качалась и дрожала перед ним в такт ударам сердца, но все меньше и ровнее; он постепенно успокаивался, и думал о том, что оттуда, из темноты, он, наверное, выглядит сейчас каменным истуканом, вывалившимся из тела огромной горы за его спиной. Наконец он совсем расслабился и вздохнул свободно, сердце перестало прыгать и затихло в умиротворении.

– Да, это Рио Де Жанейро, только статуи Христа здесь нет! – произнес он вслух и отправился спать.

Через несколько дней переселение экспедиции обрело, наконец, точную дату. Команда принялась паковать пожитки и оборудование, это полностью заняло Хааста и отвлекло его от грусти и хандры. Затем переезжали, разбирались и распаковывались и не заметили за всем этим, как наступило лето. А оно уже всюду воцарилось на острове, люди заботились об отпусках, покупали билеты, доставали пляжные принадлежности. Елена с дочерью засобирались куда-то в Европу, Леонард с женой купили путевки в эко-деревню на Суматру. Хааст в приступе одиночества вновь вспомнил о своих старых друзьях, и решил позвонить одному из них – Вите Губенко из Одессы, по прозвищу «А шо такое». Эта кличка прочно закрепилась за Витей с их первого дня в училище, когда преподаватель, ошалевая от сентябрьской жары, сказал, обращаясь к Вите, который пил в первом ряду пиво: «А вот вы, молодой человек, вам что, больше всех пить хочется?». «А шо такое?», – громко, звонко и удивленно ответил

тогда Витя, насмешив всю аудиторию и лектора тоже. Витя был настоящий одессит, и кроме того, большой чудак, живший отчасти в своем мире. Эта коронная фраза емко выражала его отношение к жизни и служила в ней спасительным мостиком – многие обычные и понятные всем обстоятельства нередко озадачивали его, но непосредственное и харизматичное «А шо такоэ?» сразу умиляло окружающих и они с удовольствием объясняли ему, а шо такоэ. Хааст набрал Витю и они с полчаса делились новостями – кто, где, что и как. Хааст рассказал о заботах и злобе дня на острове Альбины, а Витя сообщил, что работает теперь в службе внешней разведки Украины.

– Ну шо, Хааст, нашел ты там себе битву? Не скучно? – спросил Витя.

– Ну, в целом, скучать здесь не приходится, – отвечал Хааст. – Какие планы на лето, куда поедешь?

– Да блин, никуда вообще. Может, только в конце августа. Тут такое дело, меня назначили координатором летней практики для старшеклассников – так что торчать мне здесь безвылазно.

– А что за практика такая?

– Да понапридумали тут черте чего: для ребят всякие летние курсы, с заданиями, зарницами, всякой хренью. Детективные, криптография, есть даже школа диверсантов. У них там, например, экзамен – доехать без копейки до Киева.

– Курсы, говоришь? – зловещим тоном спросил Хааст.

Кровожадная идея обухом огрела его по голове. – Для школьников, говоришь? – закричал он в трубку.

– А шо такое? – невозмутимо отвечал Витя.

Хааст рассказал Вите об Андрее и его мытарствах. Витя согласился, что случай, несомненно, тяжелый.

– Возьмешь парня на два месяца в школу диверсантов? А? Пропадет он здесь. Он уже, считай, старшеклассник, в восьмой перешел.

– Я бы рад, но здесь двадцать человек на место, и все уже давно занято. И обучение – на украинском языке! Никак не могу. Если кто-нибудь откажется – тогда сразу наберу тебя – пообещал Витя.

И он, действительно, позвонил Хаасту через день – кто-то там решил поехать с родителями в путешествие, и для Андрея освободилось место. Хааст мгновенно пришел в какое-то неистовое состояние. «Ну все, держись, воруга!», «Я тебе лажу напомажу», «Не всегда тебе случится так канальски отличиться», – всякое такое бормотал Хааст, нажимая на педаль газа и сильно превышая скорость по дороге в рыбацкий поселок. Наталья впустила его и провела в комнату к Андрею, тот сидел за столом, что-то читал.

– Ну что, друзья-товарищи, чем порадуете? – спросил Хааст.

– Это вы нас, видимо, чем-то порадовать пришли, – ответила Наталья. Они с Андреем с опаской смотрели на Хааста.

– Дело в следующем! – торжественно объявил Хааст. – Ты,

Андрей, отправляешься на лето в школу диверсантов для старшеклассников, в Одессу, на Украину. Это не предложение, это факт. Десятого июня вылет, девятого августа обратно. Вопросы есть?

– А мне с ним можно полететь? – неожиданно спросила Наталья.

– Нет, нельзя, – ответил Хааст.

– Школа диверсантов? – сказал Андрей. – Два месяца? А что, звучит прикольно. Я вообще-то, и сам согласился бы – здесь летом скуотища, надоело это холодное море.

– Украинский-то еще не забыл? – спросил Хааст, он в свое время вычитал в деле Андрея, что тот знает Українську мову.

– Да, мы с Андреем владеем Украинским, у меня мать из Винницы, – ответила Наталья.

– Но смотри, Андрей, никаких там штучек твоих. Ты знаешь, о чем я. Ну ладно, я с тобой еще перед вылетом поговорю. Через неделю зайду за документами. Честь имею!

Хааст вернулся в офис, довольный, как сытая кошатка, и стал дожидаться Леонарда – без его ведома ни один ребенок не уезжал с острова без родителей – таковы были полномочия экспедиции. Вскоре Леонард появился, и тут вдруг возникли трудности, которых Хааст не ожидал, но мог бы предвидеть, если бы был немного более чутким и внимательным к коллегам. Дело в том, что Хааст с самого начала отвел себе здесь роль эдакого свободного художника – на правах ру-

ководителя он занимался тем, чем хотел и избегал того, что ему не нравилось, за редким исключением. Он, несомненно, был полезен, и хорошо вписался в работу, хотя и пропадал иногда по личным делам. Елена и Чагин любили его и были благодарны ему за то, что он уберег их от увольнения. Однако Леонард был иного мнения, и Хааст, в слепоте своей, не замечал этого. Леонард, разумеется, не был сильно обрадован тому, что ему приходится делить директорские полномочия с каким-то выскочкой. Он не одобрял частое отсутствие Хааста в офисе, его погруженность в себя и свои дела, о которых тот никому не рассказывал. Ему не понравилась протекция Хааста Андрею для занятий в кружках морского музея, но когда он узнал о том, чем все это обернулось (ему поведал знакомый педагог из музея), то он окончательно рассердился и стал косо посматривать на Хааста. Тот ничего не замечал, занятый своими переживаниями. К счастью, Леонард был человеком прямым и не прятал своих чувств. Когда Хааст радостно сообщил ему об отъезде Андрея на Украину, Леонард высказал все то, что накопилось у него за полгода их совместной работы, и отказался подписывать бумаги для Андрея. Более того, он подчеркнул, что ничего ни от кого не скрывает, в отличие от некоторых, и поэтому сейчас информирует Хааста о том, что написал на него рапорт начальству в центр. Он просит понять его правильно – он честный служака, и законность – прежде всего. Если нарушаются инструкции и распорядок – он обязан со-

общить. Да, Леонард был олицетворением честного служаки, блюстителя буквы – поэтому, разумеется, Хааст не мог поделиться с ним подробностями ни про Андрея, ни про Антипа – Леонард сдал бы обоих в полицию, и был бы совершенно законно прав. Хааст поблагодарил Леонарда за прямоту, столь важную в их суровой работе, извинился за то, что занимается здесь не только прямыми делами экспедиции, пообещал эти свои занятия личного характера прекратить, и вкратце поведал Леонарду историю Андрея, утаив, конечно, его рыбный бизнес. Леонард оценил откровенность Хааста, извинения принял и назавтра, смягчившись, согласился оказать Андрею такую исключительную услугу, но в последний раз. Бумажной мороки с этой поездкой было, действительно, много – все-таки, мальчик самостоятельно летит в другую страну с острова особого статуса. Хааст с Леонардом в целом помирились, хотя, конечно, Леонард не мог до конца принять свою роль заместителя директора экспедиции. В июне Андрей улетел в Одессу.

Глава 11

«Перефразируя знаменитое изречение Мичурина, скажем вот что: нельзя ждать милостей от себя, взять их у себя – наша задача». Так говорил любимый школьный педагог Хааста, учитель литературы Самуил Абрамович Блок. Этот однофамилец величайшего из поэтов и сам писал иногда стихи, и иногда декламировал их школьникам, с одной только целью – поиздеваться, понасмехаться над своей поэзией. «Стихи – это единственное, что нельзя взять у себя, все остальное – можно» – говорил он. Обычно после оглашения своего стихотворения он немедленно читал ученикам настоящего Блока, чтобы так показать детям отличие между запредельным и самодельным, иначе говоря, между записанным со слов Бога, и сочиненным, надуманным. «Видите, чувствуете разницу между Божьим даром и яичницей?», – возбужденно кричал он в порыве самоуничтожения. Дети не видели, не чувствовали, но поддакивали старику, которого любили за искренность, эмоциональность, самоиронию и близость к ученикам. Он никогда никого на уроках не бранил, и если находил у кого-нибудь планшет с компьютерной игрой, спрятанный в парте, то сейчас же садился играть вместе с разгильдяем. Но вдруг, в момент, когда персонаж из игры сжигал, к примеру, вражеский корабль, учитель начинал громогласно цитировать Гомера – речь Одиссея в момент его морского

сражения. Так он дополнял игру новым качеством – художественной исторической параллелью, ребятам нравилось такое. Самуил Абрамович хранил в памяти бесчисленное количество поэзии и поэтичных кусочков прозы. Разумеется, ребята не вполне понимали его; Хаасту в его шестнадцать не нравился Блок, стихи старого учителя были ближе и понятнее. Но теперь, через два десятка лет, никто из учеников не стал бы спорить с тем, что бесполезный, как им казалось тогда, черный ящик, непроницаемый для них, на самом деле излучал что-то и незаметно влиял на их души, формируя в них нечто такое, что они теперь с радостью видели в себе и что очень помогало им в жизни. «Ребята, учтите – жизнь очень коварная штука. Она вам дана для того, чтобы вы достали из себя все то бесконечное, что есть у вас внутри, но при этом она, эта жизнь, очень старается, чтобы вы этого не сделали. Вы должны ее обмануть, и единственный способ – ищите трудностей. Ставьте себя в такие рамки, впрягайтесь в такую телегу, где вы просто вынуждены будете делать невозможное для вас – и вы увидите, что это как-то, удивительным образом, получается. Главное, знать: не сделать – нельзя. Вот увидите – порох у вас внутри есть, но поджечь его – вот в чем штука. Многие так и умирают с невоспламенившимся порохом», – напутствовал своих учеников преподаватель.

Хааст отдыхал на пляже, лежа на спине с закрытыми глазами и вспоминая старика Блока; открытая книжка японской поэзии лежала тут же на песке, между пустым аквалангом и

ластами. Он только что провел два часа во взвешенном состоянии придонного мира, и теперь с удовольствием отдавал свой вес твердой земле, греясь на солнце и дожидаясь обеденного часа. «А как же сверчок, который должен знать свой шесток, и наука не садиться не в свои сани? Видимо, трудностей нужно искать все-таки в тех областях, где ты чувствуешь в себе способности, потенциал», – размышлял Хааст о словах учителя. Его думы прервало трещание телефона. Звонил Чагин из каньона, расположенного близ северной бухты, просил срочно приехать. Это место, зажатое меж двух горных хребтов, было известно на острове как каньон Чкалова, с тех пор как один местный летчик пролетел там, оцарапав крылья о каменистые склоны. На дне каньона протекал ручей, иногда образующий запруды и озера, его извилистое русло всякий сезон меняло свой путь, огибая скатившиеся с гор булыжники и сломанные деревья. Здесь можно было наблюдать серн и горных козлов, медведи также нередко захаживали сюда полакомиться ягодами с кустов, растущих кое-где вдоль ручья. Летом здесь процветало скалолазание и турпоходы; детские лагеря также облюбовали этот каньон в последние годы.

Июнь выдался для Хааста спокойным и однообразным, но без хандры – он привык к малой загруженности и тратил все свободное время на дайвинг в пока еще холодном море; нередко возвращался обратно на плато, в столь хорошо исследованные места. Иногда он заходил в тот торговый центр,

где расстался с Лидией, слушал импровизации на пианино, которые, впрочем, не были уже так хороши, глазел по сторонам, но ни разу больше не увидел ту самую пронзительную незнакомку. Он познакомился как-то с одной спортивной, загорелой особой на пляже, и встречался с ней пару раз, без пылкого интереса и продолжения. В летние месяцы работы у экспедиции было мало – детей для занятий приводили меньше, школы были закрыты. Проводили тестирования у избранных семей на предмет их готовности и желания вернуться на континент. Сотрудничали с несколькими детскими лагерями, и Чагин сейчас как раз был в одном из них.

Примчавшись в каньон, Хааст добрался до лагеря, разбитого вокруг небольшой запруды; сейчас был, похоже, перерыв в занятиях; ребята собирали всякие разности на горном склоне, несколько взрослых присматривали за ними. Под тентом Чагин оживленно обсуждал что-то с тучным господином в костюме, недовольно размахивающим руками. Хааст подошел к ним и представился; толстяк, назвавшийся директором лагеря Альбертом Николаевичем, повернулся к Хаасту и принялся потрясать какими-то бумагами перед его лицом, нервно крича:

– У них полный бардак там, в центре. Эти идиоты поуждали в отпуска, а я здесь расхлебывай. У меня лагерь для восьмиклассников горит, двадцать человек детей, все оплачено, а учителей нет, черте-что и сбоку бантик.

Альберту Николаевичу было предложено успокоиться и

все изложить по порядку, отчего он еще больше взбесился, потому что, по его словам, «А потом придет еще один начальник, и ему тоже надо будет все с самого начала по порядку, у нас всегда так». В конце концов выяснилось следующее: сегодня был первый день лагеря, Чагин вел здесь, как договорились еще весной, урок литературы о природе – полтора часа чтения и сочинений, сразу после обеда. До него должны были проводиться двухчасовые упражнения по поисково-спасательным работам, а после него креативные игры с камнями, ветками, цветами – скульптуры, икебана и тому подобные эстетические издевательства над мертвой природой. Оба педагога не явились – специалистка по искусству заболела, а инструктор-спасатель, оказывается, еще две недели назад отказался по личным причинам, но замену ему найти просто забыли.

– Безобразие и скандал! – бушевал Альберт Николаевич.

– Вы не волнуйтесь так, мы обязательно найдем выход.

Подождите, нам надо обсудить с коллегой, – сказал Хааст и они с Чагиным отошли в сторону.

– Я с удовольствием заменю эту художницу, – предложил

Чагин, – тоже кое-что в этом понимаю, да и по часам удобно.

– Странно, что-то мне Леонард тогда не говорил, что есть такой урок – поисково-спасательные. Мы же вместе все планировали, – ответил Хааст.

– Действительно, – согласился Чагин. – Берите это себе,

Хааст, а меня подпишите на искусство, у нас ведь до августа

по четвергам-пятницам ничего нет.

Хааст был бы весьма не прочь вести такие занятия два раза в неделю – это был как раз его профиль. Но подобные решения без согласия Леонарда принимать было нельзя. Хааст достал мобильник и увидел пропущенный звонок от Леонарда. Тот позавчера вернулся из отпуска и сейчас был занят поиском дополнительной деятельности для экспедиционеров. Хааст попытался припомнить, говорил ли Леонард о каких-либо изменениях в планах на июль, но его прервал гневный голос директора лагеря:

– В центре не отвечают, у них, видите-ли, летнее время работы. Похоже, лагерь придется распускать. Следующим летом к нам вообще никто не подпишется. Если за час не найдем решение, закрываю лавочку.

Хааст позвонил Леонарду, тот не отвечал. Хааст оставил сообщение. Через полчаса он позвонил еще раз, и опять ответа не было.

– Да решайтесь, Хааст, что вы, ей-Богу, – говорил Чагин. – Он, небось ныряет сейчас – дел то нет никаких. Если бы был на работе, ответил бы.

Дети и взрослые тем временем спустились к тенту, десятки недоуменных глаз сверлили троих ответственных за судьбу лагеря. Хааст громко объявил всем, что волноваться не о чем, и через десять минут он огласит важное решение. Подождав четверть часа, он позвонил Леонарду в последний раз и, к своему удовольствию, не застал его.

– Чагин, подписываемся! – решительно произнес Хааст, попросил всех собраться и огласил свой вердикт:

– Вместо заболевших преподавателей занятия будем вести мы – члены экспедиции МЧС – знакомый вам Виктор Чагин будет вести искусство, а я буду проводить уроки по спасательным операциям. Я десять лет вплотную занимался этим в Крыму, зовут меня Хааст. Ха-аст. Это такое голландское имя. Завтра с утра будем отрабатывать спасение человека из каменного завала. Это что за босоножки, девочки? Завтра всем явиться в кроссовках или обуви для скалолазания.

Директор лагеря поднес бумаги, все подписали. Обрадованные дети отправились с Чагиным тренироваться в искусстве японского минималистического ландшафта, а Хааст вместе с взмокшим от нервов и жары Альбертом Николаевичем остался под тентом – пили газировку, уточняли детали. Хааст уже предвкушал грядущее преподавание любимой профессии и обдумывал договор с морским музеем, чтобы пару уроков перенести туда и показать детям спасение на море.

Вернувшись в офис, Чагин и Хааст застали Леонарда за столом, потирающим от удовольствия руки.

– Ну что, ребята, безделью конец! – весело воскликнул он. – У меня была сейчас встреча с начальством, они нас отправляют в музей, разрабатывать одну специализированную программу для МЧС, работы много.

Повисла глубокая пауза. Их теперешний офис соседствовал с почтовым отделением и слышно было, как почтовые роботы раскладывают посылки по контейнерам, мерно гудя и периодически скрипя сверлами и отвертками. Этот процесс не останавливался ни на минуту, и Хааст вынужден был спать под этот шум, впрочем, вполне сносный.

– Леонард, а вы разве не получали от меня сообщений? – тревожно спросил Хааст.

– Нет, я вам сам звонил, не застал вас. Но потом было совещание с начальством, там из Москвы сидел зам-директора по экспедициям, Степанов. Звук я выключил на телефоне, но от вас вроде ничего не приходило. А что случилось? – ответил Леонард.

– А почему же вы сообщение мне не оставили, что у вас совещание будет с центром, не предупредили?

– Да что такое у вас, Хааст? Дайте посмотрю еще раз, – и Леонард углубился в свой телефон. – Ничего от вас нет! Хотя, постойте, что за черт? Вот, вижу, кажется, только недавно пришло – два голосовых сообщения и СМС.

Прослушав известия от Хааста, Леонард помрачнел.

– Хааст, ну вы же знаете, что по протоколу такие вещи могут быть подписаны только с согласия нас обоих – сказал он.

Чагин и Хааст подробно рассказали ему о произошедшем в лагере. Леонард опечалился и с досадой глядел на них.

– Это решение самого Степанова, вы понимаете? Они уже

запустили проект. Я просто не могу теперь отказаться! – с усилием выговорил он.

– Как не можете? Это же всего лишь планирование. Пусть поручат кому-нибудь другому. А преподавателей в лагерь мы сейчас не найдем – там же, все-таки, двадцать детей, – спорил Чагин.

– Вы не должны были подписывать без меня, – упорствовал Леонард.

Положение было сложным. Леонард, видимо, выслуживался перед Степановым, для него это был карьерный вопрос. Никакие аргументы не действовали, стороны стояли на своем. Леонард требовал, чтобы Хааст отменил их участие в тех классах, на которые они сегодня завербовались. Хааст почему-то вспомнил Антипа и думал сейчас о нем. Чагин злился.

– Леонард, но ведь программа эта может и подождать. А тут – дети. Степанову мы все объясним. А? – с умоляющей интонацией проговорил в последний раз Хааст.

– Ладно, черт с вами. Но вы нарушаете порядки, Хааст! Так нельзя! Степанову сами сообщайте, – вспылил Леонард, сбросил папку, лежавшую перед ним, на пол, вскочил, и вышел из офиса, громко хлопнув дверью.

– Ишь ты, подижь ты! – присвистнув, протянул Чагин, поднял папку и положил ее обратно на стол. – Ничего, остынет Леонард, поймет, что мы правы. Ну его, эту дурацкую программу, правда, Хааст?

На первое занятие в лагере Хааст пришел совершенно неподготовленный, в надежде сориентироваться на месте. Это в целом получилось и урок прошел удачно; Хааст выяснил все, что ему было необходимо для проведения плодотворных занятий и засел за планирование. Вначале он быстро набросал месячную программу обучения с учетом количества учеников и природных условий. Хааст не стал разбивать лагерь на группы по интересам или физическим возможностям – и мальчики и девочки одинаково участвовали во всех элементах спасательной операции, начиная с вколачивания в землю креплений для веревок и заканчивая медицинской помощью. Сидя под тентом за обедом после второго урока, Хааст задумался о более серьезном пособии для таких классов. Приехав в офис, он начал изучать литературу на эту тему; за Елениным столом сидела Вера и копалась в интернете, больше никого в помещении не было. Новый офис находился значительно дальше от рыбацкого поселка, чем предыдущий, такси сюда стоило недешево, поэтому Вера реже появлялась здесь, и если приезжала, то только по срочным делам. Вот и сейчас она постоянно набирала кого-то в мобильном и суежилась в нетерпении.

– Вера, может быть, я могу тебе как-то помочь? – спросил ее Хааст, отвлекаясь от своего чтения.

– Спасибо, Хааст, скоро мама придет. Она меня обещала отвезти к Арсению, у них сегодня праздник, я ему приготовила кучу всего, вот – тесто даже сделала на оладьи.

На полу возле ее стола стояла большая кастрюля, рядом были разложены пакеты. Сама Елена задерживалась сейчас в каком-то детском учреждении недалеко от дома – она вела там семинары, и кажется, была ответственным преподавателем.

– Арсений – это кто?

– А, ну тот парень, помните, айн, который еще ничего не ел. Я дружу с ним. Он живет в деревне, полчаса от нас в сторону медвежьей бухты.

– Его правда зовут Арсений?

– Не, у него есть свое, айнское имя, но оно сложное, он просил нас называть его Арсением.

В это время Вере позвонила Елена; что-то в их беседе не складывалось, Вера ахала, расстраивалась и сердилась.

– Возьмите, пожалуйста, телефон, – вдруг обратилась она к Хаасту и протянула ему свой мобильный.

– Хааст, выручайте, пожалуйста, дружище, – взволнованно просила Елена. – У меня срочное совещание, никак не могу уехать. Тут учителя протестуют, я потом вам расскажу, нам надо немедленно менять программу. Вы не могли бы отвезти Веру в деревню к ее другу, тому айнскому парню? Это, к сожалению, около часа езды от офиса. Таксисты отсюда туда не ездят. А вечером я ее сама заберу. У них там сегодня праздник будет, Вера долго готовилась.

– Конечно, Елена, все в порядке, отвезу. Я до завтра свободен. Не волнуйтесь, сейчас выезжаем, – отвечал Хааст.

Дорога до деревни пролетела незаметно – Вера интересно рассказывала о школе, друзьях, летних приключениях. У нее, похоже, действительно была занятая жизнь, происходило много всего необычного. Она с сожалением сообщила, что скоро отправится с матерью в отпуск в Прагу, а ей эта Прага нафиг не нужна – и почему бы Елене не полететь туда одной? В деревне всю кипели торжества – сегодня был день угощения Луны, вчера угощали Землю, и вся эта неделя была одним сплошным празднованием. Арсений встретил их и пригласил Хааста остаться. Ему выдали нарядную айнскую одежду и отвели в круг, посреди которого на плоском овальном камне жарились оладьи. Под камнем был разведен огонь, местные девушки, подбирая длинные платья, хлопотали над ним. В кругу стоял и стар и млад, Хааст приметил две-три русских семьи с детьми, остальные были айны. Смеркалось, идеально полная Луна готовилась к угощению в безоблачном небе. Арсений что-то объявил на айнском, и они с Верой потащили кастрюлю к раскаленному камню и стали выливать на него тесто, посыпая какой-то приправой. В это мгновение одна женщина поплыла вокруг камня с песней, подняв руки над головой; круг стал подпевать ей. Хааста кто-то похлопал по плечу – стоявший рядом старик в костюме охотника поманил его и зашептал скрипучим голосом на ухо:

– Это моя жена, вот примерно, о чем она поет, на вашем языке:

– Как милый уходил охотиться на медведя,

– Как приводил домой троих маленьких медвежат, которые остались без матери,

– Как он растил их потом и кормил молоком, и отпускал в лес,

– Как он больше не охотится на медведей – боится застрелить своих медвежат,

– Как гуляю я теперь зимой без шубы.

Были еще песни и танцы, затем стали раздавать оладьи в раскрашенных глиняных тарелках; перед тем как есть, каждый должен был накормить Луну. Вешали оладьи на ветки, раскладывали по крышам. На столах стояли чарки с местным самогоном, настоящим на ягодах. Он был крепок – Хааст, будучи за рулем, лишь слегка пригубил свою чарку. Но и местные не очень налегали на алкоголь, вопреки всему тому, что слышал Хааст об айнских застольях. Празднующие стояли с поднятыми головами, кричали что-то Луне, просили у нее благословения и урожая, танцевали, доходя до исступления. Это вовсе не был декоративный праздник, как ожидал того Хааст – нет, здесь была настоящая энергия искреннего и древнего ритуала. Всеобщее помешательство захватило и Хааста – он закинул пару оладьев на крышу дома Арсения и прыгал вместе с ним и Верой, пытаясь схватить Луну. Арсений ни на минуту не переставал поглощать оладьи, Чагин был прав – он наедался впрок на целый месяц. Вскоре приехала Елена, ее сразу раздели и приобщили к торжеству.

Празднество продолжалось до полуночи, затем все стали собираться.

– Посмотрите на эту наглую круглую Луну, – сказала Вера. – Ей за ночь предстоит съесть целое стадо оладьев. Неудивительно, что она такая толстая – если бы я так нажралась оладьев, я бы тоже стала такой.

– Не стала бы, если бы постилась весь остальной месяц, как Арсений, – ответила Елена.

Хааст уехал, а Елена и ребята что-то еще весело обсуждали в ночи на фоне догорающего праздника.

Преподавание детям основ спасательного дела полностью заняло Хааста и пробудило в нем уснувшую было деятельную энергию. Уж где-где, а на этом острове такие навыки нужны были всем, и перед Хаастом открылся новый горизонт – он планировал предлагать такие занятия на постоянной основе в морском музее или в школах, начиная со следующего учебного года. Осознав, что все имеющиеся пособия по спасательному мастерству предназначены для взрослых людей, он принялся разрабатывать методический материал специально для старшекласников и получал огромное удовольствие от составления такого учебника. Его склонность к фундаментальному, научному подходу, наконец нашла свое применение. Все вечера он просиживал за этой монографией, а по четвергам и пятницам пробовал применять свои идеи на практике. Как водится, когда объясняешь другим, то и сам начинаешь глубже понимать свою науку, Хааст насла-

ждался также и этим. Следуя метафоре его любимого школьного учителя, можно сказать, что Хааст сумел воспламенить в себе порох, впрягшись в нужную телегу.

По другой метафоре, он сумел попасть в свою собственную, предназначенную только ему, телегу, ведь, как известно, мир действия состоит из миллионов таких телег, всегда несущихся вперед, и наша задача – найти истинно свою и суметь запрыгнуть в нее. Обычно такая телега проезжает мимо тебя лишь несколько раз в жизни, когда ты уже едешь в другой, не твоей, или не совсем твоей, в которую ты когда-то попал потому, что надо же где-то ехать, нельзя стоять на месте. И вот тут нужно не медлить, не упустить своего шанса. В общем, эти две замечательные метафоры принципиально расходятся только в одном: кто кого везет – человек телегу или телега человека? Но, разумеется, нет никакой нужды разрешать этот вопрос, ведь главное – ехать, и ехать с ветерком.

Однако, чем дальше увлекался Хааст своей темой, тем более обширной и неохватной открывалась она ему, и все несбыточнее и призрачнее казался ему конечный результат – качественно новое учебное пособие. Он с ужасом обнаруживал свое невежество в науках, и осознавал, что для ответа на поставленные им вопросы, нужно понять и изучить различные, порой не связанные между собой, области науки и педагогики – иначе глубокой, оригинальной работы не получится, а ни на что меньшее он не согласен. Поэтому, если поначалу телега его катилась вполне бодро, и два десятка

страниц были легко написаны, то затем, затронув сложные аспекты и осознав масштабы трудностей, Хааст забуксовал. Он больше не мог сдвинуть свою телегу ни на шаг – так она была тяжела, и даже выбросил большинство из уже написанного, признав это творением бывшего слепого, который, слава Богу, начинает прозревать. Теперь он уже чувствовал себя раздавленным его телегой, однако отчаяния не было: он знал по опыту, что это и есть тот случай, когда «хорошо, что пока нам плохо»; он ощущал в себе потенциал справиться с задачей, знал интуитивно, что она ему по зубам. Поэтому Хааст собрался с силами, каким-то непостижимым просветлением сумел охватить в умозрении всю работу целиком, и наметил план по ее постепенному выполнению. Он разделил ее на три части; первая была достаточно самостоятельной и требовала вполне посильных и четко определенных исследований. Он твердо и методично принялся за нее, и к концу июля его телега снова начала медленно, но верно двигаться; в правильности этого пути Хааст уже не сомневался и надеялся, что еще два-три месяца, и первая часть его монографии будет готова. Одержимость Хааста работой все возрастала; это были его самые счастливые дни на острове Альбины. Однако его вдохновенный труд внезапно прервался совершенно трагическим образом.

Дело было в среду, в последних числах июля; в северной бухте установилась какая-то необычайная безветренная жара. В детском лагере оставалось провести всего несколько

занятий, и Хааст приготовил для них самые интересные свои задумки. Экспедиционеры, все, кроме Леонарда, сидели в офисе за своими столами; сегодня с утра посетителей не было, Хааст и Елена занимались в планшетах, Чагин слонялся по комнатам, что-то напевая. Вдруг он снял с вешалки свой походный рюкзак и куда-то засобирался.

– Елена, вы не одолжите мне ваше пособие по каллиграфии на пару часов? – спросил он.

Хааст и Елена подняли головы и посмотрели на него.

– Да пожалуйста, Виктор Матвеевич, но куда это вы намылились так рано? Сегодня же у вас ничего нет? – спросила Елена.

– Позвонили только что из каньона, надо съездить, подготовить там пространство для завтрашнего урока. Я хочу с парочкой родителей сделать ребятам сюрприз. Все, поскакал! – отвечал Чагин.

Он выхватил книжку из шкафа Елены, бросил ее в свой рюкзак и выбежал из офиса. Хааст взглянул на Елену и удивился – ее лицо, только что обычное и спокойное, было искажено теперь тревогой, страхом. Она сидела в каком-то оцепенении несколько мгновений, затем вскочила, подошла к окну, распахнула его и закричала Чагину:

– Погодите, Чагин, стойте, не езжайте!

Чагин уже заносил ногу в автомобиль и так и остался стоять в такой позе.

– Что там у вас, Елена? – крикнул он в ответ.

В это самое мгновение у Елены затрезвонил мобильник, она подняла вверх ладонь и показала Чагину.

– Одну минуту, Виктор Матвеевич, подождите пожалуйста, – крикнула она ему в окно.

Елене звонила Вера, Хааст был рядом и слышал ее болезненный кашель. Вера не повышала голос, она, как показалось Хаасту, сообщала нечто повседневное, просила о чем-то, и вынуждена была прерываться, чтобы откашляться.

– Хорошо, Вера, я согласна. Сейчас же выпей микстуру, – произнесла Елена, ее до сих пор поднятая в воздух левая ладонь медленно и нерешительно опустилась.

На нее больно было смотреть. Глаза ее, глядящие в себя, сузились, на лбу появились морщины, а челюсти сжались, она что-то внутри остро переживала.

– Что с вами, Елена? – спросил Хааст.

– Ну как там, Елена-сан? – закричал с улицы Чагин. – Мне ехать надо!

Елена оправилась, хотя какое-то жесткое выражение так и осталось у нее на лице.

– Все в порядке, Хааст. У Веры опять обострение астмы. Чертова рыбная фабрика со своими отходами.

– Нормально, Чагин, можете ехать, – крикнула она на улице.

Чагин запрыгнул в машину и ударил по газам; автомобиль поднял облако пыли и исчез в нем. Хааст погрузился обратно в свое кресло и принялся читать новое письмо; закончив, он

посмотрел на Елену – та так и стояла неподвижно, глядя, как на улице оседает пыль от авто Чагина. «Искусственный интеллект придумали, а лекарства от астмы так до сих пор и нет, оно посложнее будет», – подумал Хааст.

Через четверть часа Елена уехала домой, к Вере. Спустя еще полчаса случился небольшой толчок, легкое землетрясение, характерное для этих мест; сильных, разрушительных на острове никогда не бывало. Вскоре в новостях передали, что в каньоне Чкалова обвал и камнепад. Чагин на звонки не отвечал. Хааст вскочил в машину и помчался, но близ каньона были огромные пробки; полиция перегородила дороги; лишь через полтора часа Хааст добрался до места и, размахивая своими документами, стал проделывать себе путь сквозь оцепления и заслоны. Здесь уже работали спасатели, несколько тел лежало на камнях, завернутые в черные одеяла. Хааст подошел к ближайшему из них и откинул покров с лица. Перед ним был Чагин, совершенно обыкновенный, только спящий, готовый, кажется, открыть глаза в любую секунду. Хааст дотронулся до его лба, пальцы обдало каменным холодом. Чагин был мертв.

Глава 12

В каньоне Чкалова никогда за всю историю острова Альбины не случилось сильных камнепадов. То, что произошло сегодня, объяснили землетрясением, эпицентр которого находился прямо под каньоном. Хааст объяснений не слушал, у него было свое собственное отношение к смерти товарища, которое он выработал еще на работе в Крыму, где ему также приходилось несколько раз переживать такие случаи. «Забирают самых хороших», – примерно так думал Хааст, и «нам теперь нужно достичь всего того, о чем мечтали они». Работа спасателя закаляет характер, но обременяет душу заботами тех, кто погиб – теперь это твои заботы, и с того момента, когда ты так подумал, они всегда живут в тебе и мучают совесть. «Чагин ушел, так распорядилась природа, но мы стиснем зубы и продолжим его дело», – вот так банально, чтобы не сказать пафосно, рассуждал Хааст, и это было единственно верное рассуждение. Пафосное суждение переходит в другое качество, когда оно подкреплено делом, но мы здесь не будем развивать эту тему, а предоставим читателю поразмышлять над этим самостоятельно. Скажем, лучше, что рассуждения и размышления – это последующая реакция головы, но первоначальную реакцию сердца ничто не может отменить, никакая закалка характера. Потрясение от гибели товарищей всегда выражалось для Хааста в том, что

он на некоторое время уходил в себя, переставал замечать окружающих, начинал действовать в режиме автопилота.

Именно в таком режиме прошли похороны Чагина и заботы о его безутешной матери. Она выразила желание поскорее покинуть остров и перебраться в Петербург, где жили племянники Чагина. Оформляли документы в рекордном темпе, и уже через неделю она улетела на континент. Еще через неделю Елена с дочерью перебрались из рыбацкого поселка в освободившийся дом, который Чагин еще не успел толком обустроить. Помогали Елене с переездом. В это же самое время пришли невеселые новости от Вити из Одессы: Андрей не хотел возвращаться назад, и уехал в Винницу, к бабушке. Он не прилетел на остров девятого августа. Хааст срочно переключился на это дело, и выяснилось, что летние курсы Андрей прошел прекрасно, был одним из лучших, никаких противоправных действий не совершал, но решил остаться на Украине, объяснив это необходимостью ухода за больной бабушкой. Наталья бушевала и требовала от Хааста выписать ее из программы реабилитации и дать и ей возможность уехать в Винницу. Что же, у Хааста не было другого выхода. Такие случаи считались неудачами экспедиции, а уж бегство переселенцев в другую страну и вовсе было делом чрезвычайным. Леонард, понятно, злился, сопротивлялся и просил Хааста повлиять на Андрея, с тем, чтобы тот вернулся и не портил им показатели. Однако Хааст прекрасно понимал, что Наталья несчастлива здесь, а Андрей, вероятно,

возвратится к своему рыбному бизнесу. Единственный раз за все свое пребывание на острове он настоял на своем решении, так и не уговорив Леонарда. «Будет так», – сказал он и запустил процесс отказа Натальи от программы. Средства на ее переезд в Винницу были взяты из резервного фонда МЧС, предназначенного специально для подобных случаев. Наталья улетела к семье на Украину.

Для Елены это был не менее сложный период – Вера подняла настоящий бунт из-за переезда в северную бухту и устраивала ежедневные скандалы и сцены. Вся Верина привычная жизнь – компания, друзья, любимые места – все осталось в рыбацком поселке, а встречи с Арсением стали совсем трудно осуществимыми, ведь он жил еще дальше. Елена переезжала в новый дом ради дочери, надеясь, что здесь ее астма пройдет, но пока что наблюдалось только ухудшение болезни на нервной почве. Да и сама Елена всего за какие-то две недели осунулась, похудела, и также, как и Хааст, ушла в себя. Она теперь часто привозила Веру с собой в офис и Хааст был свидетелем их конфликтов, которые, впрочем, постепенно улаживались – Елена согласилась не лететь этим летом в отпуск в Европу и иногда отвозить Веру погулять в рыбацкий поселок.

– Скорей бы уже начался учебный год, – говорила Елена Хаасту, – тогда, глядишь, она перебесится и найдет новых друзей.

В один из таких дней, в конце августа, Вера и Елена си-

дели за столом в офисе, негромко переговариваясь, а Хааст трудился над своей монографией. В самый неподходящий момент, когда он что-то напряженно соображал в уме, у Веры затрезвонил мобильник. Она отодвинулась от Елены и заулыбалась, соединившись с кем-то.

– Да вот, сажу тут с матерью в офисе, – ответила она в телефон.

Потом она долго слушала, отвечая лишь одними междометиями, вроде «да ладно» или «ну и?» – в мобильном рассказывали что-то интересное.

– Не знаю, попробую, – сказала она под конец и прекратила разговор. Она под села к матери, взяла ее за руку и наиграно просительным тоном произнесла:

– Мама, я тебе точно обещаю – завтра целый день буду заниматься по дому. Отпусти меня сегодня в поселок, а? Там Арсений с друзьями. Плииз!

– Так, Вера, а вчера ты мне что обещала? Фиалки сегодня просто погибнут, если мы их не высадим. В субботу встретишься с Арсением, я тебя сама отвезу. И так уже все деньги растратила на такси. А на автобусе я тебя не пущу.

– Да не погибнут они до завтра. А деньги, ну сколько можно говорить – отдам тебе в октябре, с первой зарплаты.

Так они спорили еще некоторое время, Елена ни в какую не соглашалась отпустить дочь, та расстраивалась и сердилась на мать.

«Вот что мне теперь делать, если Елена спросит моего

мнения?», – думал Хааст, слушая все это. «Ох уж эти ситуации, когда оба правы, но именно сейчас кто-то заслуживает предпочтения». Положение осложнялось еще и тем, что Хааст и сам намеревался прокатиться сегодня в рыбацкий поселок, развеяться, и мог бы преспокойно захватить с собой Веру. «Мне самому тоже, что ли, не ехать?», – эти размышления Хааста, как он и опасался, были прерваны обращением к нему Елены.

– Вот, полюбуйтесь на нее, дружище, – сказала она. – Просила не лететь в Прагу – пожалуйста. Просила не устраивать ее в класс с углубленным изучением физики – ладно, получите. А взамен – полный саботаж домашних работ, вопреки клятвам и обещаниям. Вы скажите ей, как мужчина, что это ни в какие ворота.

Хаасту было жаль их обеих – и Веру, и Елену. Он отставил в сторону свое собственное намерение съездить в поселок, и попытался понять, кому же он более сочувствует – матери или дочери, в свете всех последних событий. Хааст умел так внутренне разбираться в своих чувствах – он мысленно притих, затаился, стал ждать от себя ответа, и через мгновение ясно ощутил, осознал, что он на стороне Веры. Поэтому, «как мужчина» он ответил Елене так:

– Знаете, Елена, если фиалки до завтра дотянут, то, может быть, дружба в шестнадцать лет важнее?

– Оба-на! – удивленно воскликнула Вера и подмигнула матери.

– Ну, знаете, господа! – сказала Елена, встала и налила себе стакан воды. – Вы что, сговорились тут против меня?

Но видно было, что она смягчилась и поняла Хааста правильно.

– Я, кстати, сам давненько там не был, с удовольствием прогуляюсь возле пирса, а может, и скутер возьму. Давайте, я Веру отвезу, – предложил Хааст. – А вечером доставлю ее обратно. А может, вместе, Елена-сан? Поехали все вместе, а? Пока ребята будут гулять, мы с вами на скутере покатаемся?

– Соглашайся, ма, – сказала с возбуждением Вера. – Проветришься!

– Нет, гуси-лебеди, спасибо, я не могу сегодня. У нас еще розы, они точно умрут. Да и куча другой работы в доме. В другой раз. Спасибо, Хааст. Ну давайте, катитесь, что с вами делать.

– Урааа! – закричала Вера и подмигнула теперь Хаасту в знак восхищения. – Ну, поехали?

В поселке все, кто мог, высыпали на пляж, стараясь ухватить последнюю возможность искупаться в летнем океане – вода в конце августа уже чернела и холодела, исчезали со дна теплолюбивые любопытные скаты, с четырех вечера начинал дуть ледяной бриз с моря, предвестник скорой осени. Сегодня было местами облачно и не слишком жарко – самая подходящая погода для прогулок вдоль берега и рыбалки. Хааст отправился на пирс, встретил там знакомых рыбаков, и получив от них спиннинг, решил провести часок за рыб-

ной ловлей. По шкале от одного до десяти, уровень импульсивности настоящего рыбака никогда не превышает двух – только флегматик способен по-настоящему предаваться этому занятию. Хааст таковым не являлся: по выражению одного его знакомого рыбака, Хааст был из тех, кто любит вылавливать рыбу, а не ловить ее. Бесконечное наблюдение за однообразной водяной гладью и неподвижно торчащим из нее поплавком не успокаивало, а раздражало его; он не готов был заниматься этим делом более двух часов в месяц. Сегодня ему не везло, как и окружающим (которые, впрочем, это так не воспринимали) – он ничего не поймал; лишь раз какая-то козявка заинтересовалась его искусственным червем, да и то сорвалась в конце концов. Спустившись с пирса, он увидел невдалеке ребят; рядом с Верой и Арсением крутилось двое мальчишек, пятиклассников на вид; они лепили из мокрого песка шарики и что-то ими бомбардировали. Хааст подошел к ним; в этот же момент к одному из ребят спустилась босиком с берега его мама, держа в руках свои наполовину покрытые песком блестящие туфли. Она забрала мальчика домой, а его друг подошел к Арсению и сказал, что надеется еще побыть здесь часик-другой. Оказалось, что это был младший брат Арсения, Павлик. Пока Хааст рыбачил, двое мальчишек, похоже, неслабо докучали Вере и Арсению, которые не могли остаться наедине – надо было присматривать за младшими. Вера, взглянув на Хааста, нахально ответила Павлику:

– Конечно, есть еще время, вот, может быть, дядя Хааст согласится покатать тебя на скутере?

Вера чувствовала поддержку Хааста и решила, как водится у подростков, воспользоваться его добротой на полную. Дядя Хааст с удовольствием согласился, и они с Павликом отправились к скутерам. Хааст оглянулся назад – Вера и Арсений медленно брели по песку в противоположном направлении, держась за руки. Оба в трепещущих на ветру светлых шортах и майках, оба худые, с коротко подстриженными черными волосами, оба одного роста. Их общая тень, похожая на вытянутую букву «М», уже прилично склонялась в сторону моря, местами доставая до воды. Павлик тащил Хааста вперед, и когда они встали в очередь за скутером, Вера и Арсений уже совсем скрылись из виду. Но покататься не удалось – Павлику позвонила мама и потребовала срочно ехать домой.

– Мама сказала, что Арсению дозвониться не может, и что мы с ним должны немедленно взять такси и отправляться – сообщил Хаасту мальчик.

– Что-то случилось, но разговор прервался и мама не объяснила, что конкретно, – добавил он.

У Хааста тоже мобильный потерял связь; они пошли искать Веру и Арсения, но их не было на пустеющем пляже. Прошло полчаса; немногие оставшиеся пляжники недоуменно смотрели на свои телефоны, и у кого-то, похоже, связь была. Мобильник Хааста также вдруг подключился на

минуту и он получил сообщение от Веры – она писала, что они отлучились на машине друга Арсения в магазин неподалеку, но стоят в огромной пробке, полицейские оцепили дорогу, что-то случилось. Связь у Хааста снова исчезла и больше не появлялась. «Ну ладно, эти двое на машине, еще и с другом, не пропадут; отвезу-ка я Павлика домой, если дороги позволяют», – подумал Хааст. Они отъехали немного в сторону северной бухты; дорога вдоль пляжа была забита машинами, но окружная, ведущая вглубь острова, была вроде свободна.

– Ну что, поехали домой? – спросил Хааст Павлика. – Потом поздно будет, застрянем здесь, похоже, до ночи.

Положение было подвешенное – ни связи, ни полицейских вокруг, никого, кто мог бы что-нибудь прояснить. Хааст вырулил на окружную и они вскоре выбрались из пробки; затем поехали уже по совсем безлюдной дороге, ведущей к Айнским поселениям. Павлик то и дело включал и выключал свой телефон – он утверждал, что так можно прорваться в эфир, когда вышки сотовой связи не выдерживают нагрузки. Вдали уже показались дома его деревни, как вдруг его телефон зазвонил, и Павлик припал ухом к трубке. Громкость была выставлена на полную, и Хааст услышал несколько слов, произнесенных детским голосом: «Ашинис билиуис воихдис ашихвис».

– Дядя Хааст, остановите машину, – встревоженно сказал Павлик. – Вам, наверное, нельзя сейчас к нам в деревню. Я

дальше сам дойду.

– Да уж, черт возьми, нельзя! – воскликнул Хааст, догадавшись, что означают эти слова.

– А вы, что, понимаете Сахалинский Латинский? – спросил Павлик.

– Есть немного, – отвечал Хааст, притормаживая и озираясь вокруг.

– Давай-ка я тебя высажу вон у того столба, а там уже сто метров до деревни, рукой подать, – предложил он Павлику.

И Хааст перевалил через пригорок, подъехал к столбу и выпустил Павлика – тот со всех ног бросился бежать домой. Хааст резко развернулся, заскрипев шинами, но было поздно – из-за пригорка выехали два пикапа и перегородили дорогу. Затем из деревни показался еще один и медленно подъехал к машине Хааста. Оттуда вывалили четверо парней, они что-то кричали на айнском. Хааст вышел из машины и немного развел руки в стороны, обозначая свои неагрессивные намерения. Парни были явно выпивши, они приблизились к нему, пошатываясь, и встали вокруг, глядя на него с любопытством и ухмыляясь. Ни одна мысль не промелькнула в голове у Хааста, все было предельно ясно. Не хотелось ничего говорить, не было и страшно. Хааст почему-то чувствовал, что попал в кино, где главный герой сейчас будет драться, и стал готовиться к этой роли – разминал руки и даже присел пару раз. От пригорка к парням подошла подмога – еще трое мужчин – здоровенные и абсолютно трезвые. Они

смотрели на Хааста с ненавистью и сжимали кулаки. Один из них, старший, сказал Хаасту по русски, со спокойной злостью, как будто зачитал приговор:

– Сегодня утром русские на фабрике забили до смерти двоих из нашей деревни. И ты сейчас за это ответишь.

Он махнул рукой остальным, и те подскочили к Хаасту, стараясь повалить его на землю. Удивительное хладнокровие овладело вдруг Хаастом, и не потому, что он был мастером рукопашного боя, нет, это была, скорее, какая-то сосредоточенная отрешенность и принятие отведенной ему роли, рабочее согласие с приговором. Ладно, «он за это ответит», коли народ так решил, но отвечать он будет стоя, а не лежа. Нельзя злиться на тех, кто не ведает, что творит. В этом поистине деловом настрое Хааст ловко отпрыгнул в сторону, избежал нескольких ударов, оттолкнул кого-то и сделал подножку, но вскоре получил чувствительный удар в челюсть и все же оказался на земле. Вскочив, он продолжил отталкивать нападавших и отпрыгивать от них, он не старался бить в ответ, а лишь деловито, как умел, защищался. Соленая кровь текла у него изо рта и пустое место под ватной губой подсказывало, что он лишился пары зубов. Наконец его свалили сильным толчком в спину и набросились все разом. Последнее, что он успел увидеть, были какие-то люди, которые бежали к месту драки из деревни. Затем была сильная, обжигающая боль в груди и он потерял сознание.

Очнулся Хааст в незнакомой светлой комнате, убранной в

айнском стиле, и обнаружил себя лежащим на высокой кровати, в бинтах и перевязках. Он бодро приподнялся; кроме сильной боли в грудной клетке, плохо слушалась левая рука, но в целом состояние было терпимое. Дверь в комнату была приоткрыта; его пробуждение заметили и сейчас же подошли к нему; он узнал Арсения и Павлика, женщина оказалась их мамой. Ему рассказали, как вчера отбили его у дерущихся – помогли мамины друзья. Сегодня деревня со всех сторон оцеплена полицией, никого не пускают; Арсению с другом удалось вернуться глубокой ночью в объезд, с другой стороны. Оказывается, ранним утром приходил врач и осматривал Хааста, и тот был уже в сознании. Хааст ничего такого не помнил. Он огляделся в поисках своих вещей; Арсений сообщил ему, что совершенно все пропало – нет ни телефона, ни кошелька, ни документов. Машина его разбита и сожжена.

– И что доктор установил? Да я, похоже, в порядке, могу ходить! – сказал Хааст, подойдя к окну.

При ходьбе все его тело равномерно ныло, кроме ребра, которое отдавало резкой болью, и было, возможно, сломано. Хааст был одет в какой-то спортивный костюм, лицо его было почти полностью замотано бинтами.

– Доктор сказал, что вы легко отделались, в больницу ехать не надо – только сильный ушиб ребра, а так синяки, ссадины, разбитое лицо, – ответил Арсений.

– Вера и ее мама знают о вас, все в порядке. Как только

оцепление снимут, мы отвезем вас домой, – добавил он.

Хаасту принесли теплый рыбный суп; есть получалось плохо из-за распухшего рта, надо было также привыкать к отсутствию нескольких зубов. Как выяснилось, вчера на фабрике была пьяная драка и двое местных умерли в больнице от побоев. Русские рабочие тоже пострадали, но без летальных исходов. В индустриальной зоне, прилегающей к айнским поселениям, подобные конфликты были не редки, хотя, до таких последствий, как правило, не доходило. Это был самый неблагополучный район острова, который все последние губернаторы обещали поднять и оздоровить, но в конце концов так ничего и не сделали. Хааст провел этот день в доме у Арсения, беседовал с полицией и с некоторыми местными. Никаких вещей его найти не удалось, а полицейские вели себя очень странно – похоже, потерпевшую деревню айнов не хотели более трогать, и за избиение и ограбление Хааста никого привлекать не собирались. Документы и вещи, впрочем, обещали найти; Арсений также пытался сделать это по своим каналам, бегая по соседям. Особенно жаль было Хаасту своих часов и некоторых важных документов; было опасение и за банковские карты. Вечером Арсений сообщил Хаасту, что, возможно, знает, у кого его документы и часы, но надо подождать несколько дней, пока страсти улягутся, и тогда, скорее всего, все удастся вернуть – «просто обменяем на денежные знаки», по выражению Арсения.

На следующее утро друг Арсения подвез Хааста к офису

экспедиции и уехал. Хааст чувствовал себя на удивление хорошо, передвигался, почти не хромя, но был сильно голоден. Дверь в офис была не заперта, он вошел и увидел Степанова, зам-директора по экспедициям в МЧС – тот сидел за его столом и ковырялся в мобильном телефоне. Тут же, с каменными лицами, ожидали Елена и Леонард; возле стола Чагина стоял незнакомый молодой человек в очках.

– Здравствуйте, Хааст, – сказал Степанов. – Ну, вы, кажется, молодцом. Я тут уже третий день торчу, жду вас. Знаем, что с вами произошло. Что же вы, батенька, в айнские деревни так запросто ездите – вы же знаете протокол.

Хааст молчал, ледяное оцепенение наполнило его, он ждал продолжения.

– Впрочем, Хааст, – Степанов не заставил долго ждать, – протоколов, вы таки, не знаете. Не будем тянуть. С сегодняшнего дня вы уволены из МЧС. Мне жаль вам об этом сообщать в такой момент, но служба, что поделаешь. Вот ваш билет на сегодняшний рейс, вот немного денег, а вот документ, с которым вас пустят в самолет. В Москве, как подлечитесь, зайдете в наше отделение, там все окончательно оформите и дадите ваш домашний адрес – по нему мы вышлем все ваши личные вещи отсюда, из вашей комнаты, и те, что разыщут в деревне. Такси в аэропорт будет здесь через пятнадцать минут. До свидания!

– До свидания, Елена, – сказал Хааст.

– До свидания, Хааст, – ответила звенящим голосом Еле-

на.

– Прощайте, старина, – произнес с чувством Леонард.

– Прощайте, Леонард, – ответил Хааст, развернулся и вышел из офиса.

Хааст был потрясен. Он был уничтожен. Ничего подобного он не ожидал, но, как было уже сказано в нашем рассказе ранее, вполне мог бы предвидеть, если бы был более внимателен в последние полтора месяца к Леонарду и к директивам из Москвы. Позавчерашнее приключение в айнской деревне было здесь ни при чем – в ту самую минуту, когда Хааст предложил Павлику отвезти его домой, Степанов уже приземлился на острове и мчался на такси в офис. На самом деле, тучи начали сгущаться над Хаастом еще в начале июля – после того, как он лично сообщил Степанову, что они с Чагиным подписались на работу в детский лагерь, не зная о совещании Леонарда с центром. Как выяснит Хааст значительно позже, Степанов после этого стал консультироваться с Леонардом и собирать о Хаасте такого рода сведения, которые сейчас называются компроматом. Вспомнились «успехи» Хааста в его работе в Московском офисе МЧС. Вскрылось условное наказание Андрея за кражу в магазине в медвежьей бухте, и протекция Хааста в этом, и в последующих делах Андрея. После смерти Чагина Леонард настроил рапорт Степанову, так как считал Хааста косвенно виновным в гибели старейшего экспедиционера. Помощь Наталье в ее отъезде на Украину, за счет государственного фонда, стала

последней каплей – дни Хааста в МЧС были сочтены. Его высокопоставленный дядя уже никак не мог помочь ему. Все это было известно Леонарду, и хотя он не желал, да и не имел права информировать Хааста ни о чем, но (мы ведь знакомы с Леонардом) его тон и выражение лица при общении с Хаастом были более чем красноречивы. Однако Хааст, потрясенный смертью Чагина, и погруженный в множество дел, последовавших за ней, почти не замечал Леонарда. Может быть, Хааст и улавливал порой его косые взгляды, но списывал их на обиду за летний лагерь, за Чагина и за Наталью, и думал, что все со временем наладится. И Елена не могла ничего подсказать Хаасту – она также не слишком обращала внимание на Леонарда, будучи полностью поглощена заботами о дочери и о новом доме.

– Да пошли вы все в жопу, – пробормотал куда-то в пыль Хааст, сидя на бордюре и ожидая такси. Улетать сегодня с острова он не собирался. «Нет, так нельзя, так просто невозможно», – думал он. Вся его дальнейшая жизнь, планы, надежды – все было здесь; учебное пособие, над которым он так фанатично трудился, было подогнуто под местные условия и должно было пройти проверку здесь. У него разом все отняли. По уставу МЧС, вернуться сюда как гражданское лицо, в случае увольнения, он мог только через три года. Он представил себе Крым, родителей, друзей, и первые признаки облегчения засветились в его душе. «Ладно, жизнь продолжается, а монографию придется заканчивать на контин-

ненте», – подумал он. «Но я хочу попрощаться с моим островом, привыкнуть к мысли, что я должен покинуть его», – решил он. В это время подъехало такси.

– В аэропорт? – спросил водитель, открывая дверь.

– Нет, – ответил Хааст, – давайте-ка в рыбацкий поселок, а оттуда на плато.

Хааст хотел провести несколько дней в их старом офисе, в домике на горной дороге – месте, столь любимом им, где он знал каждое дерево, каждый камень. По его сведениям, этот домик сейчас пустовал, и Хааст думал забраться туда; он также надеялся найти мешок с сухим пайком, который он как-то припрятал неподалеку в горах, во время своих путешествий. Ехали в полном молчании; Хааст думал о своем будущем на континенте. Высадившись, Хааст подошел к пустому, как казалось, старому офису, и обнаружил внутри нескольких строителей; их машина была припаркована с другой стороны и он вначале не заметил ее. Из разговора с рабочими он узнал, что дом уже арендован кем-то и сейчас идет ремонт. Ему предложили сигарету, но вместо нее он попросил продать ему какой-нибудь из сэндвичей, лежавших на столе. Ему дали один бесплатно, он поблагодарил и удалился. Устроившись на его любимом поваленном стволе на краю плато, он медленно расправился с сэндвичем, созерцая прекрасную береговую линию, рыбацкий поселок, бесконечную даль океана. Он прощался со всем этим, как с любимым другом, который внезапно улетает в далекие края. Мысль о

том, что это сам остров уезжает, потому что ему так надо, облегчила страдания Хааста. Прощался он и с Чагиным – сидя на этом стволе они вместе провели немало замечательных, душевных минут. Был теплый, ясный день, лето еще не сдало своих позиций на острове. Хааст прилег на траву и заснул. Проснулся он уже под вечер от холодного ветра и вспомнил, что уволен, а также, что ему негде провести ночь. «Однако темнеет», – подумал он, и вдруг ему в голову пришла идея, от которой он просто не мог отказаться. Ему следовало спуститься в лес и заночевать в избушке Антипа – вот уж где вряд ли будет занято. Обрадовавшись такому плану, он направился вниз по дороге, и, найдя знакомый спуск, очутился на горном склоне.

Глава 13

Хааст спускался по лесной тропинке медленно, с болью в ребре нагибаясь под еловыми ветвями и с усилием перешагивая через поваленные деревья. Наверху, на плато, он переоценил свои возможности и состояние – сейчас все его тело ныло, голова кружилась, он был слаб. Голод мучил его, каждый шаг давался с трудом, он приседал отдохнуть. Сумерки уже совсем сгустились, когда он различил внизу просвет в ельнике, где должна была стоять избушка. Он добрался до нее из последних сил и долго стоял, опершись на стену, переводя дух и думая разбить окно и влезть через него – сломать дверь он теперь не смог бы. На его счастье, дверь была затворена, но не заперта на замок. Хааст открыл ее и осторожно прошел в полной темноте к окну, поблескивавшему от лунного света. Возле окна он разглядел на полке масляную лампу и коробок спичек; через мгновение комната осветилась тусклым мерцанием. К сожалению, никаких признаков съестного рассмотреть не удалось; Хааст пошарил по полкам, затем увидел стол, за которым они пили когда-то с Антипом квас. Стол был пуст, а посреди его лежала толстая бумажная книга. Он прошел в спальню, но и там еды никакой не обнаружил. «Утром найду что-нибудь, сейчас все равно ни черта не видно», – решил он, задул лампу, повалился на кровать и отключился. Он проснулся в рассветной полутьме

от нестерпимого голода. В избе решительно ничего съедобного не было, но в сарае он нашел флягу и рискнул попробовать из нее – это была вполне пригодная для питья вода. Утолив жажду, Хааст присел на ступеньку и стал соображать, что же ему делать, если он не найдет здесь никаких оставшихся припасов. «Ничего, съем несколько сырых грибов, а потом спущусь вниз, в поселок, только бы сил хватило», – решил Хааст. Он зашел обратно в дом и положил флягу на стол, рядом с книгой, на красивой бархатной обложке которой золотой вязью было выгравировано название: «Секреты великих фокусников». Он сдвинул книгу на край стола и из-под нее выскользнул листок бумаги. Это была записка! Хааст схватил ее и прочел вот что:

«Записка эта предназначена для моего приятеля, большого любителя академической гребли. Любой другой читатель – читай, но оставь записку на месте.

Уважаемый мастер весла! События последних месяцев все сильнее убеждают меня в том, что рано или поздно ты окажешься здесь, на моем месте, без своего весла и без погон. Нет смысла утверждать, что все, что я излагаю в этой записке, будет иметь для тебя смысл. Любые ассоциации с придуманными персонажами случайны и необоснованы – речь пойдет о конкретном человеке, живость и реальность которого только что была подтверждена мне зеркалом. Погруженный в себя не может дышать, а поскольку рыба может

дышать, мы делаем вывод – рыба не погружена в себя, кроме того случая, когда она выброшена на берег. Правда поиска приносит больше плодов, чем поиск правды. Мой вышедший на дорогу ботинок честнее своего владельца, и за свою честность он будет вознагражден сверкающей на солнце пылью, сладким ароматом придорожных цветов и кожными заплатами в протертых местах. Судьба владельца – порочный круг: за свое лицемерие и непостоянство тот обречен на несчастье, а за свое несчастье – на лицемерие и непостоянство. Пламенный тихоход в ночном небе необъясним, но и не опасен, а природа быстрого пламени известна, и губительна для нас. Если ты видишь ходячую пещеру, не бойся ее, ей нет дела до тебя, но если у ног нет пещеры, то они могут дать тебе хорошего пинка – убегай быстрее от таких ног. Камни, в отличие от рыб, всегда погружены в себя, и конечно же, они не употребляют кислорода, а значит – кислород употребляет их. Поедание менталитета особенно применимо к менталитету поедания – такой менталитет нежизнеспособен.

P.S. В спальне под ковром есть дверца в подпол, там ты найдешь ящик с консервами и медикаментами. Код от замка – твое имя.»

Удивляться не было сил – слова о пище подстегнули и так уже невозможный голод. Хааст прошел в спальню и пролез в подпол. Там на железном корабельном сундуке висел огромный замок недавней конструкции с пятью голографически-

ми колесиками для ввода шифра. Он набрал свое имя, и замок, как в сказке, открылся. В сундуке обнаружили тушенка, сушеная рыба, бутылки с водой, сухари, макароны и лекарства. Съев две банки тушенки с сухарями, Хааст сразу же почувствовал прилив сил и снова завалился спать. Уже перевалило за полдень, когда он открыл глаза, богатырски потянулся, скривившись от боли в ребре, и встал на ноги. Отодвинув занавесь на окне, он рассмотрел спальню – здесь, помимо кровати, были только придвинутые к стене стопки настоящих бумажных книг, причем весьма аккуратные, с заботой сложенные, как на столах в старинных библиотеках. «Книжного шкафа он достать не сумел, это теперь раритетная мебель» – подумал Хааст. На широком подоконнике, однако, он заметил еще две книги, с торчащими из них испи-санными листами бумаги – видимо, те, что Антип читал в последнее время. Хааст сдул с них пыль и раскрыл их, обе книги были на английском, с латинскими заглавиями; одна из них называлась «*De rerum natura*», известный труд Лукреция, вторая – еще более знаменитая «*Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*» сэра Иссака Ньютона. Антип, похоже, с пристрастием штудировал их – на полях были пометки; вставленные бумаги пестрели замечаниями (на русском языке), чертежами и вычислениями. Хааст принес себе из подпола еще две банки тушенки и с аппетитом принялся за еду, листая труд Ньютона, и выискивая в нем заметки Антипа. В начале одной из страниц на полях было написано «Нью-

тон, ты осел», а внизу той же страницы «извини, старик, осел здесь я». Хааст вытащил несколько торчащих листов бумаги, на первом из них было нацарапано: «Я тебе покажу гравитацию без механических причин, лживый пес», а дальше шли чертежи и формулы. Взглянув на них, Хааст догадался, что Антип пытался объяснить гравитацию трением об эфир и выводил свою теорию эфира, надеясь, как и многие до него, посрамить английского гордеца, а заодно и немецкого фантазера. Хааст посмотрел эту работу Антипа до конца – на последнем листе он нашел пару таких же чертежей, что видел вначале, только теперь некоторые символы и фрагменты были перечеркнуты. В заключительной строке Антиповых изысканий было написано: «Вот ведь жопа, никак не сходится, все-таки, противоречие». Покончив с едой и отложив книгу, Хааст вышел на воздух. Он отправился к пригорку, где не столь давно стоял с веслом под елью, скрипящей на ветру. Отсюда было видно плато и часть горной дороги, убегающей серпантинном вверх. «Если я вернусь сюда когда-нибудь, то плато, небось, уже будет застроено всякими базами отдыха, а то и Андрей приедет, уже маститым, деловым бизнесменом, и поставит там свой горнолыжный курорт, вырубив весь ельник на горном склоне. Хорошо, если избушку не снесут, а оставят в живых, приспособив ее, скажем, для проката санок. Нет, остров этот принадлежит мне только сейчас, пока я живу вместе с ним. Как только наши дорожки разойдутся, он перестанет быть моим», – так думал Хааст, обзоре-

вая свои владения. Он погулял еще немного по лесу, наслаждаясь тихой, прекрасной погодой, нашел несколько сыроежек и опят, и принес их в дом. В сарае обнаружилась вязанка дров, он развел огонь в печи, сварил в котелке грибы, и когда они уже были почти готовы, подсыпал к ним макарон. После раннего ужина он нашел в книжных стопках Полтаву Пушкина, залег с ней на кровать, и заснул с закатом.

На следующее утро Хааст проснулся уже в чемоданном настроении – вот теперь пришла пора расстаться с островом. Новая жизнь где-то ждет его. Он оставил замок на сундуке с провиантом открытым, немного прибрался в избушке, и покинул ее, захватив с собой две Антиповы книги с подоконника, и записку, столь своевременно найденную на столе. Он направлялся вниз, в рыбацкий поселок, где думал хорошенько искупаться напоследок в море, а затем истратить последние деньги на звонок Вере, заплатив какому-нибудь мальчишке за использование его мобильного; номер ее телефона он помнил наизусть, как и другие важные номера. Он очень надеялся, что Арсений нашел его часы и документы, и Вера поможет ему получить их. Ни в какие контакты с экспедиционерами ему вступать было нельзя – уж этот протокол он нарушать не собирался, но ничто не запрещало ему контактировать с их детьми. Он бодро спускался по лесной тропинке; тело слушалось прекрасно, ноги пружинили; он чувствовал, что почти оправился от травм и готов хоть сейчас пробежать марафон. Погода, однако, начинала пор-

титься – тяжелые серые тучи надвигались со стороны океана; вся эта темная громада то и дело освещалась вспышками молний. Хааст успел достичь оврага, через который они с Антипом перекинули зимой два еловых ствола, и перебраться по ним на другую сторону, когда его накрыл проливной дождь. Его спортивный костюм сразу промок, он переложил все из карманов в пакет с книжками и ускорил шаг. Дорога уже была размыта, Хааст шагал по щиколотку в грязной, земляной воде, которая ручьями сливалась на тропинку со всех сторон и образовывала мощный поток, устремленный вниз к подножию горы. Хааст несколько раз поскользнулся и упал, сила водяной лавины все увеличивалась, и он теперь уже шел по краю тропинки, цепляясь и держась за деревья, чтобы его не смыло и не унесло вниз. Насквозь мокрый и продрогший, он достиг, наконец, подножия горы; на бетонной площадке бушевало наводнение и ему пришлось спускаться на автотрассу в другом месте, через кусты и канавы. Добравшись до торгового центра, он зашел в туалет, выжал там свой спортивный костюм, и немного согрелся, стоя в кабинке в одних трусах. Пришлось, однако, тут же одевать костюм обратно и мучиться от холода; денег у него оставалось совсем мало, он купил себе горячий какао и направился к морю. До пляжа и пирса напротив дома Андрея было отсюда недалеко, но и здесь, в скалах и утесах, можно было замечательно искупаться. Хааст не желал отступать от своего плана ни на шаг, что там погода, она ему не помеха, даже наобо-

рот – так он считал. Море штормило не слишком ужасно, а в этом месте вода и вовсе была относительно спокойной, так как волны разбивались здесь о скалы, торчащие повсюду из воды. Он допил какао, но холодная дрожь не перестала бить его. Спустившись к воде, он разделся, выжал еще раз свою одежду, спрятал ее и пакет под нависающую над песком скалу, и бросился в море. Волшебное тепло сразу облекло его, он как будто попал в нагретый бассейн. Всем, кто купался в холодные грозы в летнем море, знакомо это ощущение – вода в такие моменты значительно теплее воздуха и там можно прекрасно спастись от холода. Тело Хааста блаженствовало, а раскаты грома и стрелы молний наполняли тем же чувством душу. Он был вознагражден за свое упорство и грелся в воде с полчаса, неторопливо плавая и иногда вылезая на скалы, впрочем, скользкие и противные. Дождь, тем временем, почти перестал, гроза уходила, небо рассеивалось. Хааст был счастлив – прощание с океаном удалось на славу. Он расстелил на камнях свой костюм, а сам еще некоторое время нырял и барахтался возле берега, сгоняя с камней чаек и пугая придонных крабов. Голод выгнал его, наконец, из воды. В мокрой, но не столь уже холодной одежде он поднялся обратно к магазинам, купил себе в ларьке сосиску в тесте и уселся на скамеечке, греясь и высыхая под прочно вышедшим из-за туч солнцем. Возле торгового центра становилось все многолюднее, было обеденное время, народ, спрятавшийся от грозы, спешил теперь на воздух. Хааст доедал

свой хотдог и присматривал кого-нибудь, кто согласится забрать последнюю его денежку за телефонный звонок. Вдруг он увидел Лидию, которая направлялась, по видимому, за покупками, и скоро должна была пройти мимо его скамейки. Вот уж с кем он прощаться совершенно не собирался, просить же ее о звонке было просто невыносимо. Хаасту было неудобно перед Лидией и жаль ее, хотя он не чувствовал себя виноватым перед ней – это известная ситуация, которая не предполагает дальнейшего общения. Кроме того, нет более мстительного врага, чем отвергнутая женщина, которая считает, что ей пренебрегли; женщины редко с достоинством держатся в таких случаях, не давая волю реваншистским порывам. Однако, бежать от нее сейчас было и поздно и глупо. Хааст поспешно развязал свой полиэтиленовый пакет с книжками, выхватил Лукреция и сделал вид, что поглощен чтением.

– О природе вещей, на английском, вы только полюбуитесь! – услышал он через несколько мгновений насмешливый голос Лидии. – Здравствуйте, Хааст! Господи, на кого вы похожи! Что с вами? Какова природа этих вещей, которые на вас одеты? Да вы весь мокрый!

Лидия присела с ним рядом на скамейке и весело смотрела на него; не было, похоже, ни малейшего оттенка злости или сарказма в ее словах.

– Здравствуйте, Лидия. Как вы поживаете? А я тут решил в море искупаться, люблю, знаете, поплавать в грозу. А ко-

стюм, да, промок немного.

– Но вы весь в побоях! Откуда эти синяки? Я подумала издалека – бомж какой-то на скамеечке сидит.

– Подрался с чайками за сосиску – их много, а я один, – пошутил в ответ Хааст.

– Ясно, – протянула Лидия и с еще большим удивлением посмотрела на него.

Помолчали немного. Хааст отложил в сторону книжку.

– Вы, Лида, не обижайтесь на меня, пожалуйста, что я тогда так быстро ушел, – наконец сказал Хааст.

– Да что вы, чудак, я все понимаю. И сама бывала в таком же положении. Сердцу ведь не прикажешь, правда?

«Хорошая девушка Лидия», – подумал Хааст. «И почему я к ней ничего не чувствую?». Но вслух сказал:

– Извините, еще раз. Я рад, что вы все правильно понимаете.

– Что скрывать, Хааст, я буду откровенна с вами: такого мужчины, как вы, здесь на острове больше нет.

– Да что вы, Лидия, – начал было Хааст и не знал, что говорить дальше. Разговор все-таки вошел в нежелательное русло.

– Ну, скоро и этого не будет, – неожиданно для самого себя проговорил он. – Знаете, я сегодня уезжаю.

Лидия теперь смотрела на него с пониманием и участием. Она, похоже, догадывалась, в чем здесь дело.

– Хааст, признавайтесь, вам какая-нибудь помощь сейчас

нужна? – спросила она.

– Нужна, – ответил он. – Дайте, пожалуйста, позвонить.

Он набрал на ее мобильнике Веру, та не ответила, но Хааст оставил сообщение и рассказал, где он и что он.

– Ну что ж, Хааст, всего вам хорошего. А я, знаете ли, полюбила этот остров, и никуда отсюда не собираюсь, – сказала на прощание Лидия.

– Вам счастливо оставаться. Вы прекрасная девушка, Лидия, – отвечал Хааст.

Лидия встала и удалилась, а Хааст остался сидеть, под впечатлением от разговора.

Затем он вновь открыл Лукреция, на первой попавшейся странице, и прочел: (мы сразу переводим на русский)

«Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность

Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,

Ибо и дух и душа составляют единую сущность.»

Хаасту стало интересно, он перелистал назад, нашел место, где Лукреций начинает убеждать в смертности души, и углубился в чтение. Затем он отложил книгу и сказал себе:

«Вот так дела! А у нас тут все твердят о том, что душа переселяется после смерти куда-то, а потом переходит другому существу и развивается до следующего уровня в нем. Вот же, автор совершенно неопровержимо доказывает, что душа умирает вместе с хозяином. Какой же я, все-таки, необразованный, надо больше читать. Но черт побери – значит, Чагина, и моих погибших товарищей больше нет совсем! От

них не осталось вообще ничего, и то, что они взрастили в себе, просто исчезло безвозвратно. Увы, это так. Стоп, что-то осталось – это только то, что они успели передать нам при жизни.»

Хааст вспомнил, как они разговаривали о смерти с самим Чагиным и одна его фраза застряла в памяти: «Человек живет на белом свете пятьдесят лет. Первые десять лет он готовится к жизни, хотя сам думает, что уже живет, а последние десять лет он готовится к смерти, хотя сам думает, что еще живет. И только этот промежуток в полвека – между возрастными десять и шестьдесят лет от роду – он и является настоящей жизнью».

«Ну что ж», – подумал Хааст, «Чагин ушел чуть не дотянув до шестидесяти, в самом конце настоящей жизни; он встретил смерть без подготовки – может быть, это и есть самый достойный конец».

Эти грустные размышления прервало постукивание по его плечу, он поднял голову и увидел Елену. Здесь же были Арсений с Верой, все с изумлением и тревогой смотрели на него. Хааст попросил всех успокоиться и поведал о своих похождениях после увольнения.

– Ну, вы, Хааст, даете! – воскликнула Елена. – Впрочем, Степанов, зная вас, не стал привлекать полицию. Он сам улетел только вчера, и сказал, что у вас есть три дня, чтобы покинуть остров.

– Я готов! – ответил Хааст. – Если Вера будет так добра

одолжить мне деньги на билет, то я сразу в аэропорт. Как прилечу, сразу переведу вам деньги.

– Этого не понадобится, – вмешался Арсений. – Вот ваши вещи – и он передал Хаасту сумку, где лежали его кошелек, мобильник, документы и часы.

– Вот это да! Молодец, Арсений. Спасибо огромное. Ну что ж, теперь я в полном боекомплекте. Арсений, сколько вам стоило выкупить мои вещи?

Хааст распахнул кошелек, все, похоже, было на там на своих местах.

– Не волнуйтесь, Хааст, – ответила Вера, пусть это будет наш вам прощальный подарок.

– Мне запрещено с вами разговаривать, – сказала со слезами Елена. – До свидания, дорогой!

Они обнялись, Хааст также обнял Веру, пожал руку Арсению и отправился на стоянку такси. По дороге в аэропорт он проверил банковские счета – все было нетронуту, никто его карты, похоже, из кошелька даже не доставал. Мест на сегодняшний вечерний рейс в Южно-Сахалинск уже не было, и он купил билет на завтра, а заодно и на рейс из Сахалина в Новосибирск, где думал погостить пару дней у друзей, прежде чем отправиться к родителям в Крым. Переночевал Хааст в аэропорту, растянувшись на сиденьях и подложив под голову бессмертное сочинение Лукреция.

Глава 14

В зале регистрации Хааст, не долго думая, подошел к Наполеону, сказал ему «Бонжур, месье» и протянул свой билет. Наполеон снял треуголку, почтительно поклонился и спросил Хааста, говорит ли тот по-французски.

– Нет, давайте по-русски, – отвечал Хааст.

– Моей самой главной ошибкой было нападение на Россию, – сказал Наполеон, разглядывая билет Хааста. – Так, так, рейс на одиннадцать утра. Через минуту выдадим вам посадочный талон. Хааст? Какое прекрасное имя! Багаж сдавать будете?

С этими словами Наполеон повернул голову куда-то в сторону, выудил из глубокого кармана своего парадного сюртука подзорную трубу и приложил ее к глазу.

– Нет у меня багажа, – ответил Хааст. – И что там, в трубе, враги уже близко? – спросил он.

– Нет, там только друзья. Они проверят вашу ручную кладь и содержимое карманов, и пропустят вас дальше, в зал вылета, к вашему самолету. Вы сегодня прекрасно выглядите!

– А вы что-то слишком льстивы и обходительны для генерала, милейший, – отвечал Хааст.

– На службе-с! Еле выбил себе разрешение выбраться с острова святой Елены, чтобы иметь удовольствие обслужи-

вать пассажиров, месье!

– На острове Альбины, значит, интересней?

– Нельзя сравнивать, что вы, здесь гораздо больше людей. Вот ваш посадочный. До начала посадки еще два часа. Не желаете ли узнать побольше о храбрейшем из храбрейших, моем маршале Нее? Также могу рассказать о битве при Ватерлоо или про Бородино. Присаживайтесь в кресло, а я постою.

Хааст попросил рассказать о маршале Нее, но как только император начал повествование, невдалеке послышался недовольный женский голос и мужской хохот. Хааст оглянулся и увидел в десяти шагах знаменитую актрису Мэрилин Монро. Возле нее стоял нетрезвого вида парень, и, похоже, дотрагивался до нее.

– Что вы себе позволяете, молодой человек, – повышала голос актриса. – Смотреть можно, трогать нельзя! Я работник аэропорта и если вы не прекратите, то я позову начальника зала.

– Зови, зови, дура, – ответил наглец и продолжил лапать ее.

Мэрилин вручила ему посадочный и сообщила, что сейчас придет ответственный человек. Но это нимало не смутило парня – он, видимо, был завсегдаем аэропорта и ничего не боялся. И действительно, начальник не приходил. Красотку спасла только большая группа спортсменов, которые появились в зале и выстроились в очереди к колоритным клер-

кам регистрации – а их здесь было около дюжины. Наполеон и Мэрилин Монро были синтетическими биороботами с искусственным интеллектом, которые выдавали пассажирам посадочные, принимали и относили их багаж, и вдобавок могли развлечь их беседой и рассказами, в случае, если не было очередей. В зале также трудились Григорий Распутин, Степан Разин и другие исторические персонажи. При появлении спортсменов Мэрилин и Наполеон в один голос заявили Хаасту и наглому парню, что они вынуждены попроситься с ними, поскольку должны обслуживать новых пассажиров. Парень, нарушающий этику обращения с биороботами, дал актрисе щелбана и отошел; Хааст также расстался с Наполеоном, успев услышать от него лишь то, что маршал Ней последним из всех французов переправился через Березину.

Решив не отправляться пока в зал вылета, Хааст уселся за столиком в кафе и заказал себе завтрак. Он вспомнил еще одного Наполеона, которого знал в детстве – самого настоящего, человеческого, живого. В каждом большом и малом городке Малороссии и Украины всегда обретается пара-тройка привычных и узнаваемых сумасшедших, которые являются неотъемлемой частью городской культурной атмосферы. Они все время на виду, зимой и летом одним цветом, вечно куда-то спешат в одних штанах, без рубахи; их подкармливает любое кафе и власти не стремятся упечь их в приют для слабоумных, или, как раньше говорили, в сумасшедший дом. Если честно, то когда посещаешь такой ма-

ленький городок и видишь, как угощают хлебом местного сумасшедшего, то именно тогда понимаешь – в этом местечке все хорошо, здесь есть душа, которая питается соками столетий, старинным духом заботы о блаженных и юродивых, людях Божьих и Богом обиженных. Лишь туристы косятся на них, как на обычных бомжей, но местные любят их, как любят свою землю, ибо родная земля рождает много разного, и все это, без исключения – близкое и дорогое сердцу. У Хааста в его квартале в Феодосии жил как раз такой юродивый, которому, за его неизменную треуголку, дали кличку «Наполеон». Звали его Федором, он вовсе не считал себя Наполеоном, но рассказывал всем при встрече одну и ту же историю – как он был большим ученым в закрытом военном институте, специалистом по вибрации, и разрабатывал всякие шпионские жучки и гаджеты, способные услышать даже приглушенный разговор за сто метров, по мельчайшей вибрации стен. Как злые американцы следили за ним и травили его ядом и хотели задавить машиной, а потом и свои начальники, продавшиеся госдепу, уволили его и лишили всего. Он всегда при беседе горячился, требовал дать ему ручку и бумагу и кричал, что сейчас все докажет. Действительно, если ему предоставляли такую возможность, то он чертил что-то, писал формулы, и, тыкая в собеседника ручкой, умолял о понимании и поддержке: «Ну, вы видите, вы убедились теперь, что я прав?». С ним всегда соглашались и предлагали специально захваченный для него из дома пирожок или кот-

лету, он радостно брал грязными руками и тут же торопливо съедал, широко улыбаясь и роняя крошки на землю. Краснощекий и толстопузый, он ходил круглый год в треуголке, а кроме нее, лишь в одних полосатых шортах, больше похожих на трусы, и даже когда в Феодосии лежал снег, отказывался от предлагаемой одежды, утверждая, что ему совсем не холодно. Мальчишке Хаасту было интересно, куда же Федор постоянно торопится, и правда ли, что он – бывший ученый, но мама неизменно отвечала одно и то же – «Все мы очень спешим по делам, которые сами выдумали себе, и все мы, в той или иной степени, сумасшедшие. Возьми-ка, лучше, из буфета вчерашнюю булочку, догони его, отдай ему».

Так Хааст предавался воспоминаниям и завтракал; до посадки на рейс оставалось еще полтора часа; постепенно отвлекшись от своих дум, он стал разглядывать пассажиров, и вдруг знакомая походка привлекла его внимание вдалеке, у самого входа в здание аэропорта. Это была Елена, она приближалась точно к тому кафе, где сидел Хааст, хотя и не видела его. Хааст решил не окликать ее – Елене было запрещено общение с ним. Елена искала кого-то, она бродила вокруг, обошла весь зал регистрации, еще и еще раз. Она искала его, это было понятно. В очередной раз подойдя к его кафе, она, наконец, увидела его и подошла. Она была бледна и болезненно худа, круги и морщины под глазами свидетельствовали о бессонной ночи.

– Елена, здравствуйте. Что вы здесь делаете, ведь повсюду

камеры, вам же нельзя со мной разговаривать! – сказал Хааст, пересаживаясь в другое кресло, так, чтобы камера смотрела на них сзади.

– Да мне уже все равно. Здравствуйте, Хааст. Хорошо, что я вас застала.

– Что случилось, Елена?

– Да так. Подумала в последний раз пообщаться с вами. Вы знаете, я вчера подала Леонарду заявление об уходе.

– Да что вы? Почему? А как же дом?

– Дом... да уж, этот дом. В общем, Хааст, съезжаю я отсюда. Не может Вера в этом доме, с этими ребятами в районе. И я не могу. Возьму ипотеку и куплю нам квартиру в хорошей новостройке неподалеку от рыбацкого поселка. Вера будет счастлива.

– Обратно в поселок? А как же Верина астма?

– Да что-то я не заметила особых улучшений в этой северной бухте. Вокруг сплошной снобизм, всякие менеджеры живут, начальники. Ну и дети соответствующие. Вера после первых дней в школе в полном шоке. А в поселке главное – жить подальше от рыбной фабрики, и тогда с астмой все будет не так плохо.

– Ну и дела! – воскликнул Хааст. – А почему же вы уходите из МЧС?

– Не могу больше. Устала. Леонарда что-то совсем снесло в карьеризм, он, похоже, в министерство метит. Наобещал Степанову всякую чушь, и теперь в ближайшие полгода мы

должны дурацкие программы для МЧС разрабатывать, как будто они в Москве сами этого сделать не могут. Парнишка, которого прислали вместо Чагина – он как раз с этой целью и прилетел – вводить нас в курс их новых методик. Но при этом, план по реабилитированным семьям – вынь да положь. Без вас и Чагина мы бы все равно не справились, но теперь это уже не мои проблемы.

– Да уж, – сказал Хааст. – Жаль, что так вышло. И куда пойдете работать?

– Мне в морском музее уже давно предлагали преподавать. Далековато, конечно, но ничего, покатаюсь. А вы, Хааст, куда планируете?

– Думаю с другом частный консалтинг открыть, по спасательному делу, и кружки для школьников тоже предлагать. Но сначала монографию свою закончу, там еще нужно пару месяцев посидеть, проработать кое-какие моменты.

– Ясно. Вот еще что. Я хочу, чтобы вы знали. Не могу больше носить это в себе, – Елена вдруг окаменела и почернела. – Держите – и она протянула Хаасту записку.

– Это еще что такое? – спросил Хааст и начал разворачивать ее.

– Не сейчас, – сказала Елена, закрывая ладонью записку. – Не читайте пока. Я прошу вас – прочтите это уже в самолете, когда будете в воздухе.

– Хорошо, обещаю, – отвечал Хааст.

– Ну, на этот раз, – до свидания. Была рада работать вме-

сте с вами, почти год.

– Взаимно, Елена. До свидания. Вере привет! Спишемся, созвонимся!

Елена встала и быстро пошла прочь. А Хааст направился в зал вылета, слегка озадаченный после беседы с ней.

В самолете Хаасту досталось место далеко от иллюминатора и при взлете он лишь один раз увидел землю – когда воздушное судно резко накренилось, меняя курс. Остров Альбины лежал внизу, залитый последним сентябрьским солнцем; малахитовый океан вдоль береговой линии отсвечивал белыми зернышками скутеров и яхт. Почти весь 2049-ый год, исключая лишь осень, Хааст провел на этом острове, и не мог сейчас в это поверить. «Человек совершенно не чувствует своего прошлого, он лишь знает о нем. Ему иногда кажется, что он прочитал про свое прошлое в каком-нибудь сборнике мемуаров», – думал Хааст. Из этой внезапно исчезнувшей жизни Хааст сумел забрать с собой в настоящее лишь две книги Антипа – вот они, ровно такие же, какими были в лесной избушке, а значит, остров Альбины не приснился ему. Вдруг Хааст вспомнил про записку Елены, развернул ее и прочел следующее:

«Дорогой Хааст!

Вот уже больше месяца, как мне нет ни сна, ни покоя, и сил держаться остается совсем мало. Если бы я употребляла алкоголь, то пила бы сейчас беспробудно, как это делают в

подобных случаях мужчины. В последнее время меня донимает навязчивая идея, что если я расскажу кому-нибудь мою тайну и попрошу прощения, то мне полегчает. Кроме вас, никто не сможет сопереживать мне, и взять часть моих страданий и раскаяния на себя. Смерть Чагина не отпускает меня, и это потому – что я являюсь прямой виновницей ее. Знаете, мой отец когда-то говорил мне, что шанс на настоящий поступок жизнь дает человеку только раз или два, и это всегда бывает внезапно, нет времени собраться, подготовиться и подумать, и все твое существо, как оно есть на самом деле, все его детство, весь его опыт, все его чаяния и ценности – все мгновенно мобилизуется в этот момент, и ты принимаешь бессознательное решение. В такой момент, говорил отец, жизнь не обмануть – ты показываешь себя таким, какой ты по-настоящему есть. Люди любят примешивать сюда черта, беса-искусителя, и часто потом оправдывают себя его влиянием, типа: «бес попутал». Говорят, дьявол всегда появляется в решающий момент, ведь он стоит на страже своих интересов, и когда где-то может случиться крамола – он тут как тут, и склоняет человека к ней. Это все чушь и оправдание собственного ничтожества. Дьявол – он в нас самих, он просто обычно спит, но в такие моменты он просыпается, как и все остальное в нас, и участвует в принятии решения. Дьявол – это ни что иное, как наши слабости, наш эгоизм, наша гордыня, наши тщательно скрываемые пороки. Но хватит лирики, вот что произошло:

Накануне того дня я преподавала в летнем лагере у нас в рыбацком поселке. На обеденный перерыв мы поднялись немного в лес – в том месте есть поляны, где дети собирали ягоды; из взрослых была я и несколько родителей. Пока они обедали, я ненадолго отошла от всей в группы выше в лес, хотела поискать первых грибов, и встретила деда Никласа. Мы немного поговорили, и он сказал мне, что завтра, похоже, будет землетрясение в северной части острова – «животные уходят оттуда к нам и земля беспокойна». Я, вообще-то, не очень серьезно отнеслась к его словам. Кроме того, я знала, что вы с Чагиным по средам в каньон Чкалова не ездите, да и вообще этот каньон – довольно безопасное место. Поэтому я забыла об этом разговоре в лесу, и вспомнила лишь тогда, в среду утром, когда Чагин собрался ехать в каньон. Если вы помните, я задержала его, хотела рассказать о предупреждении деда Никласа. Но тут позвонила Вера. Вечером во вторник у нее был кошмарный приступ астмы, и в среду он все еще не прошел – она сильно кашляла в телефон. Вдруг что-то страшное овладело мной. Дом – этот дом, который мне не достался, и о котором я так мечтала, который спас бы Веру от болезни, уберег бы ее от сомнительных компаний в нашем поселке – он вдруг ожесточил меня, ужасная мысль закралась в голову и захватила, сковала меня. И я не остановила Чагина, позволила ему уехать в каньон. Меня отпустило через полчаса, и я звонила Чагину, но он не отвечал. Вы же знаете, он не любил слушать сообщений, а я оставила ему

их штук пять. Но было поздно. Я на остров сюда приехала ради Веры, и не жалею об этом. И Чагина я очень любила, вы это знаете. Но – не смогла в решающий момент справиться с искушением. Теперь мне жизни нет, но надо как-то жить дальше. Простите меня, Хааст.

P.S. Похожее письмо с просьбой о прощении я отправила недавно матери Чагина.»

Хааст скатал из записки плотный шарик и бросил его в свой пустой бумажный стаканчик из под воды. Стюардесса сейчас как раз проходила по рядам и собирала мусор, и Хааст отдал стаканчик ей, попросив взамен две рюмки водки. Она, однако, долго не возвращалась. «Черт побери, у меня и в мыслях не было», – думал потрясенный Хааст. Он вспомнил, что Леонард, на самом деле, очень старался выбить дом и для Елены, звонил в центр, хлопотал. Но увы, с жильем на острове было слишком напряженно, так что ничего не получалось. Затем Хаасту в голову пришла совсем гадкая мысль: «А ведь если бы я помог полиции поймать Антипа, когда экспедицию просили об этом, то всех нас повесили бы в должностях, и возможно, Елене тоже выдали бы дом, и тогда Чагин был бы сейчас жив». Эта мысль до того скрутила Хааста, что он на минуту отключился от реальности и сидел с вытаращенными глазами, глядя в пустоту. Затем, как всегда с ним бывало в подобных случаях, на помощь ему подоспела философия, и дальше он думал примерно так: «Ну знае-

те, задним числом всяк умен. А я вот тут только что рассуждал, что человек не чувствует своего прошлого. Несчастливая Елена всю жизнь будет чувствовать это прошлое. Выходит, человек не чувствует своего прошлого, если только совесть не напоминает ему о нем. Но свои малодушные и бессовестные поступки, которые мы совершили в прошлом, мы всегда чувствуем, всегда помним о них. А вот о трудностях достижений вообще не помним. Кто-то, может быть, горы когда-то своротил, а сейчас, выпавшись, чувствует себя совершенно новеньким, и никакой тяжести этих гор, и как мучительно трудно было их сворачивать – ничего этого вообще не чувствует, не помнит». Хааст привстал в кресле и поискал взглядом стюардессу – ее нигде не было. На ряду прямо за ним сидели мама с двумя детьми, которые ссорились из-за планшета, где была какая-то интересная игра. Старший мальчик забрал планшет себе, а младшая девочка сидела обиженная, со слезами на глазах. Планшеты на этом рейсе выдавали почему-то один на семью, там был интернет, фильмы, игры, развлечения. Хааст улыбнулся девочке, протянул ей свой планшет и попросил обращаться с ним аккуратно. Девочка просияла от радости, поблагодарила и показала брату язык. В этот момент появилась, наконец, стюардесса с водкой. Хааст расплатился, залпом опрокинул обе рюмки, и тут же уснул.